

Яна Гецеу

Ветер: курс практической психопатии

роман
часть I

КРОВЬ И СПЕРМА

Маленькая повесть о глюках,
лишенная всякого смысла

Посвящаю моему мужу, Андрею Чумке.

**“Мы рассказали – вы охуели”.
“Тёплая Трасса”**

Все мы родом из...

Вчера я попытался покончить с собой. Почему? А хрен знает! Убейте – не скажу. А намерении так все сложно и важно было.

Что со мной? Я часто думаю об этом. Чего мне надо? “*Что еще тебе надо? Что еще тебе снится...*” поет Шао в моей голове сквозь наушники. Хотя в целом музыку я не очень люблю. Я вообще ничего толком не люблю, кажется...

У меня есть много хорошего.

Вот сейчас я это понимаю. Сидя на ступеньках своего подъезда, с сигаретой, изображая задумчивость. Я смотрю на отгорающее солнце и думаю...

Вот о чем: Бог родит в муках каждый новый день, только для того, чтобы убить его к вечеру. Он прирезает День где-то во второй половине (значит, примерно на уровне “чуть ниже живота” где самые сложные сосуды проходят), и День начинает истекать кровью. Поначалу он бледнеет, и замирает, пытаюсь осознать что произошло, как в кино с широко открытыми глазами и приоткрытым ртом. Мы видим, он еще жив, но скептически поглядываем на его муки – он не жилец! Точно. (Тут хорошо бы прищуриться и потыкать многозначительно в закат тлеющим кончиком сигареты, и прибавить – понимаешь, чувак?)

А бывает, что Бог обливает День кислотой, и по небу растекается *такая* боль, и День корчится. И я вливаюсь в эту боль, и тайно содрогаюсь от немыслимого кайфа...

Или вот, как сегодня, Создатель бьет его розгами, и багровые полосы вздуваются на несчастном теле вновь убиенного Дня. А потом – Ночь, и она тоже истечет кровью свирепого рассвета, и родится следующий День, весь в родовой жидкости, маленький, громкий, печальный. Или наоборот, счастливый. Или мертворожденный, и тогда Вечер его похоронит заунывной процессией серых облаков, вывесив напоследок багровое знамя траура...

А Алиска последовала-таки по моим грязным следам, дура - положили её в дурдом. Может, даже в тот, где и я куковал, мелкий подонок. Я ведь знал, что так будет. А как же еще, ведь говорил ей – Алиса, нельзя, Бог с тобой, что ты, в самом деле! Не рассказывай *им* никогда, ни-ког-да, ничего не рассказывай! Ну, если уж так прямо достают, так скажи какую-нибудь чушь! Не знаю, у меня нет ни грамма потребности кому-то что-то вещать о *себе*. Да, наверное, это очень помпезно может прозвучать, но ведь мы и в самом деле не такие, как *они*! Мы – их враги. Те, кого они боятся. Мы должны держать свои тайны при себе, омерзительные! И бояться их, нормальных людей, очень и очень.

Затянувшись слишком сильно я закашлялся так, что чуть не порвал себе грудь. Пожал плечами, схаркнув – ведь я-то никому ничего не должен. Наклонился и рассмотрел сплюнутое – слюна содержала в себе частички крови. Блять. Опять. Но ведь не болит ничего. Значит, не скажу матери. Не буду лечиться.

Никто не хочет иметь такого ребенка, как я или Алиса. Хотя, в определенном смысле, Алиса, конечно, хуже. Куда хуже. Я и сам рад (стоит ли извиняться перед ней за это мысленно?) что знал ее очень недолго, и почти не соприкасался физически. *Кто их знает, этих сумасшедших...*

Я знаю. И это страшно. Некрасивым, пошлым, липким страхом. Сидит Алиска теперь под прицелом мощных психиатрических умов, корчится в аминазинодимедроловых объятиях, и пусть себе! Ладно еще, у нас в провинции дурдом тихий. Без санитаров-извращенцев, уродов-врачей. Самое мерзкое – это кормежка, варят прямо с очистками, или ваще не чистят! Порежут на куски свою вонючую свеклу, пиздец!!! Я ревел, как дикий в детстве – ма-ма, заberi меня-я-а-а... было дело. И получал за это тока двойную дозу, от которой весь распухал, и вены лопались. Ну, не рай, ниче на скажешь, но и не так мерзко. Почитал тут на досуге, как собратья-психи корчатся, в Белых столбах тех же... и сразу перестал жаловаться. Хотя, не знаю... как там сейчас. Ведь это давно было. И в отделении для малолетних выродков. А как в старшем секторе, я не знаю. Да и не буду знать. Уж постараюсь.

А этой дуре надо было находить другой выход. Я ее ненавижу, Алису, и всех, кто позволяет себе распускать руки, дает себе волю. Именно за то, что они – да, а я нет. Пошли все в жопу, свободолюбцы.

- Здравствуйте, баба Маш! Как здоровье ваше?

- Ничего, Ганечка, спасибо, сегодня уже лучше!

И что-то еще. Я учтиво улыбаюсь, не вполне, впрочем, лукавя – мне в каком-то смысле ее жаль, больная, разбитая жизнью бабуса.

Бросил окурок, провожая глазами девушку из квартиры напротив, если этажом выше – короткая юбка, длинные ноги и ногти, лицо, из тех, которые принято считать симпатичными. У меня другие вкусы, но я ее скоро выебу. Похрену, что ей двадцать лет. Кого я не трахал из тех, кого собирался?

- Катя, здравствуй! – бросил ей в спину, как камешек, сидя скрючившись и обняв колени, повернув для приличия лицо к ней. А с Алиской ведь мы были “два ангела да на одно лицо”. Нет, “не думать о старой обезьяне”!

- Здравствуй, Ганя! – улыбнулась, дурочка, лукаво. Ну, жди!

Встал и пошел домой, вынужденно прикрывая свежерезанные руки. Они болят и ноют, воспаляясь. Я знаю, они покроются коркой из-под которой будет тихо сочиться мирный гной, и это надо будет сдирать и мазать мазью. Чтобы сепсису не дожидаться. А потом будут еще шрамы, толстые некрасивые жгуты из мясисто-красной кожи. Надо было хотя бы зашить. Мне жаль, что так будет. Но ведь это сегодня я не тот, и сожалею, вчера-то все было по-другому. Теперь уже ничего не поделать. Вздохнуть, и топать домой, где заткнуть уши и спать... или сидеть у окна. Или... не знаю, но рук резать я сегодня больше не буду. Больно очень. Пусть хотя бы заживут сначала. А на старых порезах кожа нарастает такая тонкая. Я и так сильно искромсался. Только бы мама не узнала – будет кусать за душу, вздыхая. Ведь не поверит, что сожалею... да и что толку сожалеть, если я сейчас вполне искренне полагаю, что больше не буду, точно зная, что туфта – буду!

Придут новые глюки, и я возьму лезвие. Или нож. Или бутылку. Я не спасаюсь, я

просто ничего не соображаю. Или соображаю, но через какие-то другие течения. Наверное, это долбучее подсознание открывает ворота Ада, и я снова не я. Или я, но иная суть, которая спит, но вполглазика. Кстати, о глазах. Надо бы вернуть глаза плюшевой мартышке, мама обидится, зачем я их выдрал вчера? Не помню, блин. А, нефиг было пялиться на меня из темноты, вот! Сука плюшевая. Еще и сказать че-то пыталась. Да ну, выкину нахуй... или не выкину – дарили на три, что ли, года?..

Спаааать...

Как же, вот и фиг. Не могу уснуть, в мучительных попытках избавиться от лезвия, которое раскрошилось у меня во рту. Осколочки его, мелкие-мелкие, противно впиваются в язык, застревают в деснах. Не проплеваться, не вытащить их оттуда. Вообще ничего нельзя сделать, ведь это глюк. Да я больно-то и не стараюсь, мне не так уж и мешает. Привычка осязательных галлюцинаций. Так, дискомфортно малость. Но, блин, и уснуть толком не дает. Постепенно все же уплываю куда-то, в неопределенные ебенья.

А прикиньте, мне приснилась Алиска. Бледная, совершенно безумная. Она отплясывала в смирительной рубашке, кривлялась, и была, кажется, мертва. Хрен ее поймет.

- В адо-рай, стало быть, я попаду!!!! - проорала она мне, и из глаз ее потекла сукровица розовых слез. А я сидел на крыльце деревенского дома – так вот просто крыльце, без всякого дома, в пустом пространстве. Прикольно, кстати. Она подошла, рот ее чернел на неживом лице, наклонилась, и поцеловала. Липкие, теплые губы, затягивающе гадкие, впились и не отпускают. Мне приятно даже – мертвый, скользкий, прилипчивый поцелуй. По-идее, должно быть противно – так? А мне - нет! Наперекор. Все ведь Алиску ненавидели, а я люблю. Всего меня обсюнявила, измазала слюзью. Обняла длинными руками, придушила рукавами смирительной рубашки.

- Че же, Ганечка, думаешь, долго тебе еще гулять-то? – сказала глухо, оторвавшись от меня. Слизь стекает с моего лица, во рту ее полно – как же она меня измусолила! Вытирать не буду – обидится, да мне не больно-то и надо. Пусть.

- А что, не стоит так думать, Алисочка, цветочек мой? – вопрошаю вкрадчиво – знаю, не соврет. Такие слюнявые губки, такие длинные ручки не обманывают. Стоит прислушаться.

- Нет, не стоит – шепчет проникновенно, наклоняясь ко мне лицом к лицу, и упираясь руками в коленки себе. – Знаешь ли, для тебя рубашечка больничная уже готова, постирана и даже поглажена! – хохотнула, грустно. И сникла, голову опустила.

- Киселёк варится, сладенький такой, приторный, твоя доля....

Помолчали. Она на меня не смотрит, грустит, под ноги смотрит.

- Трахаться хочешь? – спрашиваю.

Она голову не поднимая, усмехнулась, то ли смущаясь, то ли лукавя.

- А что, это предложение?

- Типа того, - киваю. Возраст у меня такой, что ли ебучий – могу кого угодно выебать, и не поморщиться.

- А что, не страшно? Я же теперь придурь законченная...

Она села рядом со мной, погрузившись всем лицом, сложила руки на коленях, рукава свесив между ними.

- Убивать здесь не дают, вот что тяжело... даже не жрачка их вонючая – прикинь, с очистками прямо! Пиздец какой...

- Ага, знаю! Че, забыла, что я знаю!! – заорал я вдруг, вскочил, ударил ее наотмашь по роже, и, естественно, проснулся.

- С-сука... – без всяких чувств прошептал в никуда. Дико хотелось трахаться, засунуть ну хоть кому-нибудь! И я принялся дрочить – руки сами потянулись. Представлялось что попало, под закрытыми веками мелькали мертвые принцессы трахающие друг друга карандашами, собаки с маленькими девочками, зеленые человечки, дающие в голову Ленке-соседке... дойдя до полного охуения, открыл глаза, в конвульсии повернул голову - в углу не в тему сидел паук, здоровенный и жирный. Конечно, у меня углы пустые не бывают! Разглядывая толстые волоски на его башке, я кончил, со всхлипом. Стряхнул с рук на пол сперму. Паук подлез поспешно, слизал ее, и смылся прочь. Так вот чего он ждал! Спермоглот.

- Ну, ладно, на сегодня все, товарищи! – сказал я пустоте, и отключился.

Солнце подлезло мне под веки, и отмахиваясь от злых жгутов, туго обматывающих меня, я злобно проснулся. Полежал, глядя в потолок, приходя в себя, привычно разграничивая реальность и глюк. Кое-как сполз с кровати – тело болело и скулело. Как заебалось просыпаться! Ненавижу... Беспричинная ненависть, в приступе которой можно таких дров наломать, что потом не будешь знать, с какой-то стороны к маме подлазить... Если умыться – может, отпустит. Я прошел к двери, и хотел было уже выйти, когда услышал, что мама там не одна и говорит с кем-то. Видимо, клиент, или что-то в этом роде. Натянул штаны – не шлаться же как черт бесстыжий! Мне-то все равно, а мама... И тут до меня донеслось:

- Не знаю, что и делать! Да, у него это наследственное, отец его погиб в... больнице... так надеялась, что Ганика обойдет беда... тяжело с ним, вот опять порезался... А доктор Лисицкий обещал ведь, что рецидива можно больше не ждать, повторное стационарное лечение не требуется!

И еще какой-то бабский голос, невнятно пробубнеший что-то в ответ. Меня обсуждают, что я псих... а я ведь не псих! Единичные глюки - только и всего! Этот гад Лисицкий не обманул, я в себе, и контролирую “души прекрасные порывы”! Ну и что, что на рисунках я вижу порой совсем не то – вместо машины череп, или читаю “Погребительская” вместо “Парикмахерская”. Или... нет, это все тоже пустое.

- Вот, представь – иду с ним на рынок, а он мне и заявляет – мама, а если котенок упадет, я тоже умру? Что за бред? А ведь ему шесть лет было! Это, наверное первый раз был, когда у него началось... потом до кошмарного дошло, страх до ужаса дорос, плакал, жаловался, бился в стены среди бела дня... пришлось к врачу идти...

“Мама, чтож ты, совсем обалдела, как ты можешь кому-то там постороннему обо мне рассказывать?? Кто тебе позволил, мама? Прекрати же!! Я не псих – это раз, а если

и псих – то разве можно кому-то про это говорить?” Я просто взбешен! Сел на кровати, ударил кулаком по изголовью так, что подживающие раны вскрылись и по локтю на простыню стекла тонкая струйка крови. Блядь, еще не хватало – сперма и кровь. Теперь избебешься стирать! Что то, что это - хуевейше отбеливаются! А не маме же отдавать! Позориться... и без того позорище для нее. Сыночек - урод, извращенец, фрик, псих... на индивидуальном обучении, нельзя такой твари в школу. Бляди, бляди.....

Я выкинул простыню в окно, оно выходит на задний двор. Не стирать же ее, в самом деле!

Надо идти, пожалуй. Подумав пару минут, оделся и выпрыгнул сам туда же – а херли, второй этаж, подумаешь! Присел на доску за помойкой, достал бандану из кармана, перетянул вены чтобы не текло в ладони. Подумал, покурил, встал и пошел через два квартала в травмпункт зашиваться. Скоро придет преподша индивидуальность со мной, хы-хы. А “мин нет”! Пусть мама попереживает, подумает, как так можно со мной обращаться – позорить себя и меня перед кем-то там!

Интересно, сон в руку, и она в самом деле приходила ко мне? Или это такая же чушь... я никогда не был уверен, что она вообще существует. Общаться-общались, но не разу не решились на встречу в реале. Все лишь в голове да в голове. Один раз в ледяном ужасе сходил на встречу... прошел мимо, не окликнул. Лишь посмотрел пристально. И она на меня. Губы шепнули сами: «Ветер?..» - и пошли дальше. Я ликовал – теперь знал, что она существует! Сколько раз предлагал ей перейти в аську. Но все время не улавливал толком последнюю цифру... ошибался, и натыкался на черт знает кого. Странная это штука – телепатия.

- Эх, пацан, да что ж ты так-то, мать твою ети? – осведомилась толстая медсестра, затягивая аккуратные штопки на моей коже.

- Любовь, она как леди сука, - ответил я, забавляясь.

- А-а... так раньше бы пришел, теперь-то некрасиво будет, дурачинка! Кто тебя такого полюбит? – и сообразила, что не то брякнула, старая жаба, но сообразив, поправилась торопливо:

- Не, конечно на рожу-то ты очень даже вышел! Дык, тока поаккуратнее надо бы! – повздыхала, заканчивая. – Иди уж. Она-то хоть оценит?

- Она? Она еще как.... Пусть попробует! – мне представилась абстрактная она – развратная, чистая, в прозрачном платье, с телом богини и душой порочного ребенка. Маленькая Глупая Девочка... Железная Лошадь! Бываешь ли ты?

- Ты если че, смотри, больше так не делай! В смысле, коль не оценит. Больше не надо, лучше уж бухай!

- Ага! Спасибо за все! Счастья вам! - и погнал в переход.

По дороге притормозил, хлопнув себя по башке – бля, надо было у доброй толстой феи попросить под её жалостный совет “лучше бухай” спиртика чуток... она ж фельдшер! Но поздно. Сразу не сообразил, мутила! Хотя кто сказал, что прям так уж она бы и поделилась. Сама "под шафе" была. Теперь сигарет купить если.

- Здравствуйте, барышня, мне пожалуйста “Вирджинию слимс”!

Что-то не могу курить нормальных сигарет в последнее время... легкие сдают, и голова-а... отчего так стала голова болеть?

- Аха, спасибо, не ментоловые, обычные! – и протянул мятые бумажки. – Кстати, клевые сиськи! – подмигнул молоденькой продавалке. Она смущенно улыбнулась, и кивнула.

В переходе пил денатурат со знакомой рыженькой девочкой, сумрачной но милой и ее угарными друзьями-панками... Они орали песни, я послушал немного и убрел на кладбище, танцуя по дороге, и хохоча в лица прохожим. Проваливался то и дело в беспамятство, но дошел.

- Я принимаю структуру вещей,
Чтобы не видеть всех туловищей!!

Вообще-то я хотел выкопать покойника. Возился очень долго, потому что падал и засыпал. Ночью проснулся от холода, поглядел по сторонам, никуда не понял, разжевал колесо, и снова уснул. Рано утром меня трясло как поганого бобика. Плюнул и ушел.

А вы же подумали, я реально буду труп ебать?..

Хотел пойти домой... но снова пил дэн. Как?.. а вот так. Вы никогда не пили дэн случайно? Повезло.

Копать было очень легко. Само будто шло. Азартный ужас придавал сил – а вдруг, вот прямо сейчас да как выйдет сторож! А я тут копаю! Но вот еще, еще совсем чуть-чуть, и!! Так, скорее, успеть – осталось лишь сломать доски! Уф, жарко – нервно путаясь в рукавах, снял и забросил наверх куртку.

Прыгнуть вниз, в раскрытую яму. Боюсь.

Сломать доски. Они не поддавались, сорвал кожу, матерясь и задыхаясь.

Мерзкая рожа... а вонь... не смотреть.

Снял с тяжеленного как мешок цемента покойника пиджак, и поспешно натянул на себя. Сырой и вонючий, тяжелый от влаги. Странно, я думал... тут, внизу сухо. “Наверняка, трупным ядом заражусь!” - со щенячим восторгом подумал я.

- Эй, ну харэ, слышь, ты! – орал кто-то мне в лицо. Меня тошнило безудержно. Я еле встал... поднял к глазам тяжело трясущиеся руки – все в вязкой кровавой слюне. Меня рвало кровью, значит. Бляяя... какое счастье, это все денатуратовый сраный бред.

- Пойду-ка я домой! Хватит умирать на сегодня. Трясло от холода, я попытался застегнуть куртку. И не нашел замочка. На мне не было куртки.

На мне был пиджак. Чужой, вонючий и сырой пиджак.

Пока брел, чуть не подох, как последняя собака-бомж от холода. Я кашлял и харкал под ноги зло огрызающимися согражданам.

- Ебанный в рот, мне холодно, холодно! – не выдержав, заорал я.

- Ты сраный ублюдок, хуйли так орешь! – заорали мне в ответ из окна модной тачки. – На себя посмотри, бомжара, ты же урод!

- Хэ, - я остановился напротив, и наклонившись, ощерился. Рожу чувака за рулем перекосило поперек, он захлопнул дверь и уехал. Да, страшно даже представить, на что я похож сейчас. Тут я поймал себя на том, что катаю пальцами что-то в кармане пиджака. Вытащил – это оказалось кольцо. Маленькое, видимо женское, и видимо золотое. О, мляха-буха, я знаю, кому я это подарю... когда доползу через полгорода до дому... у меня нет ключа, и мобилы – все в куртке. А куртку, стало быть, покойник забрал себе. И будет теперь звонить всем по моей мобиле, а то еще и домой ко мне заявится – и меня выселит в свою могилу, ключи-то от хаты у него! Я вообразил себе всю эту картину, и за шиворотом прополз ледяной абсурдный страх. Вот так нихуя себе, надо скорее домой бежать, опередить его!!

xxx

...но дома было тихо. Мама ничего не сказала, значит, покойник не приходил. И кольцо его осталось мне. Хабааааар!

- Я – черный копатель! – театрально сказал я сам себе, гордо и таинственно ломаясь перед зеркалом.

Кольцо подарил маленькой пегой телочке, что навязчиво бегала за мной.

Она охуела от счастья. Она ж не знает, откуда оно.

- Моя маленькая жена... - ласково погладил ее по кошачьей голове. И настойчиво пригнул вниз: - Отсоси мне!

Уходя, руки в карманы, рассуждал вслух:

- Вот ведь что очень интересно – почему так мало кто глотает? Что же, им дурам в этих их идиотских гламур журналах не объясняют, чтоль, что ОБЛОМНО когда кончаешь, а она выпускает изо рта, и не глотает!! Что за блядь, которая не глотает? Скока раз пытался заставить не плевать, до конца потерпеть хоть одну – нет, все дергаются, и рот разжимают! Максимум, стекает по лицу, но никто – никто! - не сглатывает. И сказать бы – такая прямо гадость страшная, дальше некуда на вкус! Пробовал и не раз – и не могу понять, в чем же шняга – ничего такого сверхгадкого, все терпимо! Сосать-то они могут, а глотать не хотят! Чего так, в чем хрень? А, девушки, объясните мне!

П.С. Да!! - и не кусайтесь, пожалуйста, во время фелляций! Зубов поменьше.

- Катя, хватит кусаться, честно говорю, ещё раз – и я тебя просто ударю! – тихо но убедительно сказал я, сжимая кулаки над её головой. Соседка подняла глаза, развратные, с подтекшей тушью, и усмехнулась, не выпуская изо рта мой хуй.

- И не улыбайся, я серьезно!

- Не, ну нихуя себе, че прям так уж и кусаюсь? А между прочим, мог бы и покоректней попросить!

- Ты взрослая женщина, - я погладил её по голове, и резко схватил за волосы, она вскрикнула: - А до сих пор не знаешь, что кусать за столь нежные части не положено! Я не люблю боль, априори, а если бы любил – то просил бы тебя об этом, понимаешь, нет? Швабра! – и отшвырнул её от себя. Трахать мне её вдруг расхотелось. Я бы проучил мерзавку. Сучка, блядь, соски бы ей откусить, чтоб кровь стекала мне в рот, а она б орала по дикому. Зубы сами сжались от сладких мыслей... Да нельзя. Я сел на диван, не одевая штанов, и закурил. Она робко прикрыв когтистой лапкой рот, захихикала. Я строго посмотрел на неё – дура, не знает, что такое садист, все шуточки ей. Она заткнулась, и поправив юбку, протянула руку к сигаретам:

- Я возьму?

- Возьми! – я кивнул. “И проваливай”, очень хотелось добавить. Но я пока не решил, может быть ещё трахну её сегодня. Пусть сидит. Она села напротив, облокотившись на стол. Красивые ножки скрестила, длинные пальцы увенчаны красными ноготками. Настоящая сексуальная готовая женщина – не то, что все те малолетки, которых мне доводилось ебать. Пожалуй, да, стоит попробовать... но зубы эти её меня весьма охладили. Дура, сама не знает, как много потеряла.

- Эх, ваниль ты, ваниль! – покачал я головой, и затушил окуроч. – Ну все, Кать, пора, щас мама уже придет!

- Да ну, она ж у тебя всегда поздно приходит? – округлила глаза девка.

- Да, но сегодня она решила дома поработать!

- А... ну ты это... в общем... увидимся ещё!

- Да, возможно! - кивнул я, и ловко увернувшись от поцелуя, закрыл за ней дверь. Какой нахрен, секс с ванильной теткой? Хоть бы и такой красивой, как блядская взрослая соседка Катя! Дворовые бабки таскали как тузики грязную тряпку слухи о том, что Кэт подрабатывает проституцией – очень уж откровенно виднеются у неё ажурные резиночки чулок из-под юбки. Но это полная хуйня, если б она была умелицей по вызову, то уж проявила бы свое мастерство на мне, а я ничего такого не заметил. А я так хотел секса! Настоящего, жестокого, откровенно кровавого женского мяса! Пафос-то, ой-ё-ёй, усмехнулся сам про себя. Но что-то я вообще давненько не ебался уже, как следует! Жертву, блин, трудно найти. Все из тех, с кем можно легко договориться, исчезали. Боятся, чтоли? Отговорки какие-то ищут. Одна вообще допрыгалась – мало ей все было, видите ли, дразнила меня! В больнице лежит... вену ей порвал... и ещё там, по-мелочи. Ну да ладно, она не в обиде. Да, надо бы навестить дурочку, как она там? Может быть, когда выйдет, ещё договоримся? Все толковала мне про кодекс, договоры, что можно, что нельзя, правила БДСМ, и прочую хуйню. Да меня это не интересует. Мне похуй-нахуй все эти законы, договора между доминами и рабами, я ни то и ни другое. Я садист, пусть это так называется, но я вне правил. Я ненавижу всякие правила. Что за мерзость сдерживать себя, когда хочется порвать кожу и измазаться кровью партнерши, а она видите ли, не хочет! Не буду я никогда и никого ни о чем спрашивать, а просто буду нагло брать все, что пожелаю!

- Ах ты, твою мать! - меня внезапно осенило: - Где тут у меня телефончик-то?

Я вдруг вспомнил о девочке, маленькой, лет четырнадцать всего, с которой недавно бухали в одной компании, и я зажимал её в уголке, уговаривая довериться мне... она

смущалась, но все же рассказала “доброму дяде”, что мечтает о настоящем большом унижении, во время секса. Что её безумно возбуждают разные картины жесткого доминирования, и она хочет, чтоб над ней издевались, по-настоящему избивали, насиловали и мучали всячески... я, конечно, предложил ей на роль злого господина, и она даже согласилась, но я быстро переместился в лучшие миры забвения на крыльях зеленого змия, и ни хера потом не помнил, кроме её разочарованных глаз, и тихого – “ну, я пойду”. А телефончик-то остался! Вот он, так и валяется в кармане косухи! Из моей косухи ничего не пропадает!

- Алло... Машенька? – бля, еле вспомнил, как её зовут – не люблю эти их выкабрезистые ники – всякие там Волчицы и прочая Крыса Шушера.

Она оказалась ещё в школе. Скоро заканчивает, а потом ей надо домой заехать, переодеться – а потом она вся моя! – радостно так щебечет. Прекрасно! – в животе сладко сжались горячие змеи предвкушения.

- Маш, давай лучше сразу ко мне, я тебя и покормлю... и переодену, если хочешь!

- Даже переоденешь? – кокетливо захихикала малышка.

- Да, я ж маленький, как девушка! – в тон ей ответил я.

- Ну уж, все равно побольше меня!

- Машуль, не ломайся, это все не важно, приезжай скорее, я хочу тебя немедленно, малыш!

- Да, и я тебя... - робко выдохнула девочка. – Хорошо, давай адрес, как к тебе добраться?..

Йес! Пока ждал её, нервничал в нетерпении, достал веревку и лезвие... вдруг, не подведет, и разрешит в самом деле **всё!**

Конечно, не забыл и спирт, бинт и вату. Мало ли... обязательно надо. В первую очередь, мне. Я могу в пылу страсти покромсать и себя тоже. Особенно если она не даст, то я точно себя покоцаю, чтоб получить хоть что-то свое.

- Как мне встать, вот так?

- Да, ручки только вытяни немного ещё, а то веревка криво ляжет, больно суставам!

- Ты такой опытный! – восхищенно выдохнула она, подставляясь.

Бля, только вот я не подумал, что она орать будет, соседи буровать припрутся... а вот, полотенце забытое с утра на спинке стула, если что – придушу.

- А я ведь даже этого не умею...

- Ничего, детка, все бывает первый раз, открой пошире ротик! И обнимай губами, только нежно! Самое главное, зубы спрячь...

- Не надо этого, Ветер! – она попыталась отодвинуться, протестующе встряхивая головой. Ну уж нет, вот это-то точно надо!

- Что уже не надо? – я разочарованно опустил занесенную скрученную вдвое веревку. – Так быстро? Так ведь ты ж мазохист!

- Нет, не так сильно... - прошептала она, с ужасом глядя, как я беру полотенце.
- А это зачем?
- Чтоб ты так сильно не кричала, милая, а то всех соседей соберем на бесплатное порно!

...Я бил ее тяжело и свирепо. Веревки впивались в нежное тело, она кричала и плакала, умоляя оставить ее. Мне не было хорошо от этого, вовсе нет! Но надо же проучить мерзавку, а то кто же, как не я еще объяснит дурочке, что никакая она не извращенка. Только на сверкающем заманчиво мониторе пиратское порно смотрится очаровательно, а на своей шкуре это ад... Вот же, плачет, умоляет, ужас плескается в наивных детских глазках. Просто, как палач делает свое дело, я бил ее снова. Давал отойти немного, и еще удар. Скажите, палачу больно или сладко от его работы? Наверное, не каждому. Я не испытываю с теми, кто не хочет на самом деле того, о чем говорит, ничегошеньки. Я просто поучаю их. Скучно и просто. Чтобы не думали о себе то, чего нет. Я ненавижу это – когда думают, что есть в них то, чего нет! Я выбиваю из них эту пустую самонадеянность, лопаю эти их мыльные пузыри самомнения никчемного. Этой вот достаточно всего лишь веревки по груди и животу – и все, она уже готова отказаться от всего на свете, и трахаться тока максимум в собачьей позиции – верх разврата! Хы. Вот так-то. Когда она почти потеряла сознание, я развязал ее, дал водки хлебнуть и запить водой.

- Ну что, как тебе? – сел перед ней на корточки. Она не могла даже одеться сама, вся морщилась и ломалась, натягивая трусики. Чтож, будет знать. Что-то наподобие жалости прокралось в душу, когда она заплакала тихо на мой вопрос.

- Девочка, глупенькая... - обнял я ее. Она попыталась отстраниться, я вцепился сильнее.

- Ну, все же, ты же сама хотела... - поцеловал ее в пахучую макушку. – Я ж тебя даже не трахнул! Как было-то? Ты этого хотела?

Она прошептала что-то неразборчиво и очень тихо уткнувшись мокрым распухшим личиком мне в грудь.

-Что? – переспросил я, глядя ее по спине и волосам.

- Круто... - повторила она стыдливо.

- ЧТО? – ну ни хрена себе, то ли я слышу?

- Так ведь ты же умоляла отпустить, у тебя же все тело в полосах, дурочка! – отстранился я от нее.

- Все равно... - всхлипнула она, подняв глаза на меня. – Я же правда сама хотела, – и снова уткнулась мне в грудь. М-да. Вот тебе и раз. Угодил человечку, значит! Можно и уважать – сама хотела, и до конца пошла, и ничего, “круто” говорит! Молодец, сильная! Стоит трахнуть! Я вдруг почувствовал такое вожделение – она вся в полосах, в красных трусиках, ее всю ломает, ей дико больно от любого прикосновения – вот сейчас и будет самый что ни на есть садизм! Когда вся кожа распухла... Я медленно наклонился над ней, и... нежно, чуть касаясь кончиком языка, коснулся самой крупной ссадины. Она вся изогнулась и закусил губу едва не до крови. Ещё раз – чуть сильнее!

Вот она закричала, слышать надо!! Уж это-то к сексу не имело никакого отношения

– одно сплошное мерзкое и бездушное, скотское издевательство! После я намазал ее, полуживую, напоследок мазью, и кое-как натянув на нее джинсы и рубашку, уложил на постель, укрыл, дал допить водку, и тихо вышел. Она все равно заснула несчастным, покоробленным сном. Спи, мой истерзанный ангел. Будешь знать, что такое истинный бессердечный и лишенный какой либо малейшей любви садизм... и пусть тебе больше никогда этого не захочется. Спи!

А соседи-то, кстати, не пришли, и даже не пикнул никто! Хотя, сто пудов, прекрасно все слышали дикие кричи и стоны моей бедняжки. Правда вот-вот придет мама... но Маша спит, и может быть, истощенная ювелирной работой, мама вообще ничего не заметит, а на туфельки в прихожей никак не отреагирует. Ей все равно с кем я трахаюсь в её отсутствие, главное, чтоб в себе оставался, а большего ей и не надо. Пока я тих и весел, она не переживает за меня. Только бы снова с ума не сходил. И не подох, как мой папаша, боль и её горе всей жизни... любит она покойника до сих пор. И замуж никогда не выйдет больше. Ради меня. Я ей очень благодарен – нахуй тут какой-то ещё мужик, вторгаться в нашу слаженную жизнь, в наш вечерний чай, и поцелуи в макушку, и заговорщицкие подмигивания в больнице на плановом осмотре – мол, ничего, сыночка, все отлично будет, даже если ты полнейший дурак и шизофреник, да хоть бы и адский мутант, мне все равно – я с тобой! Да, глядя на мамочку, я уверяюсь, что я не такой плохой, ведь у неё – маленькой, но такой сильной, божественной женщины, настоящего ангела на земле не мог быть совсем уж негодный сын. Я её наследник, потому и очень красив, умен и проницателен. Она делает меня лучше! С ней я не позволяю себе опускаться, она мерило добра и зла!

Так что, ничего страшного, что Машка спит на моей кровати, и возможно останется до утра.

У ребенка зазвонил мобильник, много раз – пришлось разыскать его в кармане школьного пиджачка и вырубить к чертям. Ей звонила мама, оно и понятно. Но не буду же я будить из-за этого девчонку – уже поздно, засобирается ещё домой, провожай её... не хочу.

... проснулся от сильного желания. Мама за стеной смотрела телевизор. Машка тихо сопела под боком. Я зашевелился, пытаюсь развернуть её к себе. Она зашипела от боли – растревожил её ссадины и ранки. Но черрт, как же мне хочется сейчас, немедленно! Что-то приснилось, наверное, не важно – главное, дрончить не придется, когда рядом девочка. Заодно и проверим, правда ли она девочка, как говорила!

- Ты что делаешь-то! – в ужасе пробормотала она, совершенно просыпаясь.
- Хочу тебя выебать! – спокойно сообщил я, продолжая стягивать с неё трусы. Она сопротивлялась, но ей это мало помогало.
- Только не кричи, ради бога, мама дома!
- Какая мама? - она аж дернулась.
- Моя, не твоя же!
- А, мы ещё у тебя? – поморщилась она, устраиваясь подо мной.
- Ну а где же! – прошептал я, и принялся целовать её в шею, очень нежно касаясь раненой кожи. Она всхлипнула, и обняла меня обеими тонкими ручками. О, да, отдайся мне со всей страстью малолетки, и возможно, тебе даже будет хорошо!

Она все порывалась стонать – пришлось прикрыть ей рот ладонью. А я никак не мог кончить, от мыслей что мама прямо здесь за этой стеной. Хрен его знает, почему – не в первый же раз, но наверное, потому что не пьян...а девчонка вся какая-то излишне скользкая и липкая... подозрение закралось, и я просунул руку ей вниз живота. Лизнул. Так и есть! Кровища... бля. Как же потом её стирать? Сука, че же делать-то? Блядь, как это я не подумал. Опять простыню выкидывать? А матрас, тоже ведь наверняка весь изгажен... ну ладно, похуй, успею разобраться, сейчас уже вот почти... да... кончаю... “кровь и сперма, это наверно, сперма и кро-овь...”

– Это любовь, - выдохнул я ей на ушко, и хотя истек уже, продолжал ебать, потому что чувствовал, что она тоже уже близка к сладкой развязке, и не хотел бросать её так. Мне вдруг стало дорого не только мое удовольствие. Волшебная сила ебли проняла меня на благодарность маленькой мышке за то, что она оказалась среди ночи в моих руках, и безропотно раздвинула ножки. А это ведь совсем не то же самое, чем одиноко драть в свете луны! Я хотел отблагодарить ее. И я сделал это – изогнувшись в последний раз, она опала как дрожащий листик, и затихла. Я поцеловал её ещё раз, она жарко ответила, и я сказал:

– Малыш, давай спать теперь!..

xxx

Хотелось что-то почитать, ведь как я уже говорил, музыку не очень люблю. А к поеданию искусства все же тянет...

Вот что я инете нашарил, на запрос “иная литература”, страница мне приглянулась панк-писателя Жанны Моуле. Я всех женщин-писателей которых уважаю, называю не писательницами, а писателями. Как-то уважительней. Жена ТорКа из “Стекол”. Там и фотка была, волшебная девушка! Лет двадцати, такая недоодетая, и ТорК ей грудь лапками прикрывает, стоят на постели у стены, наклонившись слегка вперед. Лицо циничное, опытной суки. Скачал пару телег про нее, потом читкану. Вот такая хренька например, очень меня доставила – крыша у нее тоже едет, чтоль?

“Грязный кукольный секс...”

Шмель.

“А вот была история: игрушечный плюшевый кабан изнасиловал Барби, и сказал потом, что нефиг так похабно ноги раздвигать. А другая кукла, рыжая “германская”, глядя на это, тихонько мастурбировала. М-да, они все там в Германии ебнутые на сексе, самое порно - немецкое, и ежи знают. (А уж Кроты и подавно...)”

Ну, так вот, а потом еще две Барби – одна лысая, другая с пластмассовыми волосами – за это изнасиловали кабана карандашом, остро заточенным, кстати. Он визжал и все такое, но не видно было, чтоб особо недоволен. Урод. А та, что драчила радостно охувала и стояла на шухере, чтоб я, Хозяйка, не застучала. А я все равно узнала, видела. Они и давай оправдываться, каждый за себя. Но, по-моему, все довольны остались. Одна лишь я дико охуела!!!!

Вооот, а потом меня кто-то легонечко щелкнул по носу. И я очнулась, так уютно!

Этот кто-то улыбнулся довольно и ушел в другой конец. Может, еще кому-то омерзительно-уютные сказки шептать. Кажется, не из нечисти он был, а вроде как добрый мертвый чел. Или, может, ангел, что одно и то же. Бывший или будущий. Или даже двое...

Что-то уж больно родное в этом всем мне увиделось! И я решил написать ей, там и мыло ее нашлось. Кажется, мне есть что ей рассказать, поделиться для ее вдохновения сюжетами. А прикольно, кстати бы, самому-то в лом записать это все, пусть хоть не пропадает, а раз человек профессионально живет на этом – вот пригодится! К тому же такая женщина... ууу, я бы конечно, не отказался лично испробовать что-нибудь из того, что у нее в извращенной красивой головушке бродит!

“Эй, чувак, она замужем!” - сказал кто-то третий, открыв окно в домике на третьем этаже, и тут же захлопнул его – боится, что камешком залеплю промеж глазиков. Мне-то что? Пусть замужем! Кого-нить в целом это волнует? Да, ТорК крутой чувак, я понимаю его тему реально, хотя не во всем соглашаюсь, но и что же, ему же приятно должно быть, что его избранница-развратница находит отклик как Творец тоже, он не дурак, поймет! Заодно и с ним потусуюсь, если че! Короче, поперла фантазия! Может, она мне еще и не ответит! Мало что ли ей идиотов и психов пишет? А вот в том-то и дело, что я псих, но не дурак! Смотря как замесить первое послание, если с душой – никто меня не пошлет! А наоборот, очень даже воспримет! Короче – я решил, и я с ней подружусь! А то и очень близко!

А вот и еще шняжка это честной девочки Жанны. Странно может быть, но мне она сдается девочкой честной и открытой, циничная эта сучка. А вот вы почитайте – и сами, может, поймете, чем она меня зацепила, и почему я так проникся к Ней!

ВРАТЬ

“Зачем я в очередной раз соврала ИМ? Потому что нефига было и пытаться даже хоть чуть-чуть донести, в чем тут шняга. А она ведь была, да-а, была.

Скулеть и снова че-то доказывать – полный отстой. Не помогает. Заткнут с полоборота. Лучшие уж помучиться от осознания собственной блевотной изоциренности, пострадать, а потом засунуть все эти страхи поглубже, где они холодным комком не перевариваются, и подспудно ощущая тошноту, то и дело паникуя, ВСЕ РАВНО ВЗЯТЬ И ПОЙТИ ДО КОНЦА.

Блин, да я наверное, уже отдельную книгу могу накатать о страданиях Вынужденного Лжеца. Как не хочется, как стыдно и больно обманывать.... а надо! “Учись безболезненно обманывать...” Спеил фэнкс, конечно, майн диар Л., но пардон, безболезненно для кого? Для того, кому врешь, глядя в глаза. А для себя? Ой, не буду, совсем щас хуево станет. Хотя, ну его на хуй....

Так вот. Если бы я взялась за такую книгу (блин, взяться что ли?) я бы вывела кое-какие правила. Типа, сначала приготовься давиться, не показывая не малейшего вида кровавой блевотиной вранья. Ты ведь в реале, человек чести, и врать – тебе точно не покажется занятием легким. Вот так знаете ли, закурила бы че-нить этакое, и

развалившись в кресле с бокалом херни какой-нить, продолжала.

Далее: деточка (тут надо бы глаз прищурить и затянуться) – не ври при этом сама себе. Потому как, надо точно знать, надо ли тебе НА САМОМ ДЕЛЕ то, к чему ты упрямо тянешь ручонки, не гнушаясь вывалиться в дерьмовом вранье. Хотя я, старушка по части ЭТОГО САМОГО (вранья) бывалая, могу точно сказать – зачастую, чтобы точно для себя определить, что тебе именно этого и надо было, чтобы укрепиться, так сказать, в своих жизненных позициях, приходится еще подоврать (о, как на подорвать похоже! И очень верно! И подорвать – в смысле блевать), потом потрогать то, что ищешь, и потом только сказать себе без базару – быть иль не быть, честным враньем достигнутому.

Моей главной причиной вранья всегда есть и остается ЛЮБОВЬ. Конечно, а что еще может оправдать, подтолкнуть, не дать отступить в самый ебанный момент, как если не любовь? Это зная и оружие..

А главным средством вранья – деньги. Несуществующие, или полученные каким-нибудь не декларированным перед маман способом. Сказала маман – я на работу, а сама ... ну, понятно и дебилу.

- Мне все раны, деточка, (еще один ленивый прищур, потом значительный полукивок в сторону, потом прямо в глаза собеседнику) лечит тот факт (о, это ПРАВДА!!!!) что я могу прямо сейчас – О, КАКОВ ПИЗДЕЦ! КТО ЕЩЕ ПОЙМЁТ? - подойти и коснуться его. Тихонько так, чтоб не разбудить. И тогда все, весь мир вместе с враньем и т.п. идет лесом. И тогда я знаю, что это все.”

Да, это ЛЮБОВЬ!! Та самая, которой я ищу... которой боюсь. Которая нужна мне, чтобы изнасиловать себя и сломать. Чтобы излечиться, наизнанку вывернувшись из шизоидности в реальность! Как я завидую им, как понимаю, и как далек от этого – где ОНА? Кто еще поймет? – Я, Жанна, Я понимаю! Возьми меня в друзья!

Все обдумываю, что бы написать ей в гостевой... какую бы такую тему завернуть на форуме, чтобы никто не понял, и не полез ко мне с обсуждением – "чувак, ну ты че такое написал?" Или – "а, чувак, реал, я тя понимаю... ни хера не понимают! Одна лишь она чтоб поняла, какой-то такой тайный знак... и ответила, только мне!! Все думаю, и не знаю, чувства бродят, а как сказать... да и что именно я хочу от нее? Дружбы? Нафиг, только разбить очарование! Она же реальный человек! Блин, я так привык быть сам с собой, что не могу уже признать других людей за живых и существующих. Лучше бы она была нереальной, лучше бы я ее придумал! И знал бы тогда, что сказать, и что она мне ответит. А так – она отдельна, и не угадать, чего ждать. Трудно очень! Неконтактен я, дрянь эдакая, неконтактен.

Написал только:

Жанна, Вы – Богиня!!

И все. А больше ничего не смог. Чего же боле, еб мать вашу, Жанна, я же не влюблен, но все так по-дурацки выглядит! Еще один фанат ее охрененных писаний! Блядь, что же делать? Ответила через два часа уже:

Спасибо, друг мой ☺!

Бля, **ДРУГ МОЙ!!** Как бы я хотел... и сел катать письмо на чувствах, расслабься сразу от этого “друг”, и будто уже друг просто поведал ей о себе – кто таков, как ее узнал, как никто другой! И что мне ничего не надо, тока просто спасибо, что она есть, кто-то в реальности живет ТАК, и не в дурдоме! Все эти мои дробления души одинокие расписал, и что вдруг кто-то пришел и выебал меня, так неожиданно и круто! И кто-то этот – она... Бля, ну или примерно так.

Сказал даже, что и трахать ее не хочу – хотя, хотеть бы ее было самое что ни на есть само собой, потому что кого же еще больше хотеть как не того, кто тащит тебя так?! Но не ее – потому что... вот тут я задумался. А потому что она вся пропитана этим своим ТорКом. Нет, я не таков еще, или не еще, а всегда – чтобы хватать чужое, ну, не в смысле, непонятное, а то, что *принадлежит* со всеми потрохами другому. Полностью, то есть! А она меня и так ебет в кровь самую, елозит по душе, что и не надо секса как такового!

Бля, только бы она поняла! – что я говорю ей. Пусть знак подаст, или так и напишет – да, я понимаю. И все!! все, не надо больше ничего!! Тогда и подохнуть не жалко – все равно невыносимо искать и путаться *своею* такую...

ТРАБЛ

Что девушка так сразу не хочет. А у меня стоит! Да и я так сразу не хочу... уже наебался так, что просто сунь-вынь. Хочется какого-то такого общения тел... какого-то диалога.

И я начинаю сдерживаясь аккуратно лизать. Он рвется в бой, но я держусь. Я лижу. Она (любая она) так раскрывается вся, как цветок – из живого мяса, вынужденно-похотливый цветок. Я заставляю истекать похотью. Я горд и рад что она (любая она), так дрожит и стонет. Я говорю с ее пиздой. Чтобы так отзываться на хуй – надо быть наверное или больной нимфоманией, или бешено-влюбленной. Моя девичья душа это понимает. Я их очень хорошо чувствую и понимаю. Они меня за это и любят, и так легко доверчиво дают.

И вот - я лижу, для диалога. Она дрожит и царапает вокруг как от сильной боли. Я - сдерживаюсь. Пытаюсь переместить центр тяжести переживаний в язык. Иногда получается. Потом – то устанешь, то отвлечешься. Она – бля! – это мгновение чувствует, и замирает в ожидании продолжения – что я буду, трахать ее или ЕЩЕ... потом – она опять кайфует. Радостная что я лижу еще и еще.... И я все сдерживаюсь. Когда она уже изнемогла, и просит ее наконец трахнуть (а юные вовсе не часто сами просят, в основном постарше кто), то я ХОЧУ, но уже он упал.. пока я думал, бля, о диалоге, языке и пизде, центре тяжести и прочих поебнях, он уже упал. Теперь пока я буду дробить, или просить ее взять в рот, она остынет. Будет понимающе смотреть, сосать – а, кайф! – и думать, что поскорее бы он встал... и также как и я, ждать, когда он встанет и можно будет его внутрь... испытает то же! Вот тебе и диалог! Заебись...

А в пизде ее сырой от слизи возбуждения и моих слюней, наверняка холодно... голодная стынет недовольно...

ЖАННА.

Жан-наааааа.....

Жанна. Я люблю Вас! Я дрожаю на вас. Я не могу не думать о вас. Я болею вами. Я кончаю вами, и вашими словами, этими крючочками и загогулинами ваших слов, вы – ВЫ!! – святы!

О, как же стыдно мне, черт, сука, бля... я кончил на вас. Я... я дрожил на Вас. На ВАС!!! Черт, как же стыдно... как я мог?? На вас? Ёлы-палы, я совсем уже охуел... я предал, изгадил своей грязной спермой ваш образ и...

Сел в уголок и корчусь, недоодетый, думая – а, блядь! Ублюдок.

ЖАХНИ

Куда бежать? И я побежал на трамвайную остановку. Мне страшно. Грохот старой кастрюли общественного транспорта накрывает крышкой, и варит в утробе своей. Оказался на сиденье у окна. Покосился на тривиальных старух в вонючих платках, которыми традиционно полнится трамвай, и совершенно стал циничен, успокоившись. Я даже утешился их злыми взглядами.

Мир все тот же. Чего я опять испугался? Опустил глаза, и не поднимал их целую минуту, задумавшись, и радуясь отсутствию потребности все время искать и следить. А когда поднял глаза снова – увидел её. Не знаю, когда она вошла, но она смотрела на меня. Нагло и в упор. Вызывающе, очень, так соответственно своему откровенному “наряду”. Выглядела она как чудовище – юбка чудовищно короткая, волосы чудовищно растрепаны, лицо накрашено как у чудовища. Понимаете? Висит на поручне, не садится – хотя вагон почти пуст, мест полно. Сама маленькая и толстая – ну, по правде, не очень, но такая... немного излишне полна. Неферша – не неферша, не знаю. Я уставился на неё в ответ. Что, думает, я застремаюсь и опущу глаза, или сделаю вид, что не заметил вызова? Да пошла она! Буду смотреть. “Чудовища” сама себе кивнула и усмехнулась, я подумал, что она пьяна. И сразу самому очень захотелось надраться. С ней! Почему-то... она меня не бесит. Странно. Она села напротив, развалилась так, что видно, что она в чулках. А ведь холодно, дура! Ну, её трабл. Так она и сидела, усмехаясь моему взгляду под её юбкой, и гляделки продолжались наверное, три остановки. Потом она встала и буквально выскользнула в открытую дверь, лишь вскользь мазнув по мне бесстыжими глазами. Я вскочил и выпрыгнул за ней, в один момент. Она пошла не оглядываясь куда-то, я не отставал. Завернула за угол, быстрой походкой, и несусветные каблуки её стучали, она некрасиво держалась на них, и неумело виляла задницей. Но не разу не оглянулась, и потому когда она вдруг остановилась в грязном переулке, и резко повернулась ко мне, я буквально налетел на неё, и она схватила меня, будто всего сразу, целиком. Я задохнулся от чего-то похожего на злость и протест, мне не нравилось быть так вот сразу чьим-то, но... я уже трахал её, и она всхлипывала, запрокидывая голову, и... и что ещё? Черт, да не знаю я! Мы просто пошли вместе дальше, потом, когда она уже натянула трусы, вся дрожа, (а я в это время с удивленным отвращением смотрел на неё). И вот, идем мы молча, вместе (не рядом, а именно вместе) с чудовищем, и она, до

сих пор не проронившая ни одного слова, вдруг говорит хрипло:

- Как ёбаные Мастер и Маргарита, бя! – захихикала, и уткнулась мне лицом в рукав. А я кивнул. Она ужасно права. Если на булгаковских “детей” выскочила любовь с финкой, то на нас – секс, и поразил обоих одним ударом. Ёбаные Мастер-и-Марго.

- Выпить хочешь? – спросила она. И я снова кивнул.

- Ну скажи “да”, что ты такой-то?

- Потому что я садист, - просто сказал я, самым естественным тоном. Она расхохоталась, потом посмотрела на меня, замолчала и кивнула. И мы пошли дальше.

Её звали Жяхни.

Она ловко пила спирт, вытащенный из-за пыльного шкафа. А мать её была программистом, чьими реальными детьми были компы. И в свои шестнадцать Жяхни-Маша давно уже была реальной сиротой при вполне функционирующих физически родителях. Об отце она не говорила ничего, а мать уехала давно в Москву, на заработки, «и тебя, доченька, заберу, ты только подожди немножко...»

- Целый год уже хата моя полностью, по десятке присылает в месяц, да иногда в школу заглядывает, че я там делаю. А нихуя я там не делаю. В пизду бросила. Щас вот приедет опять, че говорить ей, незнааааю...

- Ебать твою мать, Жяхни! – вскипал я: - Как же так??

Но быстро понимал, что не мое дело, и затыкался. В конце-концов я не собирался в нее влюбляться. Пусть живет как живется... «особая честь, всем нам придется в могилку залезть. А мне все равно...»

Тем более, что Жяхни жила как черт, как настоящее чудовище.

Ей было наплевать на всё – на контрацепцию, на здоровье, на меня с моим сумасшествием. Она так ловко давала мне отпор, так злобно использовала меня, так была равнодушна и бессердечна, безрассудна, что я не заметил, как прикипел к ней. Злобная сучка, она могла ебаться столько, что я валился с ног.

Она выколачивала из меня душу, неосознанный садист. Она не любила извращений, она просто была бессердечна.

- То есть, знаешь, мне не представляется удовольствием жестокость в сексе, мне просто наплевать на чужие ощущения, лишь бы самой получить кайф, - говорила она, сидя в растерзанной постели.

- Как и мне! Шикарно! Оттого ты мне не просто любовница, а приятель.

Она согласно кивнула, с сигаретой в зубах, и мы пожали друг другу руки.

xxx

Сидели на набережной, и она беззаботно болтала ногой в туфле на тонких пряжках, прямо над водой, и я подумал, что ей надо быть поаккуратней, а то если утопит туфлю, то как тогда мне вести её домой? Глупая сучка... (подумал я с нежностью). Текила сделала меня на редкость расслабленным и сентиментальным. Так вот, я глядел в темную воду в отражение звезд и городских огней, косясь на её угрожающе

сползающую туфельку, а Жахни тарахтела про свою поездку в Москву, к её матери с новым любовником, с которым та отмечала их полугодие, в кругу так сказать “семьи”. Почему так сказать? Потому что её мамаша та ещё сука. Какая нахрен семья, подобные твари вообще не представляют, что это такое!

- Все было так охуенно! – трещала она, и меня все ещё удивляло, что из такого милого ротика вылетают без конца такие мегатонны грязного мусора слов: - Так вот, я закурила прямо там, а Катерина не пришла, ну ты знаешь, она к папе перебралась, а думала же, что мы с ней жить будем, но она и мать презирает и меня, что с матерью вожусь - и все это густо приправлено такими матюгами, что воспроизводить я вам не решусь, иначе останется одна лишь ненорматика, и весь смысл улетучится, короче – читайте квинтэссенцию!

- Ну, а я-то пошла, мне-то что, тем более на халяву в московский ресторан, круто же! – она пьяно захихикала, и зачем-то затормошила меня. Я кивнул добродушно, и сказал только:

- Угу!

Она махнула рукой:

- Да ну тебя! – и совершенно беззлобно продолжила: - И вот, сидим мы там, гламур кругом, мать вся прям шик, стареет правда, и красится как проститутка, густо слишком, я те потом фотки дам зазырить, сам увидишь, как шлюха!

Брови мои удивленно поползли вверх – а кто же она, эта её мать? Хуже мачехи – во имя блядства бросила здесь в городе девчонку совсем одну, присылает чеки, и думает откупились! Да я бы такой мамашке в жопу эти чеки засунул и жевать их этой жопой заставил, пока из горла не ползет! Вот двойняшка Жахнина, Катерина - молодец, вызывает уважение!

- А прикинь, ну там, то-сё, принесли водку. Я думаю, мне при маме нельзя будет, а рюмки три. Оказалась ореховая – вот клёвая шняга, надо с тобой попить её!

Я почувствовал, что начал уставать от подруги, хоть меня тронула её забота. Только кивал и думал – господи, девочка, водки тебе нельзя! Да твоей мамашке похрену, даже если ты полезешь ночью на крышу 16-тиэтажки и будешь там прилюдно ебаться с бомжами на самом краю!

- Я напилась так чуть-чуть. Мать тоже, и они сидят там, сюсю-мусю друг с другом, а я скучаю, начала парнишке одному глазки строить, за соседним столом. Потом встала и пошла в туалет, и того красавчика за собой поманила. Там туалет, короче типа общий, ну в одном помещении тока разные дверки, нарисованы мальчики и девочки, да там-то похуй, я зашла первая, он огляделся, девка какая-то вышла, и больше никого. Ну, я думаю – ага, и мы ввалились в кабинку. Он меня посадил на бачок сливной, руками так за попу взял, ну и вот... - тут она почему-то замолчала, будто задумалась.

- И что? – тупо улыбаясь, спросил я. Будто не знал.

- И поебались, - сказала она уже совсем не весело.

- Что так стрёмно, скучно чтоль? – спросил я сочувственно.

- Ну да, как-то, - пожала она плечами, и посмотрела на меня. В хмельных расширенных её глазах плескалась речная черная текила.

- Только и всего прикола, что при матери почти, пока они жрали там...

Она помолчала, и начала снова:

- Вот скажи, и зачем я так много, со всеми...

- О, боже, нет! – прервал я готовую разразиться драму, и притянул подружку к себе, целовать.

ЭРОТ

- Слушай, Ветер, ты не мог бы со мной стогнать сегодня в аэропорт, у меня сестра прилетает, - позвонила мне Жах с утра.

- Ну ладно, че бы и нет? – согласился я.

- Спасибо, дорогой! – обрадовалась она. – А то так в лом одной в такую даль переться!

- Да мне не трудно! – пожал я плечами, будто она могла это видеть.

И вот, стоим, мерзнем. Ждем у стоянки такси. Я заколебался, и сел на корточки, как "реальный пацанчик". Кэпки и сэмачек не хватает тока, для полноты картины.

- Вон она! – радостно заорала вдруг девчонка, прямо над ухом – я чуть сигарету не проглотил.

- Трахни, Катька, иди сюда! – замахала Жахни руками, как дурацкое пугало. – Мы здесь!

- Кого это трахнуть? – захихикал я, что за тупость?

- Да никого, это её так зовут – я Жахни а она Трахни!

- Сама ты Трахни, привет, Машка! – к нам приблизилась невысокая эффектная готичка, волоча за собой дорожный чемоданчик. Девки обнялись, я стоял и хмурился – мне было нехорошо, только что поднявшись с корточек. Всегда так.

- А это... - посмотрела на меня девка, отобнимавшись с сестрой.

- Ет Ветер, мой друг постельно-алкоголический! – махнула на меня Жахни.

- А, ясно! – кивнула девица, и протянула мне руку в ажурной перчатке: - Эрот, сестра этой ведьмы, как ты наверное, знаешь!

- Кто? – сделала огромные глаза Жах.

- Эрот! – гордо посмотрела на неё сестра. – Не все же Трахни ходить, - и вдруг уставилась на меня. – А ты хорошенький!

- Вовсе нет, - пробурчал я, и протянул руку за её чемоданом: - Давай, помогу!

- Всегда пожалуйста! – кивнула она. – Едемте бухать, господа!.. Виски на рейсе был нехорош. Срочно исправить!

- А как это ты Эротом-то стала? – не унималась Жах, уже в такси. – Ну как это, - удивилась её сестра. – По смыслу, Эрот вроде то же самое, но куда более высокоэстетичней!

- И по-готски, – добавил я. Она кивнула.

- Это ж с малолетства у нас повелось – она ебаться любила больше, а я бухать, нас и прозвали Жахни и Трахни! – пояснила Жах.

А Трахни - она такая, что по ней видно, когда вырастет, станет самой настоящей женщиной-вамп, а не ерундой какой-нибудь.

- Знаешь, очень органичны тебе эти штучки-дрючки... ну, готические! Хоть я тебя и

знаю только полчаса! – отвесил я комплимент. Жахни ревниво хмыкнула.

- Ну да, и на сцену же не выйдешь, как панк какой-то, в таком виде, а Трахни, не поймут! – и она многозначительно покосилась на меня. Хочет, чтоб я спросил о ее сцене... но мне же все равно, девочка. Я промолчал. Да мы уже доехали.

- Щас идем в магазинчик, берем бухла – кстати, Ветер, ты что пьешь? – спросила она кокетливо.

- Гашиш, - ответил я. Она рассмеялась:

- Да? А я его как-то не очень, лучше марки...

- Каждому свое, хотя я тоже люблю лизать, - совершенно серьезно кивнул я ей. Девки переглянулись и заржали.

- Это точно! – пихнула меня в бок Жахни.

- Вот и прекрасно, я полагаю, сойдемся на паре бутылочек вискарика! – отсмеявшись, Эрот толкнула дверь магазина.

...По квартире разлетелись черные тряпки Эрот, она искала, во что бы переодеться. Выбрала шорты и плотную милитаревую рубашку с воротничко-стойкой. Долго шарилась в поисках тапочек, эффектно наклоняясь и являя во всей красе симпатичную задницу.

- Фэн виски, о, как он любил меня! – пропела она довольно неплохим голосом, когда я наполнил бокалы по первой.

- Слушаешь Шмелей? – поднял я брови. Со стороны любуясь собой. Отчего то хотелось нравиться этой готичке...

- Йес, сэр! – усмехнулась она.

- За встречу, знакомство, секс, наркотики, самогон! – подняла она тост. Мы чокнулись, и быстро опрокинули стаканы. Меня затошнило опять – я сегодня ещё ничего не ел, не могу с утра. Да и виски тепловат, не могли ждать пока охладится, а лёд Жахни конечно же не держит. Ну чтож, зато сразу же дало в голову. Девки закурили, я воздержался. Они заболтались о чем-то своем, о каких-то общих знакомых, а я исподволь рассматривал Эрот. Хотя она и родная сестра Жахни, но будто рядом не стояли! Это как фото из рекламы косметического салона – “до и после”. Жахни чуть не умирает от зависти, я вижу. Эрот стройная – Жахни толстовата. Эрот пострижена, ухожена, вся в стиле “вамп”, а Жах... Жахни и есть. Ну так и понятно - одна живет с папой-продюсером в Москве, а другая в стиле "лишь бы как" в пустой квартире. Из разговора я понял, что Трахни вернулась к сестре, поддерживать её. А Жахни приняла её со щенячьим восторгом. Хоть и настороженно поначалу. Она – как щенок вообще, неопытная, глупая, неосторожная, лезущая напропалую за лаской и едой. Щенок-то щенок, но щенок этот – сука. В этом вся Жахни. Но и Эрот явно сучьей породы. Только вся уже взрослая сука. Опытная, наверняка знающая как и на кого гавкать.

Из ее излишне пафосного монолога, я уяснил, что папа из шоу-бизнеса был не против любых самых диких экспериментов дочери, воспитал из неё эстетку и извращенку, но тонко. Уже в 16 девочка снималась в эротических проектах, и посещала готические клубы.

- А как же Жахни, она разве не дочь ему?.. – так и тянуло спросить, но мой дружок и

так покусывала губу и много курила, я не стал травить.

Подвыпив, Трахни с гордостью продемонстрировала нам свой свежий клип, снятый в интерьерах милого папашки. Ничего такого. Опять пафос, пафос... хочется разогнать его рукой как дым. А саму Трахни тяжело изнасиловать, чтоб не выебывалась. Перед кем? Перед родной двойняшкой! И провинциальным сумасшедшим чучелом, которое с ней ебется. Велика честь. М-да....

- Атмосфера жилища садо-мазохиста пропитала её всю, и она несла её на себе, как дорогие духи, - сказал я, будто кого-то цитируя, и Трахни многозначительно приподняла бровь, будто узнала откуда это. Я это сам придумал, детка. И как мне хочется выжечь тебе глаз, чтоб потерялась.

Двойняшки стояли передо мной обнявшись, а я курил на подоконнике.

Такие разные сучки... обе мои. С появлением Трахни отношения с Жах будто обрели смысл, расцвели и дополнились. Ведь Жахни не знала, для чего она делает что-то, а Эрот знала и отлично. Жахни вообще не считала себя садо-мазо, а Трахни со знанием дела несла всю эту порочную чушь и усердно шлифовала тело. Даже проснувшись с тяжкого бодуна, выпутывалась из теплых мятых простыней, и с закрытыми глазами на автопилоте качала пресс. И ни разу при мне не поела после шести. Мы с Жахни над этим ржали и демонстративно жрали что попадалось, запивая всем что горит. Позерство тоже, да, но мне кажется, это очень поддерживало пухлую неухоженную Жах. Эрот лишь губки поджимала, и говорила – вам то что, у вас же нет... сцены. О, как она выделяла это слово. Все хотела что-то кому-то доказать. Я не вникал. Я не люблю этого.

xxx

- У нас сегодня сейшн, он, конечно, бабский, но я все равно хочу тебя пригласить, познакомиться с моей компанией! – прощепетала Эрот.

Их оказалось пять, разного роста и калибра, но все конечно же готички. С замашками настоящих херок... пили они вовсе не по-готски, а скорее по-скотски. Фальш так и сквозила через черные их шмотки и неуверенный излишний макияж.

Пиво – дааааа, это труготично! Но мне плевать. Я простая, как три рубля, дрянь. Не больше.

Глядя на этих изгаляющихся шлюх мне пришла угарнейшая мыслишка: устроить показ инфернальных мод! Пусть девки наряжаются как блудницы прямиком с того света, с адских пыток, где их истязали за грехи жизни, и прошкандыбают по подиуму!

- Рулеззз!!! – нежно с придыханием взывала Эрот на мое красочное изложение действия, а Жахни грязно выругалась, что в её устах, означало, конечно же, самые высшие похвалы и одобрения.

Через два дня Эрот собрала каких-то своих готических девиц, и даже договорилась с администрацией какого-то клуба, а я выступал исключительно в роли кутюрье.

И надо сказать, понравилось мне несказанно! Я получил доступ к такому количеству голых девиц сразу, о котором можно только мечтать! И все – первый сорт! Эрот сама отбирала, а уж её-то вкус вы знаете! Мы и типа-кастинг вместе провели, будто два эдаких модельных барона!

На квартире Жяхни вся наша пиздосестрия весело напивалась. Девки наташили разных драных тряпок, которых было не жалко креативно рвать, жечь и поганить краской.

Трахни договорилась с клубом. Она же два раза отрепетировала с бабами у Жяхни.

Мне оставалось лишь прийти и насладиться вселенской красочной бессмыслицей.

Мои красавицы кошмарно лыбясь и кровожадно ухмыляясь терроризировали зал все добрых полчаса, прежде чем охрана додумалась, что никакой это не культурный перформанс, а просто злостное наебалово почтенной публики, которая местами забыла жрать, и открыв рот дивилась зрелищу, тупо охуевая, а местами наливалось поскорее водочкой, дабы не было так страшно. Естественно, подошел менеджер, о чем-то озадаченно пошипел Эрот на ухо, она цинично выдыхала ему дым в лицо.

Нас выгнали на хуй в тридцать три пизды. Ну и ржали же мы! Особенно, когда некий жирный индивид с бритым затылком погнался за нами, и поймав, начал вещать, размахивая баксами перед носами моих inferнальных телочек и помоечных нимфеток, что он человек серьезный, и просто хочет выразить им свои восторги, но где-нибудь в более подходящей обстановке, например в гостинице напротив, или на крайняк – раз уж никто не соглашается, а только злобно ржет на всю улицу – в его «Ауди». Когда он стал слишком уж назойлив, и ожидалось прибытие подмоги в виде таких же донжуанчиков, я встрял-таки на защиту моего стада премоилых кобылушек. - Ведь это я их выпасаю, - объяснял я товарищу с баксами. Кой и замахались немедля у меня перед мордой, с хрипами:

- Не, реально пацан, это твои телки? А ты типа тут главный, да? Окей тогда, давай поделимся друг с другом по-братски, братан! Я тебе бабло, реальное, скоко надо, а ты мне эту и вон ту! – естессно, жирный палец нацелился безошибочно на Эрот и Шадоу – моих лучших сучек!

- Вон та, - я кивнул на Эрот – мой партнер, ну как я тебе её продам!

- Ага, - закивал тип: - Ну а эта?

- А эта не продается в принципе, она только по любви или идейным соображениям!

- Че? – нее понял бык. Его перло при виде стольких убойных герлз. Да я и сам бы с восторгом всех их трахнул, и потому его понимаю, но!

- Товарищ, вы идейный? – сказала Эрот, подходя и заглядывая жирному перцу доверительно в глаза.

- Да для тебя милая, я такие идеи придумаю вот прям щас, кипятчком описашься! – он мерзко захихикал, как престарелая баба, а Эрот тяжело вздохнув, взяла его под руку, и отвела в сторонку. Он попытался ее облапать, гогоча, но она наклонила его голову к себе, и что-то прошептала на ухо. Я внутренне весь поджался, мобилизуясь на драку либо скоростное покидание места. Но... волшебница Эрот уже шла обратно с видом – ну вот, а вы боялись. А “товарищ с хоботом” нервно сунув бабки в карман, понуро и быстро зашагал прочь. Три бумажки стобаксовых

отделились от кучки и мягко легли на асфальт... перец даже не дрогнув, исчез за углом. Девицы напряженно и алчно проводили его глазами, и кинулись к баксам.

- Уау, бабы, да это же три сотки гринов! – вопила Аринка. – Поделим как сестры!

Все суки одобрительно повизгивали, и лишь Королева Эрот стояла спокойно скрестив руки на груди и смотрела на все это без эмоций. Оно и понятно, ей денег не занимать, а вот девчонкам дивиденды в самый раз.

- Ветер, пусть это будет наш гонорар! – прошебетала прокуренным голосочком Ирга.

- Конечно, птенчик мой! – проворковал я, шлепая её по заднице, – это ваш заработок на сегодня! А теперь, я полагаю, дамы, пора валить отсюда покрасивше! Чувствую, сейчас вашим прекрасным попам достанется на орешки... если тока вы не любительницы анального секса!

- Мы конечно, любительницы, - снова встряла неугомонная Арина, - но не до такой же степени!

- Да никто не вернется, - равнодушно фыркнула Эрот.

- Почему ты так уверена? – холодно спросил я. Меня раздражает (хоть и не без восхищения её наглость и самоуверенность).

- Знаю!

- А че ты ему сказала? – налетели девки.

- Ничего, – все так же равнодушно сказала Эрот, - просто попросила идти домой к жене, и не тратить жизнь попусту в грязных кабаках!

Никто ей не поверил, и эта тайна осталась с ней навсегда. Стерва! Ах, как она умеет!

- Ну ладно, хер с ним, все равно надо обменник искать! – заторопилась Ирга. И мы покинули это место, красивые, адские, свободные... и богатые.

Думали поймать такси, но Эрот настояла на террористической поездке в автобусе. В продолжение безумному перформансу. Конечно, ей-то интересно в общественном транспорте прокатиться, она к такси привычная. Девки заныли, что давайте все же на такси, а я ненавижу бабское нытье, и гавкнул на них, что едем на маршрутке, и точка, а бабло пропьём. Мне приспичило повыпендриваться перед сексуальной Эрот, я хотел её трахнуть. Не оригинально, знаю, но кто бы не хотел? Она оценила, и сладко улыбнулась мне. Единение состоялось – мы были как папочка и мамочка из борделя. Она взяла меня под руку, и мы царственно завалились в позднюю маршрутку. О, как же шуганулись тетки с сумками и мужики с кейсами! Парочка подвыпивших студеров захихикала - девка прикрыла рот ладошкой, а парень вовсю вылутился на моих загробных супермоделей. Довольные эффектом, Ирга и Арина стали нагло заигрывать с этим студером и водилой, прося остановить где-нибудь поближе к кладбищу, и пригласили парочку с собой устроить кровавую содомию, и поделиться с ними друг-другом. Те прифигели, но вроде как стали соглашаться, были очень пьяны. Эрот качала головой на это, и вполголоса сказала мне, что надо бы по прибытии этих шлюх как следует *наказать*. Я с достоинством подержал её, и нам надо было уже выходить. Парень растерялся – а как же так, тока ему пообещали нечто, и вот уже покидают. Девки делано посожалели, и вывалились в ночь. Потом мы нахватили всякой разной снеди, вкусок и пречудесного крепкого бухла – текилы, виски и коньяка, а также

вермута для особо утонченных натур вроде Аринки, которая отказывается от водки и её производных в чистом виде и может даже закатить истерику, что её никто не уважает. Я вручил ей баттл лайта, и шлепнул по заднице.

Первый баттл распечатали уже в лифте, несясь на 18 этаж. На полпути, когда я едва сделал первый глоток, как неожиданно Эрот подмигнула мне, и нажала кнопку “Stop”... девки радостно воодушевились, и полезли друг к другу целоваться, и хватать меня за разные части тела. Я несколько охуел, от такого финта, но не успел чего-то об этом подумать – уже ласкался с Эрот, а взади об меня терлась ещё кто-то, упираясь в лопатки острыми сосками. Дурацкая мысль – *это кто там у меня лифчик не надел?* – завертелась и плавала по кругу, как в теплом супе из слюней, ласковых языков, теплых рук, искр из глаз, горячих бедер Эрот под руками, шелеста юбок, вздохов и... Эрот целовала меня, а кто-то взял в рот. Но я устал за вечер и никак не мог кончить, тем более что Эрот еще лизала мне уши и настойчиво шептала – *Кончай, кончай!* Может, если бы она не делала этого, мне легче было бы сосредоточиться... вдруг всё надоело, я решительно отцепил от себя всех трех девок, и нажал на кнопку разблокировки, лифт двинулся дальше:

– Ну все, я требую продолжения банкета!

Девки захихикали, спрашивая отлепившуюся от меня и вытирающую рот Шершень:

- Он кончил? Кончил хоть? – и повернувшись ко мне:

- Ты кончил?

- По ходу дела, самый актуальный вопрос вечера – попадание в рот Шершня моей спермы! – усмехнулся я. – Но! – грозно поднял я вверх палец, - это не ваше дело, милые! На всех все равно не хватит, так что... - тут я надолго приложился к баттлу, девки разочарованно зашумели.

- Да-да, продолжил я вещать: - Так что выбирайте, кого я сегодня буду трахать, кому достанется жирный кусок мужского внимания и теплой спермы, но не больше трех! – девки возмущенно запищали, мне стало жутко смешно: - А кому придется довольствоваться жадным язычком подруг, решайте сами, милые!

Тут мы приехали. Наглые шлюхи че-то спорили за моей спиной, Эрот открывала дверь, не обращая внимания на шум, а я с баттлом в одной руке, другой задрал ей юбку и наклонившись укусил за ягодицу. Тут же кто-то шлепнул меня по заднице. Оргия заваривалась жуткой кашей, и я с восторгом понимал, что все мои самые дикие мечты начинают сбываться – сегодня я буду ебать пьяных разряженных телок без препятствий и капризных запретов! Сегодня можно все!! В любых количествах! И рыжую Аринку, и синевласку Шершня, и наконец – Эрот... мой сладкий ядовитый персик, пропитанный алкоголем, о! Наконец-то!

Я ввалился в темное пространство Эротового жилища, она уже воткнула музычку, и принялась танцевать на кровати. Я отпил ещё, и упал на покрывало. Пакеты еды были наглухо забыты под вешалкой, часть девок завалилась следом за нами, а кто-то остался стонать в коридоре. Я не смотрел, я видел королеву – она танцевала прямо надо мной. Я распростерся на постели, мелькали её трусики с пауками, и резинки чулок... девки раздевали меня, я поливался бухлом, горячие языки лизали мне соски и нежные пальцы тянули ремень джинсов. Я испугался слишком перевозбудиться, и кое-как

упираясь от моих сексуальных фурий, пил и пил жадно, чтобы алкоголь сбил возбуждение, мне хотелось долго, очень долго ебаться, особенно мою сладкую девочку, и прочих конечно тоже. Она сняла маечку, и показала темные соски – я закипел, и хрипло взвыл:

- Бабы, бабы, телочки мои милые! Ну погодите вы, что так сразу, я же сейчас кончу и как потом вас ебать-то мне?

- Ну-у, - заныли разочарованно девки, из коридора возникла совершенно голая Арина с Ангелом в остатках одежды – чулки, пояс...

- О, черт, ну я же просил! – взвыл я, притягивая к себе первую попавшуюся герлу, и срочно залезая ей под юбку. Но Эрот нагло и жестко оттолкнула её от меня, уселась верхом, и целуя принялась танцевать на моем жаждущем члене, не давая проникнуть в неё как следует, а только дразня. Я озверел, и схватив эту суку, повалил на спину, и злобно придавив, трахнул быстро и сильно. Она стонала и пыталась укусить меня за ухо, но я придушил её. Кончив, отпустил, и она лежала задыхаясь, и шипела:

- ...какая же ты сука, Ветер, мне же больно... - но это *таким голосом, что я едва не кончил ещё раз*. – А я же кончить не успела! – пожаловалась она жадно глядящим телкам, и они радостно вызвались ей помочь своими языками. Я вытер член покрывалом и уселся в кресло напротив, наблюдать охуенную картину, о которой любой мужик мечтает, обливаясь спермой во снах – как три девки лижут во всех местах одну, и ещё три танцуют и колобродят раздеваясь по всей комнате. Я знал, что скоро смогу делать и делать снова и снова, пока не свалюсь без сознания.

xxx

Девки наконец свалили, Эрот сладко и глубоко спала, беспробудно измученная. Я остался один. Меня несло, я носился по квартире в одних джинсах, когда это я успел их надеть? - слепо фиксируя мысль – завтра надо будет жестко разобраться с этой сучкой, она точно нахерачила мне в виски ускорителя, бля, а меня не спросила! Надо, непременно надо её поучить, что так нельзя, без предупреждения, надо спрашивать, а может... все, забыл.

- Слушай, да ты же реальный пацан, Ганя, хули ты загоняешься, блять?

- Это в каком таком смысле я загоняюсь?

- Ну, блять, с нами не тусуешь нихуя, рядишься как этот... как у вас там, готы чтоль?

- Извини, но я ни как кто не ряжусь, тебе показалось, – пацан из параллельного был мне не очень приятен, и я хотел скорее отделаться от его назойливых попыток познакомиться.

- Я пришел всего лишь сдать контрольную Ольге Николаевне, а не тусую я, потому что в школу не хожу, я болен.

- Хуясе... - слышь, Титов, он в школу не ходит потому что болен, ёпт!

- Вот бычить не надо, ребята, сам сказал, что я реальный пацан. Ну так и хули тогда...

- Да ты не кипятись! – положил он руку мне на плечо. Было противно, хотелось сбросить, но их-то трое, а я один, и никого здесь не знаю – впервые за хуй знает сколько времени решился сам дойти до училки, сдать лично в руки контрошу.

- А че у тя ваще за болезнь-то? Вампиризм чтоль? – и эти дебилы заржали. Я пристально посмотрел главарю в маленькие невыразительные глазки, пытаюсь оценить ситуацию – как мне отвечать, совсем грубо, или все же поостеречься? Мне еще не раз сюда приходиться, пока не закончу... да и хрен их знает, с какого они района. Нет, лучше не буду, попробую отмазаться втихую.

- Ну... я просто псих, знаете ли. Официальное название моих проблем вам ничего не скажет, надеюсь. Поскольку подобного никому не желаю... слаб еси и человеколюбец! – развел шутовски руками. Они заржал – и прекрасно. Поржите давайте над убогим, и я пойду.

- Чувак, да не пизди, а, давай лучше бухнем пойдем что ли?

- Бухнуть? – вопрос... но логичный, бухло снижает уровень накала, и снимает противоречия. Надо попробовать. - Это вполне себе разумное предложение.

- Ну вот, и маладца! – Ржавый обнял меня за плечи и жестом не терпящим возражений потащил за собой. Прозвенел звонок... контрольная осталась не сдана. Я вздохнул и стиснув зубы пошел с этими ублюдками. Контрольная и до завтра доживет, а вот я если откажу, может и нет. А под бухло втихую свалить можно... потом разберемся.

Тоскливые разговоры о том, кто из нас кому какой брат и сват, и что не стоит нам всем выебываться и ссориться, а мне срочно постричься – заебали меня уже через третий глоток водки за углом школы. Эти люди охуевали на глазах – пить прямо здесь, под окнами учительской, середь бела дня...

Секрет оказался в том, что у кого-то из трех рыл папа чем-то торгует, и потому похуй мороз, бухай хоть в директорской. Чтож, ладно. Меня мутило и я все думал, как бы поскорее убраться. Клятвенно заверил, что как доберусь до дома, так сразу и постригусь. Они нихуя не поверили что я никакой не гот, а простой русский скамфак-придурь, и допытывали, че там за понятия у нас, типа на кладбищах бухать и все такое. Я как мог разъяснял. Выдумывая на ходу – а что еще делать, ну не знаю я ничего о готике!

Вечерело... дурнело на глазах. И в глазах, и за глазами тоже. Куда столько водки!

- Чувак, ну как же так-то? Что ты никогда не ебался реально? - Ржавый (ах, какое пошлое погоняло-то, а?) сидел рядом со мной на корточках, и заглядывал в лицо, весь такой сочувственный. Я чуть не ударил себя – нахуя я ему рассказал-то об этом?? Ну да, да, я никогда не ебался.... Мать твою. Че ж я себе язык-то не откусил. Кивнул себе под ноги, думая, надо встать – сидеть на корточках тяжело, кровь приливает к голове, потом тошнит и падаю как куль об землю, если долго нахожусь в скрюченной позе.

- Э-э, браток, так дело не пойдет! – покачал стремный хрен ржавой головой. – Надо тебе это организовать, поблядки-то!

Организовал. Сука. Блядь. Ну кто его просил?!

На хате была тусклая лампа без абажура, кухня заляпанная всем чем можно, сортир

просто нереально гадкий – зато спальня. С двумя железными кроватями. И две малолетки – Марина, широка и пухлая, и Вита – скелет на контрасте с подружкой. Кажется, светленькая. Или нет... не знаю. Но глаза у нее были страшны. Будто обведенные вокруг зрачка черным густым мелом, какие-то неблестящие, запавшие не по векам, а именно будто радужка потухла и запала внутрь. А зрачок выпуклый как у бешеной коровы... даже не знаю как описать... на таком юном лице такие глаза... И она пила так, будто всю жизнь одной водярой и питается. Меня тянуло сблечь. Я давно ничего не ел... забыл просто. Но я очень хотел наконец-то ебаться, в свои пятнадцать жалобно дрожащий под одеялом и в общественных сортирах. От страха я усиленно глотал вонючий суррогат, стесняясь пропустить хоть рюмку, уступить девчонке, которую собираюсь выебать. Ух, от этого слова все внутри горячо сжималось, до боли – я буду сейчас ебать настоящую, живую девочку... я узнаю наконец – *как у них там?*.. Кажется, она извращенка... черт, а вдруг я не сумею ее удовлетворить? И она всем расскажет, что я лох... а хотя... кому это всем? Никого у меня нет. Так что черт с ним. Только бы суметь!!..

Ржавый все настойчивее лапал хихикающую Марину, а я никак не мог решиться, хоть Вита и сидела так близко, на нашей общей кровати, что я даже слышал ее дыхание, неровное и смурное какое-то. «Сейчас, уже сейчас надо решаться... положить ей руку что ли... но куда?»

Ржавый, оказавшийся в кокетливом выдохе Марины

- Диииимаааа.... Ну, Дии-ммаааа,

- уже всю раздевал девку, а я никак не мог настроиться, и начать... все боялся, что не встанет у меня ничего. Боялся торопиться.

Но вел себя уверенно. Вита сказала – мне нужен разбирающийся, и я соврал, что уже лишил девственности. Она кивнула преданно глядя в глаза сумрачными темными глазами, и сама стала стягивать трусики. Я остановил ее – всегда мечтал сделать это сам. Легла так удобно, забрался ей под юбку, закрыв глаза, потянулся языком... это неопишимо... мне остро захотелось у себя между ног иметь такое, но ведь сейчас это моим и будет! Я хочу ощутить как это... ебать и быть выебанным... но только сначала я распробую ее...

Марина вдруг закричала, я дернулся и открыл глаза – мой новый быдлодруг всю ебал ее, скрипя кроватью, она кричала и плакала, а Вита зажимала ей рот рукой, вытянув в сторону ладонь. Я ужаснулся, и решил, что все – хватит тянуть, пора, пора – может, я уже позорюсь как слабак и романтик? – Ржавый рычал и матом крыл, и даже бил Марину, чтоб не орала, не мешала ебать ее:

- Заткнись сука, заткнись, ты мне всех соседей перебудишь!

А Вита лишь дрожала и вздыхала прерывисто сквозь зубы. Я потрогал свой хуй – он давно уже был готов, но я не уверен – а хватит ли этого на проникновение?.. вдруг упадет?.. И едва терпел, чтобы не выебать, у меня по губам текла ее влага, кажется признак возбуждения – просунул язык, но она такая узкая... вот черт, еще раз потрогал себя, – куда ж он там влезет? Ой, боже мой, ну куда я ввязался... этот уродский Ржавый орет... хоть бы уволок свою Марину подальше, я так не смогу... Но надо. И все опасался приступить, страшась, что не смогу "вскрыть" ее. Дрожил одной рукой,

добиваясь устойчивой эрекции, и стараясь не кончить раньше времени. Хотел довести ее до оргазма - если ей понравится, то ее можно будет потом ебать всегда, не искать других баб! - тоже светлая мысль, а что – ведь и правда, если только получится... я боюсь... и от страха все быстрее двигаю языком по ее влажному и нежному существу. Неожиданно она выгнулась, больно ударив по зубам бог знает чем, и вскрикнула – а я в слепоте ее сразу схватил- и резко вошел - с трудом правда, самому больно, и охуел от болезненного счастья - как у нее там все узко и скользко. Кончил, рыдая, сам не заметил как, и не понял отчего плачу. Обнаружил сырое лицо свое у нее на плече. Поднял голову, трудно оглянулся - Марина вытирала кровь между ног простыней, Дима ругал ее, что гадит ему постель. Поспешно вышел из Виты, позорно вялый и упавший вдруг, как старичок. Девчонка недовольно сморщилась. Я отвернулся от нее, сел на постели и стал одеваться, ведь дрожь от слабости внезапной и стесняясь этой слабости. Ржавый, еще более гадкий мне, хуел на меня, а у Виты стал совсем уж непереносимо страшный темный взгляд. Она усмехалась и курила, как опытная. Но под ней, почти уже паникуя, что все сделал не так, я заметил лужицу крови. Дима проверил, подняв одеяло - Вита натянула его обратно на себя:

- Хуйли тебе надо! Отвали нахуй!

А Ржавый похлопав по плечу сказал - мужик, уважаю!

Вита пошуршала за подушкой – я навсегда запомню тяжелую сырую вонь лежалого пера - и сунула прокладку между ног. Я и прокладок-то никогда не видел.

Это шок, блядь, шок! Мне срочно надо уйти!!

Но чтоб не позориться, сдержался, нужно остаться. Выпить?

- Ну давай, хуле!

С одной рюмки очень опьянел - а с утра ел табло, но подумал - да похуй, будь что будет.

И в полубреду ебал Виту вместе с Димой... кажется, это называется секс с половиной человека... и это совсем не возбуждает... совсем... наоборот, плакать хочется, люди, как же это гадко... она не сводила жутких глаз без зрачков с меня. Я ударил бы ее, но рука не поднялась – противно... собака она шелудивая, вот что.

Марину ебать не стал, отвернулся и упал в тошноту забытья. Успокоила внезапная фраза - "грязь засасывающих вторжений", повторял и повторял ее, пока окончательно не уснул. Под охи, вздохи и грязный мат...

На секунду очнувшись, заметил, что я один, Вита уползла на кровать Димы и Марины. Они шуршали, и переругивались, но не мешали мне плавать, плавать... по теплему, соленому, сухому морю. Насколько я помню, такое в аду есть. А может, я уже там. Но мне уютно...

- Уже утро, ёбта!! Мужик, все, пиздец, погнажи, щас матуха припрется, давай, нахуй сваливаем!

И я шел, шатался, мерз, хуел сам на себя. Стеснялся вспоминать... и вроде не так-то это и хорошо, как мечтал... Но был в целом рад – ведь стал мужчиной. Хотя и трудно в это самому поверить. Как-то кукольно это было... как-то не живо будто. Ай, и ладно. Лишь бы сам факт! А дальше наверняка будет больше! Больше! Много-много секса грезилось моему истерзанному телу... оно горело, и просило еще. Я – мужчина.

А секрет черного мела, видимо в наркоте... бррр, не хочется думать, что у меня самого такие глаза.

- Где??... ах, всего лишь в ванной на полу...

Я сидел весь в крови, замотав руку полотенцем. Меня это очень раздражало, но я задышался, в новом чувстве. Я осознал всю бессмысленность своих действий. То, что я делаю каждый раз, незнамо зачем, это намного – о, намного! Фантастически глупо! Я дрожал, холодный от потери крови, трезвый, слабый и просветленный. Я передумал умирать. Потому что, знаете что?

Тебе пиздец. Ты живешь в умирании. Так что умирать нет смысла. Тем более, что бог назначил всем встречу только на Страшном Суде, значит ТАМ будешь стоять в очереди. А здесь – хотя бы что-то происходит. Здесь постоянный пиздец, многоликий и многомерный. А там – раз, и все, ты один! Ни-че-го. Скучно. И я больше не буду умирать. Я подожду.

...измученная голова свесилась на грудь.... Я попытался встать. И не смог... помогите мне, я так хочу в постель. Только к себе в постель, отведите меня домой, и немедленно! Туда, где мама принесет горячий чай, и в холодильнике таблетка есть – последняя оставалась, помню! А потом мама купит еще. И я надолго усну. Во сне и корни не болят.

- Все психиатры знают, что для нервных и слабосильных людей некоторые страдания, несмотря на всю мучительность их становятся необходимыми. И не променяют они эту сладкую муку на здоровое спокойствие ни за что на свете, - сказала моя любимица Тэффи. И она права... я поцеловал ей пальцы, и...

- Ветер, это ты ночью додумался в инете лазить? – Эрот безжалостно трясла меня за плечо, и острая боль заставила шипеть и отбиваться.

- Что тебе надо, блядь, отвали! – вырвалось неподконтрольное раздражение.

- Да ничего мне, блядь, не надо! – она встала руки в боки, да с такой претензией возопила: - Я, бля, даже почту свою проверить не могу, ты мне все поюзал на хуй! Я ж безлимит здесь не включала, ты карту вылизал до ноля!

- Не пизди, я всю ночь на полу просидел в ванной.

- Ах, это ты, сучка, кровью все запоганил и не вытер! Ну что за гадство от тебя, один вред!

- Ну так выпизди меня, и больше не пускай! Мне похуй вообще-то! – зло ответил я.

- Так-так, не ты, значит, юзал! – она уселась за комп и пощелкала мышью.

- А Жанна Моуле – это кто, что-то я такую не припомню в своем френдятнике!

Меня в одну секунду подкинуло и я очутившись рядом с девкой, схватил ее за руку:

- Не тронь, это моя переписка!

- Дай, дай я посмотрю! – принялся отпихивать ее от монитора.

- Да на, ёб твою мать сука ты бля!

- Ага, очень информативно! – кивнул я, лихорадочно просматривая мессадж: “Здравствуй, дорогой Ветер! Спасибо за теплые слова... Всегда приятно читать

послания людей, которым есть что сказать, кроме того, какие у меня клевые сиськи и охуенные фотки. На самом-то деле, мало кто реально в тексты вникает, многим элементарно лень заинтересоваться чем-то из моего творчества, более глубоким, чем подпевки ТорКу и развратные фото. Но ведь моей основной деятельностью остается литература. А читать – это же так долго... Но довольно желчи по поводу тех, кто не со мной. Я хотела поговорить с тобой, о твоём письме...” Все плыло у меня перед глазами, туманили слезы – она, ОНА мне ответила! Богиня Жанна говорит со мной! Стоп... письмо открыто! Значит, я его уже читал?.. Ночью? Нихрена, ни хренушки не помню!! Проклятый алкоголь делает меня совершеннейшим беспамятным дураком. Не зря врачи предупреждали не пить бухла одновременно с лекарством. Да мне же это похуй-нахуй, я ж никого не слушаю, презирая чьи бы то ни было наставления. Допился, даже письмо Жанны не помню. О, это так удивительно, что она мне ответила!

“У тебя стройный слог, тебе бы завести блог какой-нибудь. К тому же, ты горд собой, это сквозит между строк, должно быть ты красив. Пришли фотку, интересно...я практически никогда не ошибаюсь в людях. У меня чутье на красивых”. Я улыбнулся польщенный до кончиков ногтей – да, Богиня, я весьма хорош, вне всякого сомнения. А блог... да ну, всякая шушера будет его читать. Вот если бы только она. Нет, я буду просто писать ей, всегда, когда будет что сказать. Пока не отвергнет. Но я ведь постараюсь быть интересным.

Все, пора мчаться домой, скорей писать ответ!

xxx

- Ну-у, мне скучна-а! – ноет Жахни, дергая меня за волосы. Мне больно, и я раздражаюсь.

- Слушай, а если ты меня не любишь, и допустим, если любви вообще нет – то допустимо ли тогда?? – вскакиваю я, толком не понимая, что хочу сказать. Трава дала о себе знать, на этот раз таким образом. Я с неё то добрый, а то наоборот очень нервный и злой.

- А ты вот будто меня любишь! – прищурилась Жахни, расстегнула ещё одну пуговицу на своей вечной черной рубашке, и закурила сигарету с лицом циничным и порочным.

- Какое у тебя лицо порочное, ты замечала? – подсказываю я к ней, и взяв за подбородок, поднимаю вверх.

- Ветер, - вздыхает она. – Если ты не будешь меня развлекать, то не надо тут никаких небывалых поз, я сама себя развлекаю, окей?

- Да пошла ты на хуй, сука тупая! – раздражаюсь я, и ничего не могу поделаться с собой. Да и не хочу, я уже слетел с резьбы, и не... не знаю, не знаю, я ненавижу и её, и себя, и весь этот белый, ебанный свет!!

- Оставь ты меня в покое, Жахни, ну чего тебе вечно от меня надо?? – вскричал я, и схватив стакан, шарахнул его со всей дури о стену! Он разлетелся на великое

множество брызг, Жахни вскрикнула и схватилась за щеку. Из-под ладони её стекла алая струйка.

- О, да у тебя кровь! – окончательно теряя контроль подскочил я к ней: - Давай помогу!

- Не надо уж, иди на хуй отсюда, уебище! – зло отпихнула она меня.

- Сидеть, сука! – резко сжал я горло девки. В глазах её заплескался страх. Я придавил её, как смешного глупого жучка к стене, и жадно слизал кровь с лица. Вкусно, как соленый огурец!

- Странно и почему бы с утра вместо рассола кровь не пить, вот же, почти то же самое! – сказал я, и разжал пальцы.

- Ты совсем охуел, Гавриил, - спокойно сказала она.

- Да, это так, - кивнул я. Взгляд мой упал на крупный осколок – доньшко стакана с длинным тонким “лезвием”:

- Смотри, Жах, какая прелесть! – схватил я его.

- Да пошел ты, - проворчала она, вывернувшись и быстро вскочив, поспешно вышла, хлопнув дверью. А я вдруг и сразу устал... силы покинули меня единомоментно. Я размазавшись по стене, и чтоб чем-то отвлечься, принялся играть светом в гранях стаканного осколка. Некая мысль, идея плясала на кончике острия, и я силился её поймать. Вот она – а ведь можно этим стаканом и порезать кого-нибудь! О, да! И получить много крови, ничуть не хуже, чем на щеке Жахни! Я очень этим воодушевился. Ведь до этого я резал только сам себя, во время секса тоже – оргазм углубляется до бесконечности, корчит по-дикому, когда едва кончая, я прокусывал себе губу изнутри, и чувствуя вкус крови, вытягивал из-под подушки нож, и резал себе живот или грудь. Но вот резать партнершу ещё не решался. Да они и моей-то крови боятся, и чаще всего я этих девиц больше не видел никогда. Тоже мне, извращенки! Суки обычные. Но сейчас-то, и прямо здесь – есть Жахни!

- Жахни! - заорал я: - Жахни, иди сюда!

Тишина. Затаилась, боится. Ну ничего, сейчас я её достану! Никуда она от меня не денется! Она же не против диких экспериментов, так почему бы ей не подставить свою нежную плоть под мой осколок? Он же совсем маленький.

- Жахни, ну чего ты, давай помиримся! – вошел я на кухню, где Жахни прижигала щеку ваткой, в жуткой вони водки.

- Ветер, я с тобой не ругалась! – настороженно покосилась она на мои руки. Но я же не дебил идти к ней сразу с осколком. Испугается ещё, и пиши-пропала идея.

- Водка чтоль ещё есть? – заглянул я в бутылку. Черт, как бы ей сказать? Непохоже что-то, что она чего-то хочет.

- Водка, водка, - проворчала Жахни, отбирая у меня бутылку.

- Ну так выпьем тогда чтоль?

- Нет, не выпьем! – сухо сказала Жах. Обиделась.

- А что ж так?

- А то, - повернулась она ко мне. – Ты совсем ебанулся, вот что. Следить за собой надо.

- Да ну, брось ты... - начал было я, но в дверях зашуршал ключ. Мы оба замерли.

- Тьфу, мать твою, шухер от травы берет! – раздосадовалась Жах, и пошла в коридор, я за ней.

- Эротик, дружок! – заорал я, кидаясь к подружке.

- А вы кого ждали? – спросила она подозрительно принохиваясь. – Ага, трава!

- Ну дык, - хмыкнула подружка.

- И водка! – потянула носом Эрот: - Да вы тут совсем раздухарились!

- Короче, вы тогда оставайтесь, раз пришла ты, а я погнала нах из этого дурдома! – схватила куртку Жахни.

- Куда ты, как это? – заорали мы с Эрот в один голос.

- Мне надо и срочно! – Жах уже нацепила сапоги и звякнув ключами исчезла за дверью. М-да...

- Чего это она? – сделала огромные глаза сестрица этой дуры.

- Незнай, - беспечно пожал я плечами. – Айда чтоль потрахаемся?

- Че? – посмотрела на меня Эрот так странно: - Как-то неохота, давай сначала хоть водки попьем, если есть ещё!

- Ну, или так! – кивнул я, пропуская девку в кухню. Коридор узкий, и ей пришлось здорово обтереться об меня, чтоб пройти.

- Чет ты такой возбужденный!

- Так трава, - развел я руками. Мне и правда уже очень хотелось. Но осколок не отпускал меня, впившись в душу – я сделаю это, как бы то ни было! Просто секс меня сейчас не устроит.

- Да у вас как-то не особо много водки-то осталось, - покачала головой Эрот, и отхлебнула прямо из баттла. Её всю скривило, а я погладил её по заднице. – Не зря я, значит со своим самоваром к вам!

- С каким самоваром? – удивился я, и погладил себя между ног. Вот черт. Надо быстрее её раскручивать. Хочется...

- А там, в коридоре!

- Так давай-давай, чего тянуть? – с энтузиазмом замахал я руками. Самому ходить мне сейчас неудобно.

- Ой-ой, торопится он! – подмигнула она, и вышла в коридор. Блядь. Да чтож это такое? Быстрее, быстрее же, Эрот! Я хочу резать тебя, и ебать, ебать наконец!

Она вернулась шурша пакетом, и медленно, слишком медленно, достала баттл виски, отвинтила крышку, смачно отхлебнула, и довольно вздохнула. Я потянулся и почти вырвал из её рук вискарь, отхлебнул как мог много. Боясь стать слишком пьяным для своей затеи, но торопясь, очень торопясь.

- Экий ты зверский! – покачала головой девка.

- Ну так, - пожал я плечами. – Ты пей давай!

- Да дам я тебе, дам, куда торопишься? – спросила она.

- Ну да, - кивнул я. не знаешь ты ещё, как именно придется давать. “А если она не согласится”, - промелькнула мысль – “то я просто изнасилую эту чертову сучку да и все!” и злорадно улыбнулся сам себе.

- Ну все, хватит пить! – решительно встал я, когда темная жидкость едва покрывала дно баттла.

- Ну-ну, там ещё глоток есть! – запротестовала она на мои настойчивые объятья. Тогда я одной рукой прижал её к стене, а другой живо отобрал у неё баттл и вылил в себя остатки пойла.

- Все, пошли!

- Ну пошли! – хихикнула она. И я уволок её в спальню. Она улеглась на постель, и стала лёжа вяло стягивать с себя одежду, напевая какую-то пьяную чушь. А я наконец могу достать свой заветный осколочек! Тока вот где он? Я весь похолодел – не могу его найти!

- Черт, черт! – зашептал я, нервно шаря по углам.

- Чего ты там потерял, у меня в сумочке есть, возьми... - подала голос Эрот.

- А? – встрепенулся я. Но сразу понял, что она совсем не о том!

- А, да нет, я щас! – ура-ура, я вспомнил, где он! Помчался в зал, резво вернулся со стекляшкой. Правда, шибанулся хорошенько бедром об угол. Но боль распалила меня как злую собаку, и я накинулся на Эрот безо всяких церемоний. Она смеялась, и кусалась в шутку... пока не увидела над собой занесенное лезвие.

- Эй, это что такое на хуй? – протестующе завопила она.

- Это игрушка, не видишь? – помахал я штучкой перед её лицом. Она явно испугалась, но уйти никуда не могла – я сидел на ней верхом. Но она сильная, дрянь – извернулась и укусила меня за руку, да так, что я выронил стекло.

- Аа, блядь, да ты кусаться? – вскрикнул я, и наотмашь ударил её по лицу. Глаза вспыхнули и из уголка губ потекла струйка крови.

- Ветер, ты... прекрати, пожалуйста, мне больно! – прошептала она беспомощно.

- Ну а я разве обещал, что будет сладко? – развел я ей руки, и сцепил у неё над головой. Сила проснулась во мне немерянная, как всегда, от возбуждения. Чужая кровь, я становлюсь зверем! Похоть горит в чреслах, и ломит суставы! Эрот пытается брыкаться, извивается и вырывается, распаяя все сильнее – я ударил её уже по настоящему, и она схватилась за разбитую вдребезги губу.

- Лежи тихо, Эрот! – угрожающе прошипел я ей в испуганные глаза. Пришлось её связать вытянутой из-под неё же простыней. И порезав живот и грудь, насладиться кровью... неугомонная сучка, она сопротивлялась яростно, как дикая кошка, но постепенно я заметил, что она возбуждается все сильнее, и уже сама размазывает по лицу кровь, и лижет её с моих губ. А потом и вовсе схватила выпавшую из моих рук стекляшку, и наотмашь порезала мне спину. Я вскрикнул от боли и выгнулся во вспышке...

- Я теперь часто так буду делать, это и правда кайф... - прошептала она, трогая языком распухающую губу. Я посмотрел на неё, и отвернулся. Ебааать, как тянет все вены...

“В психиатрии синдром, сопровождающийся деперсонализацией – нарушением восприятия времени и пространства, собственного тела и окружающей обстановки, официально называется “Алиса в Стране чудес” - оповестил механический голос в голове.

Я не заметил как, но оказалось, что она ушла. Внезапно хлопнула дверь, далеко-далеко.

...А я лежал обессиленный от борьбы, смотрел в потолок и любовался собой изнутри. И думал почему-то о Жахни. Наверное, потому что это все-таки её квартира. Жахни всем хороша, но у неё нет души, как у настоящей суки, животного. Сердце есть, а души нет. И она не моя. Да.

...А вот если трахать рукоятью ножа, держа его за лезвие, то пальцы изрежутся до кости... полный пиздец! Аааа, я взвыл бесшумно, и скорчившись, обнял простыну, достал хуй снова, и принялся мучить себя, делая больно-больно. Я бы трахал, кровь стекала, пальцы в мясо, мясо, и кровь, и кончал бы этой кровью. Йес-йес, ау, блядь, хочу, ну дайте кто-нибудь воплощения!

- Почему ты так любишь блядство?

- Не знаю... кажется, это наследственное. Моя бабушка была стриптизершей.

- Показывала стриптиз ершей? - спросила Жахни, и прыснула в ладонь. Я сначала вспыхнул, но потом мы безумно ржали очень долго. Мы курили гашиш. Как всегда.

- Она родила моего отца неизвестно от кого.

- А мой отец снимает порно, - кивнула она, меланхолично пуская дым в потолок. Я нашел ее руку в полутьме, и крепко сжал. Мы сроднились с ней, как брат и сестра во разврате.

Молчали. Нам было хорошо рядом. Спокойно... Даже уютно. Как таблетка успокоительного.

xxx

В детстве чувственность проснулась очень рано. Уже в десять лет уходил в ванную мастурбировать. Не кончал, конечно, но все равно очень возбуждался. Даже на фотки своей бабушки-стриптизерши... она была ослепительна. Это вообще отдельная тема моих фантазий.

Я нашел пачку её фоток случайно, когда искал “запретную” порно-книгу, которую мама тайно читала. У неё не было любовников, и думаю, после смерти папы ей очень непросто приходилось. Вообще, я конечно, подозреваю, что не все так просто, и моя наследственность частично от мамы, и неизвестно, что там они с папой вытворяли, она же вышла за него замуж, а он был сумасшедшим и погиб в дурдоме... мама боится, что это может случиться и со мной, и очень бережет меня. Ну вот, я отвлекаюсь. Я как-то спал на маминой кровати, и руку засунул за кровать, мне нравилось, как стена холодит ладонь. Там случайно нащупал книгу, вытащил её, и с ужасом увидел, что это порнушка, самая настоящая во всех красках – на обложке здоровенный деревенщина ебал блондинистую девицу в какой-то немыслимой позе. Меня ужаснула не эта книга – мне было двенадцать, и я втихаря знакомился со всем “этим” - а ужас был в том, что мама, моя мама – и вдруг такое?? О черт, я весь вспыхнул, обоженный внезапным видением моей матери на месте одного из этих... из порно! Моя мама тоже может...

трахаться? Я чуть не умер от этого открытия. Нет, косвенно я конечно допускал, и даже знал, что это именно так, откуда же я взялся? Но секс, реальный секс – он её *интересует*?? Не знаю, это было так ужасно, так липко, так жгуче и невыносимо – моя мать способна *трахаться*? Не рожать меня в результате возни под одеялом с отцом, которого к тому же вовсе нет на свете, и значит об этом можно забыть – а именно любить секс, интересоваться, и вообще... о, нет! Но вместе с ужасом я почувствовал небывалое возбуждение, и жадно читал, ломая глаза в темноте спальни, вздрагивая и спешно запихивая книгу обратно за кровать при каждом звуке – мать ходила по залу, тихо напевая. Я читал, читал как безумный, зажав член рукой, и дрожал весь до самых кончиков – представляя между этих грязных строк *мать*...

Ну вот, я читал урывками, и почти уже дочитав, не обнаружил книгу на привычном месте за кроватью. Матери не было, я собирался мирно по... ну понятно, над книгой, и не нашел её! Каков облом! Весь в предвкушении полез за кровать, уже расстегнув штаны. Черт! Я заметался по дому, в поисках своего сокровища, и нашел его очень быстро – на шкафу. Руки будто сами знали, куда потянуться. Я жадно дрожа взял свое сокровище, и на меня неожиданно посыпались фотки – старые фотки, и я подумал что меня уже адски глючит – перед глазами промелькнули осыпаясь на пол чьи-то сиськи и попы... я просто охуел. Я стоял на стуле с книгой, и смотрел в пол, на котором лежали бумажки, – и не мог поверить, что правда вижу это. Фотки же старые, разве в то время кто-то фоткался голым?? Быть не может... у меня чуть слюни не текли – я не мог закрыть рот от шока. Мой родной, привычный и мирный дом, мое убежище, открывает все новые тайны, грязные тайны! Как в мутном сне, помрачаясь сознанием, я сел на пол, и стал рассматривать карточки, узнавая в тихом обмороке – это она, это... моя бабушка?? Не просто кто-то похожий на неё, не некая голая женщина в несусветно фривольных позах, в крохотных трусиках (да разве такие носили тогда?) сладко и развратно улыбается... это не некая блядь, это она – моя родная бабушка, которая приносила мне дешевые соевые шоколадки, которые я не любил и просил – не носи больше, они мне не нравятся! А она отвечала рассеянно – что же я сделаю? И приносила снова. Я замораживал гадкие плитки в холодильнике, в ледяном состоянии они хрустели и становились хоть немного сносными... я был маленький совсем, и не мог знать, что моя бабуля, которая сажала меня к себе на колени, и целуя в макушку, приговаривала, что я вылитый папа, роднулечка её, и что от меня пахнет даже точно как от её сына в моем возрасте... я не мог знать, что она ещё довольно молодая женщина, совсем недавно ушедшая из нехорошего бизнеса, то есть с панели попросту. Я думал, она моя бабушка, хоть и немного не такая, как у других – наоборот, модная бабуля, это же здорово! - говорили мне. Да я и не общался больно-то со сверстниками, не ходил в садик, со мной возилась няня. Мои родные женщины работали, папа пропадал в дурдоме, а когда погиб там, мне не исполнилось и шести. Тогда бабушка покончила с собой – она реально не могла жить без сына, так любила. Кстати, недавно я узнал, что бабуля все состояние отписала мне, а оно немалое! И когда мне будет двадцать один, я стану реально богат! Я спросил маму – а сейчас нельзя хоть чуток? Она ответила – а зачем, я тебе ни в чем не отказываю, да и нельзя, бабка так все оформила, что пока не стукнет ровно 21 – ни-ни! Ну и ладно. Да и в самом деле, на что

мне сейчас столько бабла? А тогда я смогу, например, купить какую-нибудь загородную резиденцию, и оборудовать там свой садо-мазо закрытый клуб! И быть там полноправным хозяином!

Ну вот, снова отвлекаюсь. Ладно, ближе к теме, просто добавлю, что и ювелирку открыть маме помогла бабушка. Мама теперь тоже на самом деле очень богата, но её состояние все в золоте и камнях, а я даже не знаю сколько. Я спрашивал – мама, а почему ты работаешь, почему не бросишь все к чертям и не заживешь, как хочешь? А она – мне нравится моя работа, я и делаю то, что хочу, высококлассный ювелир создаю эксклюзивные украшения! А запас – пусть останется тебе, на черный день!

И вот, эти люди, что меня родили, что копили не щадя себя, страдали о моем благополучии, что ворковали надо мной, что лелеяли, и просто представьте – мама и бабушка!! – оказались заинтересованы в сексе! Мне было двенадцать лет... только двенадцать! Я сходил с ума от этого. Бабушка – проститутка... было от чего свихнуться! Я выкрал несколько фоток, самых пристойных – где она ещё хоть как-то прикрыта, и всего одну – где совсем голая, с разведенными ногами, прикрывает “местечко” сведенными ладонями, и истекал кислой слюной над ними... а потом и спермой. Решиться на это было очень трудно, и одновременно само-собой, произвольно – ну, понятно. Я опасался больше всего, что мама узнает, чем я занимаюсь за её спиной – но мне стало это необходимо. Обычная порнуха потеряла сокровенный смысл уже тогда. Я менял фотки на другие, возвращая старые на место – чтобы если что, не было так очевидно. Потом осмелел, и стырил всю пачку, и прятал в школьном рюкзаке – единственное место, куда мама уж точно никогда бы не заглянула, уважая мою монополию на личные вещи. В шкаф или под подушку она могла случайно влезть и разрушить сладостный мирок. Я всегда очень аккуратно прятал всю связку, доставая самые излюбленные, самые грязные – была даже такая, где молодая моя бабуля мастурбирует, в шнурованных сапогах, кусая пухлую нижнюю губу. Я дрожал и летел в черно-белую пропасть снимка, путаясь в липкой и сладкой карамельной паутине своей похоти... мне даже кошмар приснился однажды, я его на всю жизнь запомнил – будто я маленький, лет пяти, и бабуля гуляет со мной в парке, она не одета, на ней лишь похабные остаточки одежды, которые ничего не прикрывают, а наоборот подчеркивают её звериную сексуальность, и она ведет меня за руку, и я сгораю от стыда, а она здороваётся как ни в чем не бывало со знакомыми, те тоже с детьми, и она развратно улыбается им, и намекает мне, что неплохо бы мне *потрогать* ту девочку... я схожу с ума – как?? Мы садимся на скамейку, и бабушка вальяжно раздвигает ноги, я стараюсь не смотреть, а мимо идет кошмарный продавец сахарной ваты - у него нет глаз, я в ужасе дергаю бабулю за тряпочку на её бедрах, и она спрашивает – что, малыш? Я показываю ей на продавца, который поворачивается к нам, пытаюсь изобразить учтивость, что-то наподобие улыбки кривит его адскую рожу, и он протягивает мне спутанный клубок паутины на палочке. Бабка подталкивает меня в спину – возьми, малыш, не стесняйся! Мне стыдно не взять, раз бабуля велит, и я, весь в ледяном страхе протягиваю руку и беру “угощение”. Чудовище одобрительно кивает, я поворачиваюсь к бабуле, умоляя глазами позволить не есть *это*, но она смеется довольная, говорит – ешь же, малыш, что ты? Вкусно! И подталкивает снова, я

не могу не слушаться, я очень послушный (хотя наяву всегда был капризным и своенравным), и открываю рот, но не могу – снова смотрю на неё в последнем молении одними глазами - пожалуйста, можно мне не есть? А она отрывает кусочек, и паутина тянется за её тонкими пальцами, и... и открывает яркий рот, приближаясь к моему лицу, и вот-вот положит это на язык, с таким наслаждением, будто это...

В этот момент я проснулся, весь мокрый, дрожащий, ледяной от страха внутри и горячий от возбуждения снаружи, и вскрикнул от ужаса – паутина на моих руках!! Подпрыгиваю на постели, резко вскидываю ладони к глазам, дико таращась. Мои пальцы склеены и скользки от спермы.

С тех пор я трепетно люблю стриптизерш, но отношусь к ним очень придирчиво, сравнивая с моей невероятной бабкой, и ищу в них сходства с ней единственной, и в том мой личный критерий оценки шлюх – насколько она напоминает мою бабушку. Но, конечно, сравниться с ней не может никто. Они все жалки и похожи одна на другую, а она - она была божественна. И для меня нет развратнее горячего слова *малыш...*

xxx

От текилы болит язык, солью разъело. Опять Эрот поила. Надоела она мне. Скучно с ней. Но у неё всегда есть вписка, крутое бухло, и телки-подружки, считающие меня неотразимым – достаточно просто явиться в белой шелковой рубашке, и сделать рожу мрачную и печальную. А уж если завести псевдо-интеллектуальную беседу, то все – еби их как хочешь, хоть по одной, хоть всех сразу. Но блядь, скучные они. И глупые.

- Ветер, а ты знаешь извращение на букву “и”? – приперлась из спальни Фьюнерал, ещё одна надеющаяся на мой хуй. По глазам вижу, намеревается утащить меня куда-нибудь в приват, но я ещё подумаю. *“Но ты станешь покорна, но ты станешь покорна и мила”*, как не крутись тут с самым самодовольным видом.

- Изнасилование, - усмехнулся я. А внутри все сжалось горячим комком – о, да... Будто знала о моем тайном списке, который я составил два года назад, и о котором забыл уже – список всех доступных перверсий, по алфавиту, который я вывел дрожащей от возбуждения рукой, выписав тщательно из учебников судебной психиатрии. Выискивал, прикидывал, что меня привлекает, отсеивал невозбуждающее. Начал следовать, но запутался, обламываясь и не решаясь, и бросил. А вот теперь вспомнил.

- Изнасилование? – округлила глаза Фьюни. – А что, это разве извращение?

- А что, нет? – равнодушно пожал я плечами, и встал. – Посиди пока тут, я скоро вернусь, никуда не уходи! – строго сказал ей, и наклонившись, грубо и жадно поцеловал её в губы. Да, пора! Я СДЕЛАЮ ЭТО ПРЯМО СЕЙЧАС. Игры кончились. -

- Изнасилование, изнасилование... - продолжал шептать я, как заведенный, топая по темной улице, сворачивая в сладостном полубреду подальше от людей в переулки. Разум заволакивала сладостная пелена, как молочный кисель, как сахарная сперма, но в то же время все чувства обострялись, как у голодного животного. Я пару раз играл в изнасилование – изнасилование! Все это показное, специальное, заранее обговоренное,

игрушки – хватит! Я иду на поиски жертвы, настоящей, живой – поймать, загнать, замучать. А-ах, тянет, тянет мне живот, попадись скорей мне моя первая настоящая жертва! Я должен познать, что это такое – настоящее преступление! «Ну ладно, я тебе перезвоню, как буду у дома, выйдешь меня встретить!» – а! Вот!! Прямо здесь, за углом, тихий смех, и стук каблучков. Дуууурочка - я едва не застонал – надо же, они реально так глупы, что ходят одиночно через знакомые переулки, полагая, что ЭТО может быть с кем угодно, но только не с ними... а потом становятся героинями криминальных хроник – запрокинутые мертвые головки, приоткрытый искаженный ротик. А виною - Я, мраааазь, реальный подонок, дай мне выебать тебя!

Я притаился в выемке между стен – о, город реально устроен будто со всеми удобствами для маньяков. Всегда питал особое отвращение и притяжение к насильникам. Позже пришло – завидую. И вот – девочка... осторожно проходит мимо, приостанавливается – так близко, что я улавливаю её запах, сладкий и дешевый. Если б я захотел – я мог бы погладить её по лицу. Бесчувственная совсем – на таком расстоянии не почувствовать меня! Оглядывается неуверенно. Поправляет курточку, идет дальше. Высовываюсь из укрытия наполовину, слежу за ней напряженно – внутри все шепчется, шуршит и дышит – ааааххх. Сейчас, ещё немного, дай ей расслабиться. Вот она миновала арку, и скрылась за поворотом – в два прыжка я сократил это расстояние. Вздохнул поглубже, умиряя дикость сердцебиения, безмерно волнуясь от предстоящего изуверства. Девушка идет не оглядываясь, уставившись в слабо светящийся дисплей телефона. А я смотрю жадно ей в спину. Край её мини-юбки флиртует с попой... слишком маленькой, даже крохотной юбочки. И мой хуй уже флиртует с её нутром. Давай, зайди скорей в подъезд! Не заходит. Плетусь за ней, уже вот добрых пять минут... ах, ты дрянь, давай же, давай! Ногти впились в ладони, скорее! Я готов уже сорваться, и сильно впечатав её затылком в стену, выебать прямо здесь!

ЕСТЬ! Момент истины – она в подъезде, и рассеянно прикрывает дверь за собой, все ещё глядя в телефон – стоять, сучка! В два хищных прыжка я нагнал её, и протиснулся в закрывающуюся железную подъездную дверь. Ещё немного, и не будь она такой душой – лязгнула бы преграда прямо у меня перед носом, но теперь мы с ней одни в подъезде, она испуганно смотрит на меня – я хватаю её, зажимаю рот – телефон глухо стукнув падает на пол, я впечатываю её в черный угол под лестницей. Испуганные глаза, вязкий ужас – ааа, черт, больно жмут джинсы, сладко корчится сердце... она совсем не сопротивляется, лицо к лицу, и лишь тихо пискнув сжимается в комочек, горячий и дрожащий в моих стальных тисках. Миг, ещё миг – я ничего не делаю, просто смотрю ей в расширенные зрачки, слабый луч слепо шарит под лестницей, отражаясь в накрашенных глазах девочки смертной мукой. Надо что-то делать, пошариться у неё под юбкой, пока никто не пришел, ах, как мне сладко и страшно, как мне реально – и не хочется торопиться! Запомнить свою первую жертву как следует, слизать её запах и страх – я уверен, что буду делать это снова и снова! Одной рукой все ещё зажимая ей рот, другую запускаю под крошечную юбочку – такая мягкая, потряясая! Если б я раньше знал – никогда бы не стал играть, всегда бы только и делал, что насиловал! Но что-то мелькнуло вдруг внутри, стукнуло больно сердце, я

приостановился, опустил глаза на миг - нечто вроде “зачем я это делаю, это отвратительно и мерзко”, на крошечную долю секунды потерял власть, и жертва моментально сориентировалась:

- Отпустите меня, пожалуйста, - слабо пискнула, как трепетная мышь.

Если б она этого не сделала, я бы возможно, и отпустил её, сломавшись в чувстве “табу”, но! Писк придал мне сил, и я навалился на неё. И лизнул ушко, она вся скукожилась, и хрипло прошептал:

- Ну уж нет, иди давай сюда, сладкая моя!

Ааах, ебать её было сладко, безбожно сладостно, и длилось это долго, я все никак не мог кончить, сжимая её, ковыряя и трепля её, то быстрее, то медленнее, она стала вся мокрая и холодная, размазавшись по стене, пока я ебал, ебал её, бессовестно и безжалостно, жег ей внутренности, она больше не пищала, едва дыша, боялась, видимо, закричать. Не знаю, нравилось ли ей, скорее нет, она кривилась от омерзения, когда я целовал её, повинуюсь своей прихоти извращенца, но не смела и кусаться – трусливая совсем, я ж ей даже ножа не показал!

- Дурочка ты несусветная, - сказало я ей, кончив наконец, и она получив свободу, принялась с отвращением быстро вытираться юбочкой между ножек.

- Я запомню тебя навсегда, и ты меня тоже, верно ведь? – попытался я заглянуть ей в глаза, а она заплакала, жалко скривившись, сморившись, и замахала на меня сумочкой. Я увернулся, и заметил её телефончик на полу, подобрал его, и протянул ей. Она схватила его, и вдруг... швырнула об стену, вдребезги! Я восхищенно присвистнул – она в реальном шоке! Надо же, как на неё подействовало обыкновенное изнасилование! Вышел на свет, давая её дорогу, она вышла следом, сверкнув на меня глазами зло и с та-а-аким отвращением, что если б оно могло убивать! Я был бы трижды мертв! Она хотела проскользнуть мимо, но я преградил ей дорогу:

- Давай, провожу, тебе ведь на предпоследний этаж! – она замахала на меня снова, молча и остервенело, но я схватил и прижал её к себе: - Ну-ну, уймись, все уже, не буду я больше, а там мало ли какая мразь ещё подвернется! Я-то тебя просто тихо и мирно ебал, а вдруг другой порежет, чего доброго!

В глазах её мелькнули ужас и сомнение. Она молча кивнула. Верно оценила свое положение, умница. Мы пошли с ней рядом, по лестнице – почему не на лифте? А вот спросите. Она боялась рот открыть, и я молчал. Так молча и дошли до нужной ей двери. Она позвонила, и я моментально испарился, предпочитая не узнавать, кто должен был её встречать, и почему он не сделал этого. Я перепрыгивал пролеты, и по десятку ступеней сразу. И в полминуты оказался на улице. За мной простучали чьи-то тяжелые шаги, и вопль:

- Стой, мразина!

- Да вот щас, - сквозь зубы прошептал я, просто присаживаясь под забор. Хуй тут меня кто найдет, темно, будто в аду на реконструкции. Мимо пронеслась чья-то мрачная туша, а я усмехнулся... и согнулся в отвратительной дурноте. Мрак и пакость, паскудство содеянного накрыли - сразу, мгновенно – будто грязным полиэтиленовым пакетом. Отвращение к самому себе, и муторная сладость корчили, и я хватал ртом

воздух в приступе сладчайшего омерзения. Омерзения и тошноты, преступных конфет пизды объевшись...

xxx

Лежал на картонке, как бомж, и беззвучно смеялся... Это был я, я это был!.. ну посмейтесь, прошу вас, посмейтесь со мной, о мои Арлекины!!

- Чтож, тогда надо идти ведь! О, пора, пора, братие мои, заждалось нас... эм.... Это... А впрочем, отбросим сомнения, пора!

...на окраине города у дедка какого-то спросил дом номер 9. Зачем – неясно, но вот найду и спрошу, че мне там надо. И слышим вместе с дедом пение какое-то, в коробке. Подошли, заглянули – а там старуха связанная лежит и поет. Кто-то выкинул на помойку. А кругом такая грязь... э-э, надо выбираться отсюда!

На свет Козерога я выйду пожалуй наверняка! А ты как думаешь?.. Хотя нет. Не скажи мне ничего. Я сам знаю. Ты меня очень бесишь, когда говоришь, блядь!!

xxx

- Нет, мама, я не скоро... нет, я не болею. Просто голос такой... в школу мне тока на следующей неделе. Я не мерзну. Я у Маши. Да, ты ее заешь. Нет, я уже сказал, не мерзну. Она меня бренди поит. Я не издеваюсь. Хорошо, завтра обязательно буду дома.

- Наливай, че же, замерз я как сука, Жахни... а откуда кстати у тебя бренди?

Добрый дядя принес. Еще и жратвы ей купил. И новые шторы – под этими, видите ли, ему мою малышку ебать не нравится. Вот урод. Я бы выписал ему, если б столкнулся. Презираю скота... Но Жахни запретила мне вмешиваться в ее жизнь. Я болезненно стал переживать за нее. А она морщится – ну я ж тебе не сестра! А я именно так и чувствую. Мне трудно это объяснить, всегда был удушающе один, а тут вот... переживай за нее. И так странно, неудобно ощущать Жахни-Машу своей сестрой. Хочется повыгонять нахуй всех ее уродов-ебырей, вылить дареное, нежным влагилицем заработанное бухло, сорвать подаренные шторы, сжечь весь хлам натасканный ее любовниками, вышвырнуть их всех, всех!! – из ее жизни. Затем нашлепать по щекам, она будет хныкать и упираться, а я как мама, как старший брат, раздену ее, заведу в ванную, поставлю под душ, и буду долго, тщательно отмывать ее, в трех водах, ругая за непослушание...

Ах, и я уже кусаю руки сладко:

- Я мыл бы тебя, в трех водах, и ты бы хныкала, а я бы заставлял тебя не стесняться, и разводил тебе ладошки. Которыми ты прикрывала грудки, и...- вздох, сладкий и

протяжный сам вырвался из моей груди. А Жах ухмыльнулась, глядя на меня прищурившись.

- И конечно же пальцы мои проникали в тебя... и я залез бы к тебе под душ прямо в одежде, и прижал к себе одной рукой, а другой бы трахнул... трахнул так... - запинаясь я, а Жяхни приближалась ко мне тяжело виляя бедрами:

- Как не трахал бы никто и никогда свою маленькую сестренку, один лишь братец Ветер... - она подошла совсем близко, селя рядом и изящным жестом умело стянула трусики...

- Габри, - вздрогнул я, поправил шепотом. - Так меня зовут родные...

...а в центре города я обнаружил трамвайную остановку, переоборудованную в... как сказать-то?..

В общем, настало время, когда люди стали есть людей. И теперь повсюду установлены эдакие раздаточные пункты мясо-крови. И народ толпится, и ждет каждый свой кусок.

Трамвайная остановка переоборудована под бойню. У трамваев двери открыты, и в них кладут связанных жертв, так, что голова торчит над дорогой, лицом вниз. Красивая, коротко стриженная женщина деловито отдает распоряжения, и по ее указке под “мясо” ставят ведра, для крови. Эта женщина – я знаю ее, - заносит топор и очень обыденно отрубает головы. Жертвы даже не шелохнутся... Кровь упругими струями хлещет в ведра. Я отворачиваюсь, стесняясь, что мне противны обыденные вещи. Нужно намеренно приучать себя смотреть. Теперь – это норма. Теперь – так надо.

Лишь под утро я догнал, что наступает мой день рождения...

- Мама, ты не беспокойся... а может останешься? Ну не хочу я никого звать, правда! – ныл, как маленький ребенок, по телефону. Но она поехала отвозить в другой город авторское кольцо. Мол, никому не доверяет, это опасно – а почему тогда заказчики не пришлют курьера? А вот надо так! Бля, ну зачем же так со мной, зная, что я дни рождения не выношу за то, что становлюсь ранимым и больным...

- Хорошо, но звать я точно никого не буду, закроюсь и буду лежать один, кино смотреть!

Ну щас. Кто бы мог поверить, что меня оставят в покое, когда идиотке – и заметьте, не лечится! – Эрот приперла мысль непременно поздравить меня, даже если это мне поперек горла! Вот, блять, спасибо-то. Наташила кучу свои драных куриц, меня не спросила – а я от неожиданности так растерялся, что не смог выгнать. Я ну никак не ожидал такого! В совсем неподобающем виде, к тому же...

Ах, черт... ну всё мне очередной праздничный пиздец!

- Ой... мама! – я замер у зеркала, глядя на себя расширенными от внезапного домысла глазами: - Ведь это мама специально оставила хату, чтобы девки приперлись! – я внимательно взгляделся себе в глаза – кажется, не ошибаюсь! – и продолжил

лихорадочно переодеваться, дабы не быть стремным перед телками, и они б не догадались что я придурок. - Ну зачем, скажи, Ветер, зачем бы ей еще приспичило так уж прям самой и тащиться именно сегодня в другой город?? Исключительно поэтому... - мне вдруг стало обидно. Меня не спросила, опять меня не спросила! Ну что же это такое, что за манеру взяла все решать втихаря?! – Ну хорошо, мамусик, я еще поговорю с тобой!! – погрозил отражению, но так смешно это вышло, что вмиг потеплел. Ну что я бычусь? Мама как лучше хотела. Вот сейчас накрашусь, пойду, бухну, и буду всем жизнь портить, будет весело!

- Если только не... да, в пизду это всё. Решительно в пизду.

Девки накрывают на стол, воркуют и матерятся. Блин, ну не люблю, не люблю я когда женщина груба! Мать совсем другая, и я с трудом терплю женский мат. А они мало того, еще и курят прямо у меня в квартире. А я сижу в кресле, пытаюсь привести себя в нужное настроение, весь такой мрачный и красивый, положив ногу на ногу, в белой льняной рубашке, зачесав волосы за уши, и мрачно взираю на окружающих. А окружающие тоже хороши! Шершень в шортиках, которых даже если бы и не было – никто б не заметил разницы. Ирма – в таком платье, что хоть стой хоть падай, Жахни – уже пьяная в дрызг лапает какую-то рыжую телку в ошейнике, и – звезда моя, главное блюдо в моей постели – Эрот! О, эта конечно расстаралась для меня! Корсет, преглубокое декольте, на каблуках, и в чулках, ажурные резинки которых мелькают в разрезе платья. Я просто херкоготический король какой-то! Меня ждет черный ром, и девки, отвязные девки, которые знают меня две недели, но успели побывать мясом на моем “адском показе мод”, а также у меня в штанах, и сейчас готовят для меня стол, виляют вокруг меня задницами, и строят глазки... кто ещё имел все это на свое семнадцатилетие? По-моему, совсем не плохо! Тем более, если учесть, что я всегда “праздновал” один, у меня никогда не было друзей, а уж тем более подруг. Я никого не подпускаю к себе ближе, чем просто к телу, и никогда не пушу в сердце. Все что мне нужно – это секс, и пустой треп ни о чем в качестве саунд-трека псевдо-отношений. И я ненавижу, ненавижу дни рожденья. У меня свои, детские, глубоко болезненные причины... Оттого столь мрачен сейчас. Я мысленно улыбнулся своему жуткому пафосу. Пусть никто не догадается, что самый яркий «бёздник» у меня был в дурдоме для малолетних... клоуны, шарики... мама и бабушка хотели, чтобы я был счастлив. Я и был – поверил, что вот сейчас, вся эта прекрасная сказка, весь этот карнавал ради меня закружит и унесет меня с собой, домой – и я никогда больше не буду горек, и не надо будет глотать жалкие слезы, и тетю Венеру со шприцем добрый клон сейчас убьет, и никогда ее больше не будет!! Но нет. Они ушли. Ушли все. Бросили в ледяной палате, закрыли... «Мы еще придем, малыш!» - ХУЙ!! Я больше не верил им. Никому. Тогда я стал атеистом. Никакого бога нет. И клоуны все мразь и уроды – даже мерзкую врачиху Венеру побоялись убить ради меня. Как же я рыдал... как же мне было больно, в тысячу раз больнее чем от уколов. Я плакал сначала очень тихо в подушку, страхась вызвать гнев Венеры, а потом не вынес муки, и самопроизвольно стал орать и биться, колошматиться о батарею. С тех пор и шрам... тронул затылок – вот он, бугорок, отметина Сатаны. Пусть же пропадут все днюхи на свете. Ох...

И все же, все же...

Я привстал, взял гитару, принесенную Жахни, попробовал струны – ничего, вполне настроены! Значит, настырная девка не трогала её с последнего раза, как я настроил инструмент.

- Друзья приходят, приносят водку, - запел я, хотя петь не умею.

- О, Ветер нам споет! – завопила Шершень, подбегая и усаживаясь у моих ног. Я благосклонно кивнул, хоть и не понимаю, откуда такие восторги по поводу моего голоса?

- И пьем её мы каждый день,

- Но сегодня праздник, но сегодня праздник,

- Мой день!

- День рожденья, день рожденья –

- Плохая примета!

- День рожденья, день рожденья –

- Я не-на-ви-жу всех вас! – я поднял руку и обвел девок широким жестом:

- За это!

- На столе танцуют девки голые,

- На столе танцуют девки голые! – я кивнул Эроту, она вскочила и задрав платье сделала пару “элегантных” телодвижений, её подтянутые бедра в чулках вызвали прилив крови...

- Ах ты грязная сучка! – прошептал я, зажимая Эрот в ванной. Она несколько не сопротивлялась – напротив, жадно раскрыла губы мне навстречу... я уже стянул джинсы, и готов был... когда, внезапно что-то толкнуло меня в голову, очень сильно, так, что я едва не грохнулся прямо на Эрот, и страх, страх такой безумной силы накрыл все мое существо, до тошноты и боли в лопатках!.. я вскрикнул и зажав голову руками, отшатнулся. Эрот пропищала что-то, и попыталась меня коснуться, но я отпихнул её, и заорал, чтоб валила на хуй! Она обозвала меня извращенцем, и вышла за дверь. Я выскочил следом, щелкнул выключателем, и заскочил обратно. Заперся, и шатаясь от ударов крови внутри черепа, как долбаный маятник на длинных ногах, стал внимательно осматривать углы и полочки с шампунем, пытаюсь разгадать, что же меня так напугало? Конечно же, ничего не обнаружил, все как всегда. Я пощупал влажную после сегодняшнего мытья волос стену. Потрогал полотенце – нет же! Надо выйти к бабам, выпить, шлепнуть кого-нибудь по заднице, трах... эээ, вот оно! Даже частица недодуманной мысли о сексе повергла меня снова в ужас! Голову свело железным обручем, и строгий кузнец шарахнул изнутри молотом! Бля... что же это такое?? Я что, ебаться сегодня не буду?? В день рожденья?? Вот блядский черт!! Но как же так?? Я занервничал, отчего боль усилилась, возростя до невыносимой. Я взвыл, и сунул черепушку под кран с холодной водой. Нет уж, в пизду это все, коли так! “Надо позвонить маме, и спросить, что мне принять от этого...” - подумал я, вытираясь. Моя чудная белая рубашка была на хуй испорчена! Моя настоящая аристократская вещь! Я очень расстроился... ебаная жизнь психа... долбаный пиздец! “Да и что ты, дорогуша, скажешь маме? Мама, я не могу никого выебать сегодня, так

как от мысли о ебле башка горит и раскалывается, а у меня полный дом охуенных телок, ну мааааа-мааааа!!!!” - изгалялся злой карлик у меня в сознании.

- Пошел ты на хуй! – сказал я ему вслух, и решительно вошел в комнату. Девки притихли, и смотрели на меня испуганно.

- Че вы, бабы такие нервные? – изящным жестом махнул я. – Все нормально, наливайте хозяину! – мне очень понравилось это слово – Хозяин! Над всеми этими красотками! Какая прелесть! Хотя, зрелище я наверняка являю ещё то – мокрая рубашка, лохматая голова, сижу нога на ногу в кресле темного красного бархата, и выебываюсь! Шершень поднесла мне стакан вермута, я благосклонно кивнул, и жестом пригласил её к себе на колени. Она охотно села, и кокетливо спросила у девок:

- Ну как, мы посмотримся с Габри вместе?

- О-о, да вы просто мега-секси! – взывла Эрот, и потребовала фотоаппарат.

- У тебя соски так клево светятся через ткань! – восторженно восклицала она, наводя объектив. Я гордо кивнул, и сделал свою самую благородную рожу. Шершень приподняла юбку и показала стройные бедра. Я положил руку ей на задницу. Кадр вышел что надо – Шершень и я – с мрачной рожей, мокрый, но гордый! Я ржал бы сам, но не при девках же! Потом Шерш поцеловала меня в шею для следующего кадра... что тут началось! Девки накинулись на меня, отпихивая одна другую, и злобно матерясь, на драку лезли фоткаться на моих коленях, будто я Санта под елкой! И сейчас исполню все их заветные желания. Я усмехнулся – чтож, но только я сначала выясню, кто из вас вел себя хорошо в последний год... и выгоню вон такую, мне здесь хорошие крошки не нужны! Мне нужны эти грязные, испорченные, бесстыжие вампириши, вчетвером целующие меня повсюду...

Я уже пьян, я облит коньком. Качающаяся на каблуках Эрот предлагает сделать мне классный минет. Я развожу руками – ну что ты, дорогая, ещё и спрашиваешь? Она радостно наклоняется, и лезет мне в штаны как ребенок за конфеткой, и...

...- а ты бы могла и не дышать, разве тебе трудно? – шепчу я, сжимая тонкое горло девочки, а глаза огромные-огромные, такие, что загораживают беспредельное чисто-черное небо и редкие звезды тонут в страхе их! Сладость, упоение этим страхом, но вот что-то мешает. Что, однако? А, да, я просил, чтоб она не дышала, хотел сыграть с ней в любимую игру “в мертвеца”. Не зря же, чтоб все по-настоящему, притащил её на кладбище, мечтая выебать недвижимую и бледную среди крестов... эээ... крестов? Ёбт. Я... на кладбище? Ночью? С девочкой? Черт. Я отшвырнул бедную куклу, и вскочил на ноги. Они больно хрустнули – значит, давно сижу на корточках, удушая полуребенка.

- Блядь, да откуда ты взялась, шлюха малолетняя?? – вырывается крик из моей бедной груди. Я задыхаюсь, рассматривая в полном недоумении и страхе девчонку-блондинку, маленькую и худую –лопатки торчат из рваной белой кофточки, она отползает на локтях, глядя на меня неотрывно глазами огромными от ужаса.

- Ты долбанный уебищный маньяк, я так и знала!! – орет она, пытаясь встать.

- Нет, это ты сучка поганая! – подскакиваю я к ней, и в ярости от неспособности понять, что происходит вздергиваю её над землей. Она почти ничего не весит, и мне

так страшно хочется швырнуть её как котенка о плиту башкой: - Чтоб хрустнуло, чавкнуло, и мозги твои ебанные разлетелись в кисель!! – ору я диким срывающимся голосом на неё. И думаете она что?? – я и сам охуел. Я думал, я попал в ад, но не простой, а для сумасшедших – она рассмеялась. Звонко и зло, в моих цепких лапах, висая над землей, слушая угрозы!! Она - смеялась!! Я хотел бросить её, и убежать, в голове звенел ледяной ветер, и сердце застыло в самом непередаваемом ужасе, какой и вообразить нельзя! Я хотел, но руки сцепились и заржавели, не раскрываясь. Я запаниковал, я... а она – она вдруг вытянула шею, и поцеловала меня поцелуем самым нежным и ласковым во всей моей жизни! Губы и руки мои разомкнулись, она упала на землю, и чтоб не упасть, вцепилась в меня. зубы её больно ударили по губам моим, я ощутил кровь, но продолжал целовать её. Она положила лапки мне на задницу, и погладила, как любовницу... я заплакал. Я больше не мог выносить напряжения. Я уткнулся ей в плечико, и ревел в голос. Где я? почему я на кладбище, почему мне холодно, где моя квартира, и днюха, и коньяк, и девки? Что со мной? Кто она – эта маленькая неземная тварь, что держит меня в объятьях?

- Я хочу домой... - прошептал я непроизвольно и всхлипнул, гадкий и жалкий, убогий урод.

- Сейчас пойдем! – ласково прошептала она.

- Угу, - кивнул я, все ещё до ужаса боясь её.

- Ты такой забавный, - покачала она головой, утирая мне слезы.

- Ни хуя себе, - выдавил я, пораженный. И понял, что влюбился в неё. Прямо сейчас и навсегда.

- Как тебя зовут? – я теперь хочу знать только это, и больше ничего. Мне насрать, откуда я здесь, где моя днюха, и как... не важно!

- Сашка, - мягко улыбнулась она улыбкой нежного упыря.

- Ты труп? – спросил я тупо.

- Ага, - спокойно кивнула она.

- А, ну я так и знал! – вздохнул я расслабленно. Это все объясняет.

- А ты маньяк, - так же спокойно ответила она, и принялась шариться по моим карманам.

- Что ты ищешь?

- Сигареты, конечно! – деловито кивнула она. – Хотя хочется гашиша...

- И тебе? – брови мои сами поползли вверх. Такое чувство, что все, с кем я вожусь, только и делают, что страдают гашишизмом! А я вот лучше бы беспросветного фенотарбита сейчас и спать.

- Да, а что? – пожала она плечиками. В разрыве кофты я увидел её грудь, и вздрогнул – такая маленькая, мягкая и нежная... в лунном свете, крохотный сосок... бр-р, как же холодно!

- Ебанный апрель... - простонал я, инстинктивно прижимая Сашку к себе. – Я тебя люблю!

- И я тебя, - кивнула она все так же деловито, прикуривая, загородив ладошкой сигарету. – Пойдем домой, а?

- Но ты разве не здесь живешь? – удивился я.

- Неа, - затянулась она. – Пиздец, как холодно, где моя куртка?
- Куртка? – продолжал тупить я.
- Ну да, куртка, а ты че думал? – посмотрела она на меня снизу вверх. Такая маленькая, хорошенькая... личико грязное, в земле.
- Ну да, я детский трупик! – язвительно развела она руками. – Но меня похоронили в куртке, тока тебя это не впечатлило, и ты попросил её снять, и лечь на землю! А она холодная, сучка, - поежилась она.
- Я? – никак не могу допереть, о чем она? В голове пустой звон, и все.
- Ебать ты, Ветер, пошли уже куда-нибудь, ну хоть в подъезд, там поебемся, если хочешь! – посмотрела она на меня глазами говоря: “вот дебил”. Именно таким я себя и ощущал. Пиздец.
- Ну я вот хочу, но здесь реально холодно, хватит, готическая романтика не вышла, пойдем, а?? – взмолилась она, а я все стоял как истукан.
- А... ну пойдем... - прошептал я, окончательно теряясь.
- Ну вот и слава богу! – она взяла меня за руку, и зашвырнув окурок во тьму, повела сквозь ночь, огибая кресты, чертыхаясь и сыпя ругательствами, которых и я не знал. “Она восхитительна!” – подумал я, глядя ей в светлый затылочек, и чуть не грохнулся через ограду чьего-то вечного покоя.

Потом пришли ко мне домой, квартира пуста, матери не было (как и договорились, у мну же днюха), и перешагивая через бутылки – пустые и полные, выбрали одну – с джином, и залезли в постель. Я упивался восторгом – в жизни ещё не видал такой маленькой и потрясающей женщины! Ей всего 15, а она так божественна! Мне даже показалось, что я нашел свою Жанну. Я спросил – кто ты? Она ответила – ангел, так спокойно, будто “ученица 10 класса”, или что-то в этом роде. Ну, не ангел, нефалим вообще-то – поправилась она, а я восхищенно рассмеялся. Она хотела было объяснить, что такое нефалим, но я остановил поцелуем – слюна её была гадкой и горькой от сигарет и бухла, и я задохнулся от восторга – она совсем живая! Она человек! Хоть бы и нефалим.

– Реально, мой биологический отец ангел, - продолжила она, как только я освободил ей рот. – Я пойду на медика, изучать анатомию, чтоб сделать себе сравнительный анализ крови! – совершенно серьезно сказала она.

Когда пришла мама, Сашка сказала сухо – здрасти, одолжила у меня “косую”, червонец на проезд, сигарету, отхлебнула виски, и ушла. Мы так и не ебались с ней... да я и не хотел, разлетевшись вдребезги об её нежное и деловитое существо...

Я так и не узнал, откуда она взялась в ту ночь в моей жизни, и почему я оказался с ней на кладбище, воплощая давнюю мечту выебать труп. Но это было совсем неважно. Просто она прилетела ко мне следующей ночью. Да, именно прилетела, стучала в окно, и я открыл, дрожащими от восторга руками. Я сомневался до обмороков, а есть ли она?? Пока она не прилетела снова, и не ебала меня зло и изощренно на моей мокрой от похоти кровати...

Зажимала мне рот рукой, или своей рубашкой, а я почему-то отдавался ей, открыв совершенно новое наслаждение для себя – в подчинении!.. когда это пыталась делать

Жах, меня злило и вызывало отторжение, я не позволял никому владеть мной. А это хрупкое тельце сдавливало меня сильнее железных оков, и я готов был кричать, кричать, забывая о себе – делай всё, что пожелаешь, замучай меня, я твой! И она делала.

Скинув одеяло на пол, села верхом, связала руки и принялась кусать. Сначала было неприятно, я шипел и упирался, но постепенно... понемногу... плавился под ней, растворялся... как кусочек сахара обращается сладкой патокой... и... дернулся, как обожженный – в дверь постучали.

- Габри, тебе Маша звонит!

- Бля... - прошептала моя девочка, уткнувшись мне в грудь влажным личиком.

- Ка... какая Маша, мам? – едва сумел ответить я, голос отказал от воздержания в криках.

- Ну я ж не знаю, Гань, ты трубку-то возьмишь, или что-то передать?

- Нет, мам, я не могу выйти!

- Ну, хорошо! – и прошуршали прочь шаги.

- Извините, Маша, Гавриил не может подойти, он сейчас с девушкой! – сухо сказала мама, а Сашка выпрямилась вновь надо мной и глаза у нее стали огромными:

- Ну ни хуя себе, так это что, она знает, что я здесь?... – шепотом “заорала” она.

- Конечно, - кивнул я, и повертев запястьями вдруг легко освободился от пут. – Да ты думала, она дурочка чтоль?

- Блядь, да ты не связан, ты прикидывался!

- Уху, - кивнул я. – Забей, это игра, а как по серьезному вязать, я тебе потом покажу.

Жахни, однако, тоже молодец, нашла времечко звонить! – раздраженно подумал я, сообразив, кто такая Маша.

- Давай, продолжим! – обнял я бедра подружки.

- Нет, че-то я в шоке, мне надо отойти! – и она ловко соскочила с меня. – Пошли, покурим!

- Ну, пошли, - вздохнул я.

На балконе я мерз, а Сашка долго изливала охуение по поводу того, что мама вот так запросто позволяет мне ебать девиц не скрываясь, прямо в своей постели.

- Ну почему же, не скрываясь! – отвечал я: - Не орать, не стонать. Главное не мешать ей отдыхать, она много работает.

- И что, неужели она не против того, что прямо у нее под боком...

- Я же сказал, нет! – терпеливо объяснял я. – И постель сам стираю, и простыни новые покупаю сам, если запоганю, так что ее это совсем не касается.

Только вот завтра у нее выходной. Надеюсь, моя маленькая дрянь умеет себя вести.

- Все, пошли ебаться, я совсем замерз!

xxx

- Мама, доброе утро! – прошел я на кухню, уже умытый, причесанный и почтительный.

- Привет-привет, барагозники! – подмигнула она, отложив журнал. Любит быть в курсе всего, неугомонная.

- Здравствуйте, - за мной робко прошмыгнула Сашка. Вся такая аккуратненькая, уже подкрасилась, воробышек мой. Я представил ее маме, и в глазах моей родной появилось что-то теплое и душевное. Видно, Сашка ей понравилась. Вот и отлично, обычно девиц она встречает подчеркнуто вежливо и сухо, и вообще старается не сталкиваться. А тут почувствовала наши особые с Сашкой отношения – я ведь считаю ее своей подругой, если не девушкой... на какую-то мамину шутку девчонка смешно наморщила нос, и улыбнулась с набитым ртом... совсем ребенок. Я почувствовал себя гораздо старше... а владеет мной.

Она - наивный извращенец, моя мечта во плоти. Как дети выдумывают себе друга, который вылезает ночью из-под кровати, так я выдумал Сашку, там, ночью на кладбище. Детские мечты реальнее любой реальности, и Сашка оказалась живой. Я обнаглел однажды, и позволил себе выяснить в горсети, есть ли такая – Александра К. В. – и она есть! Я записал адрес, выучил наизусть – у меня плохая память, пришлось повозиться, - и в следующий её прилет спокойно, невзначай выведал где она живет. Теряя рассудок, я слышал именно то, что заучил, и боялся смертно – а не есть ли это просто игра воображения, не слышу ли я то, что желаю?? – нет.

Она выебала меня так, что я думать забыл о глюках! Реальнее некуда. Уж точно!

- Я робот, маленький наивный и похотливый робот для секса! – говорила она “железным” голосом. И я проверял – ага, так ли уж ты и робот? Та можешь сделать вот так? Этого ни одна девчонка не выносит, даже извращенки. Она делает спокойно и механически. Она – робот. С ума сойти!

После, лишь когда игра окончена, может закричать и сморщиться, так что я весь леденею, и обругать меня, что так и кости сломать недолго. А на вопрос, почему не прекращает это, не запрещает мне звереть, делает огромные глаза, и говорит - это ведь игра! Нельзя портить игру!

Она не делает грани между жизнью и игрой, она вся в игре, она очень природная и дикая, девочка моя. Не могу поверить, что раньше её не было! Не могу нарадоваться!

- Как оказывается, хорошо, кому-то доверять... никогда этого чувства не знал.

Мы шли по улице под ручку. Она вырядилась как настоящий мальчик-малолетка. И походкой своей распиздяйской топала рядом, малыш мой грязный. А я весь такой аккуратный, в папином бархатном пиджаке. Бабушка привозила ему из Лондона. В нем и хотели похоронить, но не стали, опустили в землю в белой рубашке.

Ну, да не об этом! Идем мы – аристократ и подранок за ручку. Я выгляжу форменным педофилом, подобравшим бомженка с помойки для своих забав. Смешно, блядь. Нет, правда! Представьте себе: она то и дело кривляется, показывает прохожим язык, обезьянка. Люблю ее за это. Отрада похотливой и невоспитанной душе! Вызывающий перформанс ходячий.

- Хватит показывать людям язык, Саша! – строго одергиваю я, вживаясь в роль: - Это неприлично!

- Ха, я бы им хуй показала, если б был! – сказала она, и неожиданно схватила меня за обозначенное, я аж вздрогнул: - Может, ты за меня? – и так мило улыбнулась. Ненавижу, когда они морщат нос – те, кто становится мне чуть ближе, я сразу таю, затронутый в самое сердце.

И вдруг... встретили мою няню. Последнюю мою Мэри Поппинс. До нее было три. Все не выдерживали и сбегали. Очень сложный мальчик, которого надо было водить постоянно в процедурку, где я ревел и неадекватно себя вел – уж очень болезненные были методы лечения. К тому же, меня то и дело выносило от уколов, ломало и рвало – а без этого никак... убирай за мной, бегай за мной, вытирай мне слезы и сопли, отвечай на нереальные вопросы, которых было очень много – и в основном про смерть и боль. То и дело приходилось вытаскивать иголки у меня из-под ногтей на ногах, отбирать истерзанных кукол, прятать книжки – рвал я их жестко. А равно следить, чтоб я не мастурбировал под одеялом во время тихого часа, будить, когда орал во сне и рвался куда-то, к тому же мог ударить по лицу очень сильно... воровал таблетки – у них сладкая оболочка, потом плющился, рыдал когда тянуло все суставы... короче, проще было совсем не родиться. Я – самый настоящий выродок. Природа так жадно меня уничтожала, что воевать с ней за продолжение существования приходилось очень жестоко. Конечно, не каждая нянька вынесет битву. Мама плакала втихую, и меняла нянь. Не понимаю ее – на кой черт было рожать от сумасшедшего? Сама она сидеть со мной не могла – работала дохрена, копила деньги на дорогостоящее лечение и мне и себе, у нее хроническая депрессия. Ужасно это все. Сначала со мной иногда сидела бабушка, а потом и она быстро умерла.

И так тяжело, невыносимо, и мне и ей, а тут еще и няни не задерживались более месяца. Она пыталась сидеть со мной сама, но сразу оставалась без денег. Я требовал каждую минуту внимания, какой уж тут ювелирный труд! Пиздец один. И она снова приступила к поискам. Ирма Леонидовна, немка, рекомендованная маминной клиенткой, оказалась именно тем человеком, которого мы столь долго ждали. Она нашла ко мне подход. При ней я затихал и тихонько вошкался со своими детскими делами, вел себя почти как нормальный. Может, потому что не было в ее глазах растерянного ужаса передо мной, и смотрела она мне в глаза мои мрачные, воспаленные бессонницей, спокойно и ласково, глубиной невыразимой. Я сразу как звереныш потянулся к ней. Она была и тогда уже в возрасте. До двенадцати лет она приходила за мной смотреть, бывало часто и ночевала. Глаз не смыкала при мне ни на минуту – не как другие, которые засыпали безмятежно или измученно, оставляя меня наедине с кошмарами внутреннего ада. При Ирме же я оставлял дверь приоткрытой, и спокойно засыпал, зная, что если случится вдруг приступ лунатизма – который хоть и бывал редко, но очень пугал меня наутро – то она непременно ответит обратно в постель, и никогда мне об этом не скажет, чтобы не ранить. Ее боялись и демоны мои, она была им укротителем. Так, благодаря ей, относительно спокойно я и вырос. В тотальном одиночестве, но под присмотром.

И вот сейчас... встретил ее. Едва узнал – очень постарела. “Уж не из-за меня ли?” - мелькнула тревожная мысль. Кто знает, о чем она думала, и как переживала, когда молча пережидала мои приступы, и пока я спал а она нет.

Что делать, поздоровались, поскольку не свернуть в сторону, ни сделать вид, что не узнал – нельзя. Ирма окинула меня всего подслеповатыми старческими глазами, чуть дольше задержав взгляд на сигарете – я почему-то смутился и отшвырнул ее прочь суежливым движением. Сашка сделала эдакий книксен, скотинка маленькая.

- Это вот... мой друг Саша! – сказал я зачем-то. Ирма Леонидовна покачала головой и кивнула, глядя мне в глаза снизу вверх (в последний раз мы виделись, когда был еще ниже этой маленькой хрупкой женщины), и сразу остро почувствовал, как быстро идет время... Она сказала самым ровным голосом:

- Да, Габри, я знала, тебя занесет однажды!

- Ну... да... - пожал я плечами, чтобы скрыть смущение и непонимание – о чем это она?

- Друг хорошенький! Хм-м, я действительно знала это, - кивнула она удовлетворенно, разглядывая Сашку. Та смотрела прямо и серьезно.

- Чтож, счастья тебе, милый мальчик Гавриил! – огладила мне плечо старая нянька, и степенно пошла прочь, вся нездешняя и европейская. Я смотрел ей вслед, сомневаясь – а сказать ли досвиданья, или все же не надо? Ведь что она имела ввиду... нет, не сказал, лишь вздохнул и пошел дальше, уводя подружку.

- Какая умная тетка, - подала голос Сашка спустя пару минут.

- Почему? – глупо но живо спросил я.

- Потому что подумала, что я пацан а ты гей, со мной! – хмыкнула она.

- Ну так все же подумали, очень ты похожа просто!

- Ну не все же приняли это так спокойно, и не сказали – да, мы всегда знали...

- Что ты имеешь ввиду, что я похож на пидора? – изумился я излишне громко, люди заоглядывались.

- Да нет, но я же не знала тебя в детстве, а эта тетка похоже, знала!

- Да, это моя нянька, - кивнул я, а про себя подумал – а ведь это правда, я всегда был похож на девочку, злую маленькую девочку. Со всех фоток детских смотрит демоненок, глазами ребенка неопределенного пола. Как меня одевали – на того я и был похож. Причеши гладко мои всегда полудлинные волосы – девочка, тока бантик пришпиль! Взъерошь и наряди в рубашку – мальчик. Но все равно девчачьего типа... ресницы эти длинные, пальцы тонкие, коленки точеные. Мама и бабушка постоянно так восхищались моей селекционной красотой, что я привык любоваться собой, что бы там ни было. Мне бы ненавидеть себя, как все девчоночьи мальчики, а я думал о себе с гордой уверенностью, что я-то и есть самый красивый человек на свете. Пусть не мужчина, зато икона! Вот так. Потому я и не возмутился, что няня приняла меня за гея. Ну и что? Во-первых, для себя я твердо знаю, что мальчики меня не интересуют вовсе, лишь как мишень для яда – жалкие и обыкновенные. Я сам поклоняюсь своим худым костям, и сам для себя алтарь и божество – поклоняюсь себе, и все делаю чтоб себя ублажить – таков смысл моего бытия. Во-вторых, значит я отлично сыграл, и роль удалась – хотел показаться геєм, и показался. И Сашка молодец, даже такой человек,

как моя лучшая няня спутал ее с маленьким извращенцем. Мило, очень мило! Заслужили ночь удовольствий...

Мы тихонько проникли в ее комнату. Сегодня Сашка привела меня к себе.

Я сел на кровать, очень боясь столкнуться с ее мамой. Что я скажу тогда?

А Сашка сняла свитер, и неожиданно тихонько выскользнула за дверь. Я вскинулся было, но сел обратно – о, сейчас она вернется, и тогда... снова упадем в постель, она удушит меня, чтобы я не застонал, и я буду терпеть безумное раздражение и бороться с желанием растерзать ее за дерзость...

- О, Саша, ну иди же! – она вернулась, я протянул жадные руки. Девчонка увернулась и приложила пальчик к губам.

- погоди, мать выпивает перед теликом, скоро уснет наглухо, тогда и выебешь меня, ну! – и оторва подмигнула мне, задирая рубашку.

- У меня, конечно, нет сисек, ну да ладно! Я же сегодня пацан!

- Черрт, да-а! – выдохнул я.

- Давай пока приготовься! – и она деловито закружила по комнате, ловко извлекая отовсюду разные предметы: из стола свечи в подсвечнике, из-под шкафа – два пыльных бокала.

- На, протри, чтоль!

- Чем?

- Ну, простыней! А! – подпрыгнула она, и сама себе зажала рот рукой. – Подвинься! – и вытащила из-под подушки белую рубашку.

- Это моего отца, я недавно в шкафу раскопала... ну, я имею в виду, отчима конечно. Он, кста, умер недавно, вот мама и пьет.

Я кивнул. Мне куда как интереснее была рубашка, чем чужое горе.

- Мне одеть?

- А, да, конечно! Ты же у нас лорд... сэр Габриэль! – и она неумело поклонилась.

- Да, мальчик, ты можешь присесть пока... - рассеянно махнул я, и принялся стягивать свитер. Мы уже начали... мальчик неловко присел на пол, глядя на меня со страхом и наглостью.

- Сколько тебе лет?

- 12, сэр, а закурить не дадите?

- Мальчик мой, негоже в столь юном возрасте предаваться пагубным страстям! Хм... 12... это чудесно! Так вот!

- Эх, сэр, да пожили бы вы под мостом! – ухмыльнулся мальчишка и как зачарованный смотрит на меня. – Какая, однако, сэр, у вас красивая кожа! Я в жизни такой не видал!..

- Да? – заинтересованно говорю я, накидывая рубашку, но не застегиваю ее. – А много ли ты видел раздетых мужчин?

- Ну, если вы говорите о благородных господах... так ни одного!

- А из вашей грязной братии?

- Ну... - мальчик смущается. – Случалось, но они мне... несимпатичны. Я только за еду...

- Ах, бедное дитя! – вздыхаю я с показной фальшивостью: - Поверь мне, я не стану использовать твою нежную плоть, я лишь хочу обогреть тебя, ведь у меня есть дом, которого ты лишен!

Мы говорили громким шепотом... щекочет нервы – а что если ее мать... но нет, я лорд, она – бродяжка!

- Мой сэр, а нельзя ли мне хотя бы согреться глотком доброго бренди, что я вижу у вас на каминной полке? – ребенок хитро кивает на бутылку водки, стоящую на письменном столе у кровати.

- Да, разрешаю, грейся... и пожалуй налей и мне, я опрокину горькую чару за твою несчастную судьбу!

Мы дружно выпиваем. Я привлекаю подростка к себе, и говорю:

- Ах,. Расскажи, поведай мне горести твоей ужасной жизни, дитя, возможно я сумею их облегчить!

Обнимаю ее, и радуюсь, что у Сашки реальный ноль на месте груди, иначе они б сейчас уперлись мне в грудь, и испортила восхитительную извращенную игру. Мальчишка лепечет что-то, и его ресницы щекочат мне шею... я ласкаю его волосы, и спинку, а он... запускает пальцы мне под рубашку, я будто бы пугаюсь:

- Что ты делаешь, дитя? – но от себя не отнимаю.

- О, сэр Габриэль, у вас такая чудесная кожа, позвольте, позвольте мне еще разок коснуться вас...

Черт, все идет совсем не так, как желал, и совратители поменялись местами – теперь жертвой порочного бродяжки оказался благородный лорд! Вот дрянь, как же она умеет перевернуть все в свою пользу! Но как сладок элемент неожиданности... и я играю, играю по ее правилам так жадно!

- Сэр, вы прекрасны! Я люблю вас... - лепечет он, и целует меня в губы, в самое сердце...

Она уснула, не смыв грязи подмостового бродяжки, так устала... а я лежу рядом, и справляюсь с новой мукой – десертной ложечкой кромсаю себе язык. И не могу остановиться. Язык хрустит, а ложка заточена как в тюрьме, и я режу на кусочки себе язык, кровь в горло течет и хлюпает во рту. Отвратилость... о, нежный мой, проснись, и отбери у меня ложку!

- Мама ушла, у нас с тобой есть целый день!

Я сидел на диване, и слепо шарился в инете... ни о чем. Сашка лежала рядом, протянув ножки через мои колени. Я рассеянно поглаживал их – стройненькие, не очень длинные, но такие милые, с розовыми стопочками, и нежные тоненькие волоски, моя персиковая Лолита... я с ней рядом будто нежно раненный зверь. Ни разу, после ночи на кладбище не говорил ей, что люблю. Но это так. Боюсь – если скажу, она уйдет. Не приемлет любви... только секс, веселый разный секс.

Я просто ласкал ей ножки... а она так аккуратненько повернулась на бочок, так ловко сползла чуть ближе ко мне, что юбка ее – крохотная джинсовая тряпочка,

приподнялась. Я бросил рассеянный взгляд на нее, и заметил, что она без трусиков, и ножки ее разведены, так чуть-чуть, будто бы случайно. Я забросил комп, запуская пальцы в ее нежное, влажное... она подалась навстречу, но не единого вздоха, лишь личико лукавое и губки покусывает, будто ничего не происходит.

Ах, будь я девушкой – я бы ей и был!

Сука, сладкий сахар тает быстро. Особенно если его бросить в столь горячий чай, как... любовь?..

Все закончилось само-собой. Она ушла. Молча. Банально.

- Я позвоню...

Да хуй там. Ждал.

Зря. Не выдержал.

Привычно порезал вены

- Что, не хочешь терзать меня? Почему? Что я такого тебе сделал?.. Ну так я и сам могу себе это сделать!

Мир снова стал скучен и сер.

Вернее, это я вернулся к миру. А Сашки просто никогда не существовало. Не могло существовать. Ведь я не нашел ни единого ее артефакта!! Специально искал. Ничего. Не единого волоска на подушке. Если она и была – то уж точно дочерью ангела. Люди не могут так уходииниить.... Моментами мне хочется завывать:

- Транквилизаторы, транквилизаторы...

- Они же между прочим недешево стоят! Ты считаешься вылеченным, и у тебя нет инвалидности! Иди-ка работай, если хочешь глотать таблеточки!

Если бы еще не одно но...

- Сашу видела сегодня, передавала тебе привет, спрашивала, как ты, - сказала мама.

- Что? – я выронил ложку, и замер. Нет. Меня затошнило от ужаса. Не может быть. Я опять съезжаю. Руки невыносимо заныли под бинтами. – Где?

- Она с мамой в мастерскую заходили, заказали для Сашы кулон – ангела, говорят, у неё папа умер, в память о нем...

- Да? – я не мог дышать и весь скукожился от ледяного страха.

- Да, такая хорошая девочка, почему ты с ней сейчас не общаешься, я думала, у вас любовь, - начала было мама, но я уже вскочил, и ноги сами понесли меня прочь! Скорее, скорее!!

Я помчался, задыхаясь и умирая по знакомому адресу. Переулок, дорога – стойте же, дайте мне перебежать! Тротуар - обогнул фонарь – подъездная дверь – кодовый замок, сука!! – отойдите, мне срочно! – третий этаж... Саа-а-шаа... больно, ёбт, как больно! – здравствуйте, а Са...

- Нет, уехала с каким-то монголом, я все глаза выплакала, а вы не знаете, что за монгол такой?

- Какой монгол? – сердце прыгает в горло и орет в смертной муке – где она??

- Ну, не знаю я, в Москву её увез, а вдруг в рабство?

- Какое нахуй рабство, она моя!! – ору я, и уже несусь, несусь куда то прочь, окончательно ебанувшись.

Ебал я в рот вас всех!! Тотальное одиночество? Ну а чтож, я разве не знавал его! Мне никто не нужен. Я одиночка по жизни. Но когда со мной поступают так, как Сашка – мне хочется кричать...

- Я – этого хотел? – заорал я как зверь с моста прямо в белую, и она унесла за горизонт мою муку, и разлила её на весь закат. Вот дерьмо... спасает одна лишь боль. Все руки уже неживые. Порвал ножом даже мышцу, и теперь правая рука слабее левой. Я убью её. Я убью их всех.

- Не смейте, не смейте же использовать меня! – закричал я в смертельной злости... и закат отвечал мне кровью.

“За какие-то паршивые две недели я успел так дико... влюбиться... Теперь я знаю, что это так называется. И потерять ее, мою сексуальную мечту! Представь, Жанна!!”

“Отлично представляю... и сочувствую! Но посмотри на это по-другому! Вы оба еще очень молоды. И не были бы счастливы. Она бы сбросила тебя все равно, поверь моей интуиции. Ей нужна куча мужиков и развлечений, и хорошо, что ты не успел совсем уж прикипеть к ней, а то пришлось бы отрывать... с мясом. А так – когда все кончилось внезапно, это как занозу вовремя выдернуть, пока не загнила, теперь только ранку продезинфицируй, веселым развлечением, или хорошей книгой, сейшеном угарным – и все заживет. Возможно, шрам останется... но ничего, сделаешь тату на душе, и этот опыт тебе еще сгодится, как дрова в следующий костер!”

- Где ж ты был-то, придурок ты ненормальный! – ругали меня мои ебанные девки. А я вернулся к ним. Любви не существует. Нет. Никакой. Любви. Есть лишь монгол. Верно одно лишь блядство. И острые предметы, которыми легко... так легко! Поверьте мне. Уж я-то знаю.

Яна Гецеу

Ветер: курс практической психопатии

**роман
часть II**

АРТО

*Если бы всю соль моря
Насыпать во все раны мира,
Столько бы было боли...
СТОЛЬКО бы было боли!
И на мою долю половина
Рома В.П.Р.*

*Их любовь все равно, что проклятье,
Их любовь – все равно что позор.*

...я взял новую сигарету – старая упала куда-то - и принялся разминать пальцами. Не знаю, что сказать... какое-то неуловимое отчуждение успело произрасти между нами, пока я был погружен в безумие.

- Кстати, а где Эрот?
- Уехала она уже, домой!
- Да? – рассеяно удивился я. - А почему не попрощалась?
- Так ведь тебя же нигде не было! - всплеснула руками Жахни.
- Да, точно! – криво усмехнулся я. Вот дерьмо. А впрочем, да и похуй. Влюбился – я?! смешно, блядь!
- А ты что, болел, да? – сочувственно заглянула мне в лицо подружка.
- Да нет... - пожал я плечами цинично. – Просто очень уж хорошо она ебалась!
- Аа, понятно! – рассмеялась девка. И вдруг будто напряжение спало – я вспомнил, а ведь адскую пропасть по имени Сашка назад я особенно дружил вот с этой... толстой дурочкой, всегда.

- Сука ты, Жахни! – сказал я ей беззлобно.

- Как обычно! – улыбнулась она. И мы пошли гулять. На Молодежку. Что нас все время тянуло туда? Знаковое местечко. Вот и в этот раз... но впрочем, обо всем - своим чередом!

На ступенях театра не оказалось никого, кроме одного лишь парня. Он дрожал от холода и хлюпал носом. Мне он сразу не понравился. Тощий неприятный тип, в дебильном цветном шарфе. К тому же, Жахни, тупая шлюха, сразу полезла слишком уж бурно его приветствовать, целовать и садиться на колени. Он не очень активно реагировал, и то хорошо, а то я отчего-то ощутил укол ревности. Ревновать Жах? Вот уж бред! Та ещё блядь, и никогда этого не скрывала, и она вовсе не моя девушка, я с ней просто трахаюсь, как и многие другие, и чего же боле, но... не знаю. Все равно неприятно. Она что, и с таким не погнушается, как этот чувак? Обдолбанный какой-то. Нет, он мне очень неприятен, и я вообще не хочу с ним общаться. А если я не хочу общаться, так почему бы не уйти? Тем более, что моя шлюха увлеклась им, а я тут

третий лишний. И сегодня пусть он её ебет. Она сидела у него на коленках, а он смотрел на меня поверх её головы воспаленными глазами температуращего. Я нахмурился – хули надо? а он улыбнулся. Очень приветливо и как-то... расслабляюще. Я не желал чувствовать расположение к нему, и отвернулся. Все ещё норовлю думать о Сашке. Ну уж нет, больше никому не позволю лазить в моей душе.

- Жяхуня, ты нас не познакомила с молодым человеком! – сказал он.

- Да? – она оглянулась на меня с дурацкой рожей.

- Да, сука ты эдакая! – ответил я. Не хотелось, чтобы этот чел вдруг подумал, что я с этой девкой. Ну, в смысле вместе. Не знаю, зачем, но мне не хотелось в его глазах мараться.

- Это вот Ветер, - дура Жяхни зачем-то хихикнула.

- Не хи-хи а просто Ветер! – холодно сказал я. Пусть видят, что мне похуй и на него и на неё.

- А я Арто! – ответил парень с улыбкой, простужено всхлипнул, полез в карман за платочком, и кивнул Жяхни:

- Слезь, пожалуйста, ладно?

Мне показалось, что он тоже не хочет показаться передо мной дружком этой шлюхи. Хотя странно, какого хуя я должен отчитываться перед кем бы то ни было, а особенно перед незнакомым дебилом, за свои связи? А? Да пошел он на хуй!

- Жяхни, детка, иди ко мне лучше, отстать от дяди! – дурачась сказал я, и привлек сучку к себе. Парень пожал плечами, и высморкался. Да реально, пусть думает что хочет!

- Ой, ребят, а выпить у вас нету? – с надеждой спросил он «заложенным» голосом.

- Человек, ну откуда у нас выпить? – театрально взмахнул рукой я. – Да разве, будь у нас что-то, мы бы здесь ходили?

А Жяхни зачем-то хихикнула. Дура, она меня раздражает. Зачем все время хихикать? Блядь. Я устал...

- Давайте тогда может налабаем? – предложил с надеждой этот Арто, кукожась на ступеньках.

- А как? – иронично покачал я головой. – Не хочу показаться странным, и невтемачным, но гитары-то нет!

- Зато есть вот это! – Арто извлек откуда-то из ниоткуда флейту, улыбнувшись, как черт из табакерки. Сука, оригинально!

- Уау, классно! – зааплодировала, подпрыгивая Жяхни.

- С одной тока флейтой? – покачал я головой. – Вы уверены?

- Да, конечно, ты че, ты же ещё не слышал, как он играет! – снова встряла Жяхни. – Ему всегда круто подают, а тебя на гитаре перемкнуло!

- Не подают, а платят за работу, и за счастье слушать мою игру! – высокомерно ответил пацан, вставая. А мне снова захотелось изгнать вон и эту вечно лезущую во все дуру, и этого всего такого из себя выдающегося флейтиста с насморком. О, небо, забери меня, ибо они заебали! – взмолился я серым облакам. Но остался. Выпить реально хотелось, к тому же я чувствовал, что тоже заболеваю, и вот-вот подыметесь

температура, а домой не хочется. Водка – лучшее лекарство, а дома нет ни её, ни денег. Потерплю, куда ж деваться?

Арто прокашлялся, любовно поднес к губам инструмент, и... я порадовался, что остался. Играл он действительно здоровски, это надо признать, что-то кельтское, переливчатую мелодию, от которой будто аромат цветов и вызревающих лугов разносился легким теплым ветром вокруг... правда, иногда музыкант прерывался, чтобы утереть сопли. Жакни пританцовывала, взмахивая шапкой, которую то и дело подставляла для монет и купюр – она мастерски аскала. Как она умеет, приставала ко всем проходящим мужчинам, кокетничала, о чем-то шепталась с некоторыми, похотливо взирающими на неё, юную, потрепанную, и они записывали её телефон – менеджеры средних лет, приличные лысеющие скоты. Она же совсем маленькая! Она же не для вас, упыри вы поганые! Ну как не стыдно! Девочки семнадцати лет для нас, для парней семнадцати лет, а не для вас, понятно? Да уж, не будь она шлюха, и не хихикай так охотно с ними... но ладно, ей же это нравится, так при чем тут мое мнение. Плевать. Главное, что, дело свое они делали хорошо – Арто играл, Жакни аскала, прохожие мрази подавали, а я смотрел на все это со стороны, тоже кстати, довольно грамотно, хе-хе. То есть не мешая им делать свое дело, не подпевая противным голосом, и не встречая между Жак и подающими. Я слушал, наострив уши, внимая мелодии – никогда такого не слышал вживую, все только в фэнтэзи-кино...

Короче, скоро мы уже бухали в подворотне. И я больше в общем-то не жалел ни о чем, и даже не находил парня настолько уж раздражающим. Он перекидывался пустыми фразами с Жакни, она похабничала и пошла по своему обыкновению, а я тупо и мрачно напивался. Тоже по своему обыкновению. Ловил на себе заинтересованные взгляды Арто, и думал – чувак, ну ты че, понадеялся на нового друга? Да пошел ты. Мне никто не нужен. И лучше тебе не нарываться, водка вскрывает во мне худшие чувства, как гнойные раны. Бойся ран моих, ибо они гадки и болезненны! Он начал расспрашивать меня, кто я да что, да чем живу, я злобно уставился на него, тем самым взглядом, который с пол-оборота затыкает любого, но он будто не понял, а продолжал все так же радушно и открыто улыбаться. Я немного успокоился – ну проявляет человек досужий интерес, так и что же? Ничего такого в этом нет. И тем не менее, водка допит, и мне пора. Я больше совсем не хочу и не могу здесь оставаться. Только я открыл рот попрощаться, как у Арто зазвенел телефон. Неприлично и глупо уходить молча, и я решил подождать пока он поговорит. Воспитание, мать его!

- Да, дорогой! – сказал он трубке таким тоном, каким говорят с подопечными продюсеры (я так думаю). То есть требовательным и поддельно-радушным, но вроде как «давай по-быстрому, у меня ещё сотня дел».

- Жак, короче, я щас пойду, ты если че оставайся! – тихо сказал я, вставая и наклоняясь к девке.

- Нет-нет, ты че, охуел, погоди! – горячо замахала она руками. - Это же знаешь кто звонит, это же Марк, щас гашиш будет!

- Чего? – не понял я. – Реально?! Прямо сейчас?

- Да стопудово! – она сделала огромные глаза. – Я же знаю, сколько с ними тусуюсь!

- Да? – подозрительно присел я обратно. – А какого хрена тогда ты раньше молчала про таких людей, что у тебя знакомые есть?

- Ну так... - лукаво пожала она плечиками.

- Хмм, уже интересно! – пробормотал я, мгновенно решив остаться. А что, если не врет?

- Ребята! – радостно провозгласил Арто: - Ждем полчаса, и идем курить гашиш!

- Ааа! – тихо запищала Жахни, а я одобрительно кивнул. Я конечно, был ужасно рад, хоть не слишком поверил, и потому не шибко выражал эмоции – мало ли? Вот когда будет, тогда и посмотрим.

- Слуш, Арто, а ты реально можешь вот так всегда в любой момент взять да и достать гашиша?

- Ну, да, так-то, – пожал он плечами, - да и не только гаш.

- А че ещё? Грибов можешь? – мне все больше нравится этот чел!

- И грибов могу, - кивнул он. – Только про грибы надо сильно заранее договариваться, дня за три например.

- Ну, это нормально! – кивнул я. Водка только сейчас дала мне в голову окончательно, я не мог стоять и сидеть рядом с ним. Не знаю, сколько мы так болтали, я потерялся в алкоголе, но когда снова мог что-то соображать, мы уже вовсю обнимались с Арто, я называл его «братан» и «чувак», а Жахни стояла перед нами, шатаясь, хохотала и пила водку из горла... Водку? Откуда снова водка? Руки мои сами уже тянутся к бутылке, не спрашивая дремлющего сознания, и я вещаю, размахивая баттлом:

- Сон разума рождает чудовищ, дорогие мои!

Я на редкость весел и непринужден. И мне почему-то очень хочется быть милым и светским, интересным и обаятельным перед этим челом, Арто.

- Артурик, зайка, так гашиш-то где? – кривляется змея-Жахни.

- Да, точно, где гашиш-то? – поворачиваюсь я к парню. – Будет сегодня он вообще, блядь? – ору я уже, хотя совсем не злюсь. Просто рисуюсь...

- Ребят, ну не знаю я, обещал стопудово через полчаса, а уже час прошел, на звонки не отвечает, - извиняясь разводит руками чувак.

- Так сука-блядь чтоль? – спрашиваю я его, обнимая свободной рукой (в другой у меня водка). Он смеется и кивает.

- Ну тогда хоть водку мне отдайте! – проныла Жахни.

- Хуй тебе! – заорал я, вроде как в шутку.

- Сам ты гандон! – скривилась она. – Артур, скажи ему!

- Так тебя Артур чтоль зовут? – спрашиваю я, и опять ничего не помню...

...Сашка! Никогда больше о ней думать не буду! В этом я уверен.

Музыка... блядь, даже пьяный в хлам, качаясь и кашляя, он хорошо играет! Как черт, как дьявол, охуенно хорошо!..

xxx

- А гашиша так и не было? – расспрашиваю я Жахни на утро. Она валяется одетая и размазанная рядом со мной на моей кровати.
 - Неа, так и не приперся тот чувак, сука! – хрипло говорит она. И перегнувшись через меня шарится по столу.
 - Хули ты делаешь? – сдавленно шепчу я, пытаюсь спихнуть её тушу со своего прижатого живота.
 - Сигареты ищу, - злобно говорит она, и переваливается обратно. Закуривает, и я ору на неё:
 - Эй, родная, в постели-то не курила бы!
 - А, щас! – цедит сквозь зубы она, и прикуривает. – Самому можно дык.
 - А я у себя дома вообще-то! – зло отвечаю я, и отбираю у неё сигарету. – Тока мне и можно!
- Курю экспропрированную сигу сам, она молчит и сопит.
- Ну и пошел на хуй! – зло отворачивается от меня.
 - А че было-то вообще?
 - Ниче, - раздраженно бросает она не поворачиваясь.
 - Ну, на-на, покури! – милостиво сую ей сигу через плечо.
- Она берет молча, и курит какое-то время.
- Ну и ниче, пидорасничали вы с ним! – обычным тоном говорит она равнодушно.
 - Че-го?? – ору я, приподнимаясь на локте.
 - Я же сказала, ничего! – пожимает она плечами. Отдает мне окурок: - На затуши!
 - Не, ты че серьезно? – ору я, машинально сминая тлеющий фильтр.
 - Вполне, - кивает она, и шарится за кроватью.
 - Че ты там лазишь, э? – спрашиваю я, пытаюсь скрыть смущение. Чего я опять натворил спяну?.. ой, мама, боюсь! Жахни молча берет ещё один «Честер», извлекает на свет баттл пива, я офигев моргаю.
 - Это откуда?
 - А ты и этого не помнишь? – хихикает Жахни, отвинчивая крышку.
 - Неа, - потерянно киваю я.
 - Ну так вот! – смачно отпив, начинает она.
 - Жахни, ты только серьезно, не выдумывай лишнего, знаю я тебя!
 - А я ещё ниче не сказала, - с видом хозяйки ситуации заявляет она, и отдает мне баллон. Я пью и слушаю.
 - Короче, чел с гашишем так и не пришел, и вы с Арто сгоняли за водкой!
 - Мы? – таращусь я. – А на чьи деньги?
 - Угадай с трех раз, - сузив глаза, говорит Жахни.
 - Аа, – киваю я, будто понимаю.

- Ага, - обиженно моргает Жах. – Сам орал – я тебе отдам завтра! Ну и где?
- Ой, Жах, ты поверила что ль? – обнимаю я её, подлизываясь.
- Да ладно, щас, поверишь тебе, поплачешь потом! – беззлобно отвечает она. – Ты слушай, а потом-то вы нажрались...
- Кто вы? – обижаюсь я. – А ты будто сама ничего не получила с этого?
- Ну ладно, мы нажрались! – говорит она. – Но не это важно, а то как вы с ним валялись по траве и целовались!
- Не пизди! – я зло замахнулся ударить её, но в последний момент рука сама остановилась. – Ты че, совсем уже охренела?
- Ага, я же ещё и охренела! – злобно шипит она, взмахивая сигаретой.
- Как хочешь, а в эту хуету я не поверю никогда! – заявил я, заливая в себя сразу полбаттла пива. Оно еле лезет в горло, я не хочу его, и вообще не люблю пиво, но надо что-то делать, ведь я начинаю вспоминать... *да, мы реально с этим чуваком в шутку дрались, как молодые коты, развлекаясь – не помню только чья была идея, но я радостно орал, размахивая водкой – о, круто! Мне же не с кем просто так, для разминки подраться! По дружески! И мы с ним сцепились, и катались по траве, подминая один другого попеременно. А потом... в некоем порыве, когда он оказался снизу, я сел на него верхом и быстро – очень быстро! Поцеловал. В губы. Черт. Зачем? А он улыбнулся, и скинул меня с себя, но! – после значительной паузы, в которой мы боролись лишь для вида. А на самом деле... о нет, только не это! Я совсем уж ебанулся, повредился разумом.*
- Да ты не думай, это же реально красиво было! – подначила Жах. – Знаешь, как два зверя молодых резвятся, а потом ещё поцелуй этот!
- Да там того поцелуя-то три секунды, как ты вообще заметила? – проворчал я. Мне было стыдно.
- Ну так, я пристально смотрела... - примирительно сказала она. – Давай может ещё на пиво сообразим!
- Не хочу я больше пива, нах! – отвернулся я. – Лучше бы ты домой шла!
- Ну неееет, - ноет она, а я это ненавижу, когда бабы ноют. Убить охота!
- Нет пойдешь – и грубо выпихиваю её из моей постели. – Вали, и знай, я не пидор!
- Да я не думала, – растерянно моргает она, прикрывая грудь руками зачем-то.
- Да ради бога, тока скройся! – ору я. Она злобно ворчит, одеваясь. Я молча наблюдаю за ней. Уже совсем одевшись, она жалобно смотрит на меня, желая остаться, но я показываю ей на дверь.
- Ну как знаешь, - шипит она, и уже дверях поворачивается: - Сука!
- Пошла ты... - равнодушно пожимаю я плечами. Я не клялся ей в любви. Она исчезает. Я тупо пялюсь в потолок. Охота жрать до невыносимого, как всегда с похмелья. Пиво немного накрывает, но хочется блевать. Надо бы пойти пожрать, думаю я, и поднимаю трубку – звонок:
- Ребята, вы ещё там? – орет радостный голос.
- Какие нах ребята, - зло отвечаю я. – Это кто ваще?
- Эт Арто, я вам гашиша достал!

- Ой, блядь, - тихо ругаюсь я от стыда. Не прошло полгода...
- А нах он нам щас? – я говорю «нам», потому что боюсь, что он меня это... ну, черт, клеить будет после вчерашнего. Хрен знает, вроде и не было ничего, но мне так стремно... пусть думает, что я с девкой!
- Ну как, ребята! – радостно вопит трубка, – гашиш же никогда не лишний, он же всегда в тему, а?
- Ага, - тупо отвечаю я, и понимаю, что гашиша я бы покурил с удовольствием даже сейчас. А может, и *особенно* сейчас. Но вот с ним?..
- Давайте приезжайте, покурим!
- Прямо сейчас? – тупо втыкаю я. Не знаю, что сказать.
- Ну да! – орет он. – А чего?
- Да так, я вообще-то занят!
- Ууу, жаль!
- А тебе что, не с кем?
- А Жяхни? – он игнорирует мой вопрос.
- А она... ну, тоже не может. Хотя, вот ей и звони!
- Так она не с тобой? – тупо не втыкает трубка.
- Нет.
- Ууу, жалко!
- Ага...

Тупейший диалог. Ну и пох. Все, отшиваю его! И плетусь героически на кухню, жру чего-то, запивая холодным чаем. Невольно мелькает перед внутренним взглядом его дудка, обрывки дивных мелодий летают вокруг... я отчего-то волнуюсь вдруг, но усилием воли заставляю сердце замолчать. Я не люблю такую музыку. Это же не панк...ч

По дороге обратно в постель выдергиваю штекер телефона, и проваливаюсь в тревожный похмельный сон. Пару раз просыпаюсь нервно-холодный. Засыпаю вновь, мне снится, что я сижу у маминого бара, и лакаю её марочный коньяк – презент дорогих клиентов, за авторское кольцо. Очнулся, вдохновленный, и иду воплощать увиденное, на автопилоте фиксируя, что ещё от силы полчаса – и вернется мама. А я тут пьяный... но – поздно каяться. Я уже сделал то, что сделал. Выжрал полбаттла, и бежать некуда. Разве лишь тока на улицу, к Жяхни. Отоспавшись и хлебнув, я значительно подобрел к подружке, боюсь теперь лишь только допроса мамы, как да почему я позволил себе такую мерзость – стырить её личную вещь, и положить обратно наполовину поюзанной. Я сам это ненавижу, невозможно бесит и выводит из себя, когда мама нечаянно берет что-то мое, и я это замечаю. И вот делаю такую пакость сам... Это же ужасно! О, не хочу, не хочу – а хочу повеселиться!

Иду как хорошая ищейка по следам Жяхни, чуя её запах шлюхи, и нахожу в обществе вчерашнего Арто.

- Опс, приплыли! – ору я, радостно здороваясь. Они сидят там втроем, с ними ещё какая-то герла, с которой Жяхни целуется, они курят гашиш, прямо на улице. Я ловлю себя на том, что невольно окидываю парня взглядом, тайно выискивая флейту...

- А мы тебе звонили-звонили, - доверительно сообщает мне Арто, передавая дымящийся раем дырявый баттл. Я затягиваюсь по-первой, и гадкий привкус оплавленного пластика несет тошноту. Но я её умяляю водкой – уж точно Жяхни притащила, она без водки прям никуда!
 - А я че? – спрашиваю я у чувака.
 - А ты не отвечаешь! – разводит он руками блаженно улыбаясь.
 - Так я это, - говорю я через жирную паузу затяжки: - Спал я... вот.
 - Ааа, ясно, - сладко и расслабленно улыбаясь отвечает мне он.
 - Ты на гитаре не играешь? – ни с того ни с сего спрашивает он.
 - Неа, а че? – пожимаю я плечами.
 - Ууу, жаль! – выдыхает он, и хлопает по жопе Жяхни. – А ты говорила, играет!
 - Никогда я не играл! – равнодушно отвечаю я. – Эта герла просто тупая сука!
 - Сам ты тупая сука! – орет Жяхни и ударяет меня в плечо. Я смеюсь. Ну смешно же, ей богу!
 - А тебе зачем, брателло? – говорю я ему. Так я называл его в тот раз, когда мы поцеловались, и меня начинает ужасно забавлять это, я хочу подначить его.
 - Да мы тут вот думаем группу намутить!
 - Да ну? – я поворачиваюсь к Жяхни. – С ней чтоль?
 - А че бы и нет? – злится она, я радостно ржу, от всей души – гашиш хорош!
 - Но это же банально! – ору я, смеясь. – Люди, да вы что?
 - А что? – все так же сладко улыбаясь спрашивает Арто. Они все сидят передо мной на корточках, а я возвышаюсь над ним, и наверное именно поэтому понимаю отлично, какую муть они тут несут!
 - Так вы все тупые сучки чтоль, не понимаете? – радостно спрашиваю я.
 - Ага, - блаженно кивает Арто. – А ты как догадался? Сильно видно?
 - Ужасно сильно! – наклоняюсь я к нему, - просто невьебенно! Понимаешь?
- Он кивает, Жяхни уходит в приват к девице, они целуются, им все пох.
- Знаешь, - я сажусь рядом с чуваком. – Чувак, понимаешь, я потому и не стал вообще учиться играть на чем бы то ни было, а особенно на гитаре, потому что все играют!
 - Не все... – качает он головой, и передает мне гашиш.
 - Ну хуй с ним, не все, но дело в том... - я глубоко затягиваюсь, и стараюсь удержать дым подольше, но боюсь утратить очень важную мысль – я вдруг сам понял, почему не играю. – В том дело, чувак, что тогда все начнут лезть – а давай группу намутим! И все возомнят себя ТорКами и Жаннами Моуле! – я передал ему дым, Жяхни из-за плеча заорала протест, что мы между собой курим, им не даем, я отмахнулся – мол, трахайтесь там, не мешайте серьезным парням разговаривать.
 - Ну да, ну да, – бормочет Арто, затягиваясь, Жяхни свирепо лезет отбирать у него наркотик.
 - Да ты хоть знаешь Жанну Моуле? – начинаю злиться я. Меня бесит все, весь мир! И если он вякнет что-нибудь не то, этот козел, я нах...
 - О, да! - сладко выдыхает он. – Певица, писатель, русская Милен Фармер и вторая Медведева!

- Да ты охуел! – ору я, - какая нах Медведева? Они же разные, Жанна мой бог, не надо ни с кем сравнивать!
- Да-да, я согласен! – говорит он так горячо, что я сразу теплею.
- Ты правда её любишь?
- Очень, - кивает он. – Она милашка!
- Угу, - киваю я, довольный что все нормально, мою Жанну никто и не думал обижать. Попробовали бы только!
- Ну, милашка – это слишком упрощенно для неё, понимаешь? – размахивая руками говорю я, горячка её имени овладевает мной. Не могу быть спокоен, упоминая о ней. Я хотел говорить и говорить о богине, меня аж трясло, но в то же время тянуло в обратную сторону раздражение – да не надо это никому, и вообще не хочу делиться с ними ей! Это такой глубокий приват для меня, такой интим, что говорить о Жанне с кем-то – будто сексом заниматься! А я их не хочу. Ч-черт, но как же разрывает! Невозможность и желание говорить, и нежелание в тот же самый момент! У меня аж голова разболелась, сердце колотилось как бешенное. И я знаю – это не гашиш, это моя потайная любовь к Жанне рвется проявиться, и протестует против выставления на всеобщее обозрение. Она хочет быть, но быть интимно... ох, не знаю, не знаю, как быть. Могу лишь только молча курить, вполуха едва улавливая *извне*, как смеются Арто, Жахни и её девка. Я устал, я так устал от них, но они нужны мне! Я хочу гашиша, а он есть только здесь. И я не хочу домой – мамы нет ещё, страшно быть одному. Всегда этого боялся. Редко удается сохранять равновесие в одиночестве. И потому надо успокоиться, покурить, может быть отобрать у девок водки, как-то вклиниться в разговор, поржать с ними. Ох, нехорошо мне! Не надо было вообще про Жанну с ними говорить. Как же она, моя девочка, мой алый сумрак, помогала мне остывать, когда Сашка бросила...
- Ребят, водки дайте мне! – вытягиваю руку, и поражаюсь, до чего же она вдруг слаба! Что это со мной? Перекурил? Да вроде нет!
- Эй, ку-ку, проснулся, бя! – ржет кобыла Жахни, мне дико поджимает её уебать.
- Сука ты блядь, чего ржешь? – вскакиваю я, но слабость, слабость косит, и я вынужденно сажусь обратно. – Нормально сказать никак?
- Ветер, че ты, ладно, она же девушка, - влазит Арто, мудак чертов.
- И хули? – зло ору я. Мне все хуже и хуже.
- Ну, ты же знаешь этих баб! – лукаво подмигивает он мне, отвернувшись от девок. – Просто несовершенные животные для секса! – и улыбается так мило, что я не могу удержаться, мгновенно оттаиваю, и хохочу во все горло.
- Ой, чувак, ну ты тотально прав!
- Че бя опять? – орет Жахни, но она уже не имеет над моим психозом никакой власти, я хохочу и хохочу – кажется, гашиш вставил, и не без помощи Арто.
- Ну ты друг, ваще, - заливаюсь я, хлопая по плечу Арто, он доволен. – Отбери водку у этих животных!
- Че? – зверски вскакивает девица-с-Жахни, она в бешенстве: - Ты нас животными назвал?

- Ага, - продолжаю рыдать от смеха я. – А кого тут ещё можно так назвать?
 - Сука, ебанный шовинист! – орет девица, и лезет расцарапать мне лицо. Ведьма Жяхни заодно с этой бешеной сучкой, они обе, пытаются меня избить, но я хохочу, закрываясь руками, пьяный я нечувствителен к боли. Видя, что бить меня бесполезно, они злобно шипят, как разъяренные кошки, срочно хватают свои шмотки, срываются куда-то. Я постепенно прекращаю ржать, и провожаю глазами Жяхни, которая неуверенно оглядывается. Вижу, ей не хочется уходить, но подруженьку бросать не хочет тоже, и выбирает её. Наверняка, надеется уговорить дуру за углом, вернуться к нам. Ну уж хуй, я ни за что ждать её здесь не буду. Завтра разорется – куда мы исчезли, она нас искала. Знаю эту историю наизусть.
 - Артишка, дай плиз водки-то! – говорю я, а он разводит руками.
 - Нету! Девицы все дожрали!
 - Вот поганые суки! – качаю я головой, и он кивает в ответ.
 - Согласен! А ты сильно водки хочешь?
 - Да, очень даже не отказался бы! – вздохнул я разочарованно, улавливая, однако в его голосе нечто... мне очень хочется спросить его, а где флейта, почему не взял сегодня, но... стесняюсь.
 - Так пошли, затаримся, побухаем вдвоем, а эти сучки пусть валят в пизду! – со злым удовлетворением сказал он, вставая, и я вскочил за ним. Хотел заорать, что он мне друг и все такое, но все помутилось в глазах, и я ухватился за него, чтобы не рухнуть об асфальт.
 - Ты чего? – испуганно заглянул он мне в лицо, я низко опустил голову, невозможно тяжелую и мутную. Из открытого рта текла вязкая слюна, но не было сил даже сглотнуть её. Я тупо ждал около минуты прояснения. Арто молча держал меня, видимо все понимая.
 - Накрыло, - прохрипел я, когда смог наконец нормально вдохнуть. Арто лишь кивнул, и не стал больше ничего спрашивать, бросил короткое:
 - Бывает! – и мы двинулись в сторону магазина. В сторону приключений! И гори оно огнем! Гори в огненной воде.
 - А вермут лучше водки, как думаешь? – спрашивает меня новый друг в магазине, я шурюсь на несносный свет витрины, не в силах сконцентрироваться.
 - Думаешь?
 - Нет, это ты думаешь! – хохочет Арто и толкает меня в бок. Я обнимаю его за плечи, как брата.
 - Да как хочешь, я уж точно не против!
- Горячие вспышки внутри Вселенной, мы валялись с Арто под небом, и размахивая баттлами вермута, орали:
- И вы на других планетах, тоже идите на хуй!

Чертовски весело нам было...

А на рассвете мы поцеловались. По-настоящему, как с девчонкой. Я не пожелал себе в этом отказывать. Я никому ничего не должен, особенно женщинам – несовершеннолетним животным.

И потому сейчас, замотавшись по уши в одеяло, сидя на постели в темноте зашторенных окон, дрожа с раннего похмелья, я вынужден признать, что между нами возникло любовное притяжение – сладкое, теплое и липкое, как горячий мёд...

То самое... что я искал. Отрицая... И уже все равно, что не это не девушка. Жанна меня поймет.

Он не звонил, я не выходил, Жахни пропала, уж точно дожидаясь моего звонка – я теперь должен по идиотским правилам людей извиняться за... да хрен знает за что вообще! Не суть важно, а важно, что узел завязан – и я жду, что будет дальше, и не могу узнать ничего, потому что не общаюсь с ним, и думаю, что сам все выдумал – и нет никакого притяжения... да и с чего бы вдруг, я никогда не интересовался парнями ни в малейшей степени не находя их хоть сколько-нибудь сексуальными, но Арто, он вдруг, так сразу, так странно... Бля, да мне стыдно думать об этом, и в то же время так свободно, как никогда, хоть я не то, чтобы влюблен, нет, не думаю, но все же, все же... Поймал он меня, как крысолов, на дудочку свою, на дивную музыку флейты, за которой я увидел свет райских садов... ч-черт, спасите меня, я влюбился... сил нет, я дрожу – я влюблен!

Жахни, позвони мне ты, и передай привет, и скажи хоть что-нибудь – что я свободен, например, и почему бы нам не потрахаться, как бывало! О, это пиздец, пиздец однозначно!

xxx

Мы вошли в его комнатку, маленькую и тесную, только кровать у стены и стол под компом. Я уже плохо соображал от выпитого, но не настолько, чтобы не понимать, зачем я здесь... мне не было страшно, мне скорее просто похуй. Нет, не на него, а на то, что так нельзя и прочее. Я должен уже наконец признать – я хочу его. Он соблазнял меня намеренно, и у него получилось-таки. Чтож, я во всем иду до конца. И если я здесь... если бы я не хотел, я бы не пришел. А раз пришел... он прервал дурацкую цепочку размышлений – не место и не время для них – повернувшись ко мне, положил одну лапку мне на плечо, а другую на поясницу, приблизился и поцеловал. Блядь, да разве думал я, что влюблюсь в парня? Да парень ли он... да разве я.... Что еще? Теряюсь в его объятьях, не в силах не отвечать на его нежный и настойчивый поцелуй... о, боже, чтож я делаю? я голубой? Разве... он меня раздевает... я слетаю со всех мыслимых кругов, я распадаюсь... я так хочу его, и мне уютно с ним здесь, или где-то еще. Идиотская мысль – а кто кого будет трахать? Я его, или... о нет, он меня? Как бы не потерять остатки разума, я ведь так этого хотел! Больно, наверное. Но надо идти до конца... до конца... а я достаточно чист? Ужас, я боюсь, а он уже спускается к моим ногам, он целует мой голый живот, он шепчет – иди ко мне - какой ты теплый - я люблю тебя, Ветер...

- И я тебя люблю, Арто... - отвечаю я шепотом, боясь того, что сейчас будет, и желая этого до смерти. О, если бы мне предложили сейчас сохранить честь мужика, или позволить ему войти в меня – я бы закричал, как в агонии – нет, не надо мне никакой чести, пусть он сделает это!!!! Лучшее сдохнуть, чем остановиться! Задирая футболку до ушей, подставляя ему свое незащищенное, худое тело, я чувствую себя ничтожеством и великолепием, пока вся жизнь и Вселенная стекаются проворно в одну точку – ниже живота... он берет в рот, господи боже, он **его** берет в рот, и это делает не *она*, а *он*... а-а-а, боже, не дай свихнуться, какой он проворный!!!! Облизывает, сосет, заглатывает так глубоко, я умираю почти... кажется, вот-вот кончу, но нет, он приостанавливается, и дает мне возможность вздохнуть, чтобы оставаться в живых, и пока еще дышать. Слегка пробегает язычком по головке, не давая мне придти в себя как следует. Я дышу через раз, потом через два... опустив глаза, сталкиваюсь с его лукаво-жадным взглядом, и меня передергивает сладчайшая, болезненная дрожь. А зрелище неопишимо, как он широко открывает ротик, обхватывает своими пухлыми губами мой изнемогающий член, и сосет, сосет, увлекаясь, и самозабвенно, стараясь дать мне как можно больше. Господь и святые ангелы, отвернитесь, я кончаю, и он пьет душу мою, она вся спермой изливается, и я по-ды-ха-ю... кажется, мне не удалось сдержаться, и я стонал, кусая губы.

А дальше... я не мог больше стоять, колени подгибались, и я сел на край кровати. Но он тоже хотел своей доли. Тихо и аккуратно, но настойчиво сел рядом, принялся облизывать мне уши. Приятно, и сладко, и я понимал, к чему он клонит, но сил пока не было.

- Арто, прости, дай мне чуток отдышаться... - прошептал я просительно, отдаваясь в его власть окончательно. Я чувствовал себя беспомощным и заранее предопределенной жертвой, но так сладко и страшно было мне осознавать что все, обратной дороги нет! Еще немного, вот только приду в себя чуть-чуть, так, чтобы выдержать то, что предстоит...

- Но малыш, это же не значит, что ты откажешься в последний миг? – он наморщил нос, так трогательно! Я не удержался и поцеловал его – прощай, Ветер, ты законченный педик! Тебе не оправдаться ничем более. И я встал на колени, стянув остатки одежды. Он вздохнул так сладко, а я... я послушно согнулся под тяжестью его ладони, мягко надавившей мне на лопатки. Уперевшись локтями о край кровати, стараясь устроиться поудобней, и в то же время не делать лишних движений, стыдясь все же того, что вот-вот произойдет, но сгорая от нетерпения – скорее!

...я кричал, от боли и отвратительного унижения. Я бы мог, конечно, уйти прочь, убить это мерзкое животное нахуй, но я позволил уже, и мне так больно – никогда бы не подумал, насколько! Искусал все пальцы... мелькнула мысль – завтра будут следы зубов...

сознание мутилось, молниями дергались в нем вспышки боли и... наслаждения. Не знаю, когда, но вдруг острое наслаждение разорвало нутро...

Я позвал Жах выпить со мной. Я был разорен, как покинутый замок, выстужен через распахнутые двери души, и мне срочно требовалось согреться, чтоб не замерзнуть окончательно. Как жить дальше я не знал. А Жахни мой единственный друг, пусть бы и подобие друга, но все же, приятельница. Купил на все свои жалкие сбережения два баттла мадеры, один джин и вермут – водка казалась излишней, я боялся проболтаться.

Жахни смотрела на меня искоса, попивая временами из своего личного баттла. Я молчал, стараясь не сталкиваться с ней взглядом, и пил, пил пока не затошнило. Горло уже сводило от гадких глотков без закуски, но хмель не шел.

- Что-то с тобой не так! – утвердительно сказала наконец Жахни.
- Да? – спросил глупо я.
- Да, это уж точно! – кивнула она, и указала мне баттлом на грудь. – Там у тебя что-то поселилось, ясно как водка!
- Почему? – округлил я глаза, и задрав свитер посмотрел себе на голую грудь. Вид бледной кожи напомнил мне Арто, и его... блядь, блядь, ну как я мог?? Захотелось плакать, и убить кого-нибудь... хотя, этим ничего не исправишь, поздно.
- Что ты имеешь в виду? – спросил я, уже вполне серьезно. Что, это *видно*?
- Ну... ты или влюбился, или...
- Или? – вздернулся я.
- Или, ну может, э... не знаю даже, больше всего похоже на любовь.

Я пожал плечами и отхлебнул большой кусок мадеры, злой, как бешеная собака.

- Не влюбился, а всего лишь ебался с Арто, - сказал я вдруг, не успев зажать рот. Странно, но чувство такое, что ничего сверх я не сказал, и уж тем более не сделал. Как обычно, мир перевернулся в один крохотный миг, утратив все что было страшно и важно разом.
- Да? – Жахни посмотрела на меня недоверчиво.
- Да, - кивнул я, глядя ей прямо в глаза. Чудный эпатаж, однако – Ветер, совратитель стольких юных дев, и вдруг – ого-го, он ебался с парнем, смотрите, смотрите на него, каков мерзавец! Он может все, и даже не скрывает этого!
- И как это? – полушепотом спросила она, делая подведенные глаза огромными.
- Больно, - пожал я плечами равнодушно.
- Да? – удивилась она.
- А вот ты будто не знаешь! – разозлился я. Какая сука!
- Ну да, да, - примирительно кивнула она. – Первый раз хреновато...
- Слушай, это вообще-то не твое дело, не находишь? – нервно вскинулся я.

Хороша тема!

- А почему ты вообще это сделал? – не унималась она.
- Да ничего я не делал, отъебись же от меня уже!
- Но Ветер, ведь это же просто пиздец, у меня ещё не было друзей, а тем более любовников-геев! – восторженно всплеснула она руками.
- Я не гей, блядь ты такая, оставь меня в покое, зря я тебе рассказал! – я сцепил пальцы на бутылке изо всех сил, чтобы не ударить её. Ведь если я сделаю это один раз, мне трудно будет остановиться.

- Ну прости, прости, я ведь так... - тронула Жахни меня за плечо. Я дернулся, резко сбрасывая её руку.
 - Если ещё что-нибудь, хоть слово скажешь, я тебя убью, тварь убогая, обещаю! – угрожающе прошипел я. Она серьезно кивнула, но тут же открыла рот:
 - А если...
 - Я просил тебя помолчать, ты меня бесишь, бесишь! – вскочил я, не в силах выносить её голоса. И какого хрена я проболтался?? Теперь её унять труднее, чем зубную боль!
- Помолчали. Я ходил туда-сюда, медленно и глубоко дышал, приходя в себя. От злости у меня разболелась голова. Пришлось даже принять колесико. Как только оно провалилось в горло, мне пришла забавная мысль:
- А почему ты говоришь, что у тебя не было любовников-геев? – весело спросил я, садясь рядом с притихшей Жахни: - Разве Арто не трахал тебя?
 - Да, точно, трахал ведь! – подняла она голову. Я нежно улыбался ей, и она рассмеялась. – Так что ты не первый... Хотя нет, ты ведь после этого со мной ещё не... ой, а ты-то его успел выебать?
 - Вы-е-бать? – по слогам произнес я, и вдруг ощутил от этого слова возбуждение. – Да, я ебал его тоже! В рот...
 - О, как круто! – проскулела Жахни, - расскажи!
 - Ах ты, грязная любительница зверской порнографии! – я потянулся и начал расстегивать ей кофту: - Рот у него мягкий и нежный, как у самой маленькой шлюшки...
 - Да, а язык длинный и горячий, - прошептала Жахни, заводя руки себе за спину и расстегивая лифчик.
 - О, он лизал тебя? – спрашиваю я, высвобождая её сиськи, и беря их в ладони.
 - Да, он мастер на такие дела, почти как ты!
 - Почти? – уточняю я, сжимая её соски, отчего она вскрикивает.
 - О, да, ты круче всех, кто меня лизал!
 - А он, как он делает это, что он, кусает, или целует, или засовывает в тебя язык? – возбуждаясь все сильнее требую я.
 - Он лижет мне бедра изнутри, я с ума от этого схожу, и пытаюсь сжать ноги, но он такой сильный, не дает мне этого сделать! – говорит она приглушенно и хрипло, и тянет ремень моих джинсов.
 - А ты? – я помогаю ей стащить с меня штаны – давно пора, мне уже больно! И меня так сильно возбуждают картины, в ритме воспаленного пульса сменяющиеся в мозгу – как Арто лижет Жахни, как он грязно ебет её, с таким звериным выражением очаровательного лица, что с ума сойти можно, и я сгребая волосы сучки Жахни, и делаю ей больно – она любит это, не меньше чем я!
 - Так а что же ты, говори, говори же!
 - Я пишу, и прошу таким голосом, как школьница – Арто, не надо, ну пожалуйста, и закрываю лицо руками, - прерывисто бормочет Жах голосом низким и хриплым, и жадно ласкает мой набухший член, - но он жестокий, он похотливый мерзавец, и вместо того чтобы отпустить меня, кусает за клитор, а когда я...

- О! – вздыхаю я, и впиваюсь ей в рот поцелуем, я должен что-то делать, чтобы не сойти с ума – я не хочу кончить, не дослушав!
- И он ебал тебя в задницу тоже? – спрашиваю я, отпуская её, она кивает сладострастно, одной рукой лаская меня, а другой ухитряясь стягивать с себя джинсы, для чего ей приходится причудливо извиваться толстыми бедрами... я смотрю в её заволоченные похотью глаза, я слышу её голос:
- Да, а хуй у него длинный, и тонкий, и достает черт знает до куда, просто до сердца, я так ору, когда он держит меня своими лапами и дергается, дергается, ебет как зверь, да ведь, Ветер? - она сильно сжимает мой член, и я всхлипнув, хватаю её за руку:
- Да, это точно!
Я ревную, как это странно, ревную его, а он не мой, но как же круто ощущать это – он ебал меня, и её ебал, и сейчас я выебу её тоже, после него, о, черт, как же его здесь не хватает!
- О, малыш, давай трахни меня! – шепчет она, раздвигая ноги, садясь верхом мне на колени, и слюнявит пальцы, смочить мой член... О, малыш – как это похоже на Арто! Я не выдерживаю напряжения, и кончаю...
Но я не хочу так сразу, и она конечно тоже, мы оба жаждем делить проклятого Арто – нашего, на двоих, но все же теперь больше моего! – и я заваливаю её на спину, и запускаю пальцы в горячее и мокрое нутро её. Похотливая сучка дрожит и стонет, я знаю все её заветные крохотные точки, от которых она умирает в горячечных корчах – и требую продолжения. Я поворачиваю на живот, и беру ее плоть грубо и жадно. Она вся зажимается в комок, дрожит, кусает руки, шипит, что ей больно, но разве я когда-нибудь кого-нибудь спрашивал о таких вещах? «И он меня не спрашивал, я сам подчинился» - мелькают мысли, скорчивая все внутри, и подгоняя ебать и ебать неповинную в моём грязном приключении Жахни.
- Черт, да чтоб... я с-дох! – выдыхаю, кончая. Наконец отпускаю её, кое-как натягиваю штаны, и шарю в поисках сигарет. Она медленно, как больное насекомое, переворачивается на спину, сгребая скрюченными пальцами простыню, и смотрит на меня так, будто сейчас сожрет.
- Ну и че ты смотришь? – бросаю ей, как холодный кусок мяса.
- Вот именно, чтоб ты сдох! – зло гавкает она, и тянет руку – дай сигарету!
- На, - протягиваю ей, равнодушно пожав плечами.
- Сука ты и пидор! – говорит она, прикуривая. Я бью её по лицу. Я не хотел, но так получилось. Не выношу, когда меня оскорбляют. Её сигарета падает на постель, и мгновенно начинает тлеть. Мерзкая паленая вонь... как в моей душе. Жахни панически матерясь, забивает уголек, я начинаю смеяться... я ржу, я хохочу до слез, и не могу остановиться. И все повторяю, повторяю по кругу:
- Пидор-сука-блядь! – пробуя на вкус свой новый «титул»: - Пидор, блядь, сука! Ах ты ёб ты твою мать... Пидор, блядь-на-хуй! Я – пидор! Ах-ха-ха, ебать меня в рот!

Чертово уёбище... че вот с ним делать? Меня так и тянет к нему. Откуда он вообще взялся, и кто он такой, чтоб нарушать мой одинокий покой? Никогда, ни о ком я не думал столько, сколько о нем!

Даже Сашка занимала меня лишь как безотказный и потакающий сексуальный объект, я понял, что не любил ее по сравнению с чувствами к Арто!.. и что все мои дергания по отношению к ней – лишь обрывки саморефлексии. Она ничто – Арто все...

Стремно и гадко вспоминать то, что было – было! И некуда деться! – между нами. Я все пытаюсь убедить себя расслабиться и забить, но... что-то не дает. Едва принудив себя поразмыслить об этом, я понял – ощутил всем нутром – что просто-напросто не хочу о нем забывать. Напротив, я обнаружил в себе желание пойти наперекор всему миру, и сделать так, как хочу сам – увидеть его снова. И... возможно, да возможно – иметь с ним некие отношения. Дружеские, разумеется. Ведь уж кто-кто – а я имею полное право делать все, что мне явится из темных глубин подсознания. «Ведь ещё и не такое позволял я себе, бывало», - говорил я себе полупрошептом, в мутной дрожи набирая его номер. Черт, черт!! Его не было дома. Ну или он не брал трубку. Я дико разозлился – да как он смеет, когда я наконец звоню ему, так меня обламывать!

- *Алё?*

Он ответил так неожиданно, что я совершенно растерялся, и молчал, как дурак.

- *Алё, ну же, кто там? – раздраженно спросил его голос.*

«Вот блядь, пиздец!» - прошептал я одними губами, и повесил трубку. Сердце колотилось в горле, ушах, руках, животе – да просто везде.

- *Блядь, блядь! – проорал я, со всей дури ударяя в стену. – Больно же, сука, еб твою мать! – затряс ушибленной рукой. Меня все бесило, бесило! А паче всего собственное бессилье. Чего я ждал? Я вообще зачем ему звонил? Совсем ебанулся со своими идиотскими прихотями.*

Вскочил, забежал кругами, закурил с третьей попытки. Больно заныли шрамы, затянуло в животе, тяжело... схватил нож, постоял над раковиной и швырнул вместе с сигаретой. Развернулся, снова набрал номер.

Раз... два... три!

- *Але?*

- *Арто, это Ветер, привет, давай встретимся... и возьми, пожалуйста... флейту – уже совсем тихо прошептал я, и мне стало так безудержно стыдно, что весь вспыхнув повесил трубку. Закрыв лицо руками, не зная куда ещё прятаться. Что-то черезчур постыдное показалось мне в этой просьбе о флейте... кошмар! Ничего не стыдно, а такая невинная вещь всю душу мне спалила!*

- *Алле, Гавриил, ты чего трубку-то бросаешь? – весело прокричал он.*

- *Да я... - задыхаясь и тяжело сглатывая слюну сквозь болезненные и гулкие удары сердца, потерянно прохрипел я: - Я это... нечаянно! - и тут же прикусил язык – отвратителен сам себе, он ведь по такому тону догадается обо всем... И тут же*

хлестнула страшная мысль - если уже не догадался – чего бы еще он назвал меня Гавриилом, так кроме мамы никто не называет!!

- Ты вроде встретиться хотел?
- Ну... да! – пролепетал я, как малолетка тупая.
- Давай, я все равно ниче не делаю, побухаем!
- Слушай а это! – что бы такое сказать, чтоб как-то заштукатурить смущение: - А у тебя записи есть, ты мегакруто играешь!
- Понравилось? – рассмеялся он: - Да, есть конечно, диск притаскивай, скину!

xxx

... Я сел на кровать, и почувствовав неудобство, вытащил из-под задницы какую-то длинную черную тряпку с блестками.

- Это что ещё за хрень? – у меня глаза на лоб полезли – платье! Настоящее женское вечернее платье. Мягкое и нежное – кажется, бархат.

- Это моё платье, - просто и естественно ответил Арто, пожав плечами, и садясь рядом со мной.

- И давно ты пидорасничаешь? – беззлобно спросил я, и сразу испугался обидеть его. Он меня сделал чудовищно чувствительным, ей-богу. Отвратительный тип.

- Давно, - все так же естественно ответил он, ничуть не обидевшись. – Хочешь, можешь померить!

- Чего? – я офигел. – Ты думаешь, раз я с тобой... сука, блядь, да ну тебя на хуй! – вскочил я на ноги, складывая на груди руки. – Я все же не баба, Арто, запомни наконец! – мне страшно хотелось его ударить, бесил его насмешливый взгляд.

- Да? – он прищурился. – А я баба, хочешь посмотреть? Или слишком трезв для этого?

- Заткнись уже, - я отвернулся к окну, чтобы он не заметил, как обессиливает он на меня действует. Я не умею от него защищаться. Эта дрянь так обаяла меня, что я наверняка и не то ему прощаю заранее...

- Не, смотри, мне же идет? – он принялся раздеваться, я не мог на это смотреть. Пиздец... ну почему мне не убратсья нах отсюда? Черт.

- Гляди, я похож на Жа... эээ... ну, на красотку?

- Что? – вскинулся я, - ты хотел сказать, на Жанну?? – я моментально оказался возле него, и схватил за красивое тонкое горло. – Не смей, понял, сука, никогда не смей ничего о ней говорить, ты....

- Да ну? – он все ещё насмехался, хотя в глазах его уже плескался страх. Вот так то! Это то, что мне и нужно, этого мне пожалуй, пока достаточно! И я отпустил его.

- В самом деле, Арто, ты же знаешь, я не выношу...

- Ладно, ладно, Ганечка, всё, проехали! – он встал прямо передо мной, в своем этом распроклятом платье, а я не мог поднять глаза.

- Ну посмотри же! – настойчиво взял он меня за лицо. Я зло отмахнулся, но глаза поднял. О, черт, какая мерзость! Тощая фигурка моего любовника в бархатном платье с глубоким декольте – кошмар, каких мало! Ещё и задницей крутит. Да было бы чем...

- Кокетка, сученок эдакий! – прокомментировал я, шлепая его по заднице. Вдруг в голове моей случился некий переворот, и я не знаю, как так, но я попросил его:

- Сними, я тоже померить хочу!

- Да пожалуйста! – и развратник охотно принялся стягивать с себя шмотку. Я в это время раздевался. Оба мы оказались голые, и тяжело дыша, смотрели друг на друга. Он подошел ко мне с платьем, волосы растрепаны, глаза как у накуренного, и опять покрашены – как-то раньше я не заметил. Он приблизился до невозможности и погладил мне соски.

- Поганая шлюха! – прошептал я ему, снова хватая за горло, и притянув к себе властным жестом, поцеловал, вцепившись зубами ему в нижнюю нежную губу. Кровь стекла на язык, он тихо застонал и прижался ко мне. Но я отпихнул его от себя, и утерев губы, потребовал:

- Одевай! – я поднял руки и он нервно дрожа, стал натягивать тряпку на мои плечи, через голову, путаясь. Зацепил за волосы, и сделал больно, я окрысился:

- Аккуратнее, харэ дергать-то!

Ну и хорош же я был в образе девки! Реально хорош! Никогда не замечал, что так похож на женщину. Не зря они меня любят. Не зря в меня влюбился Арто.

- А говоришь, гей! - усмехнулся я, строя глазки бабскому отражению своему. – А сам в девицу влюбился! В девицу-Ветрицу, - я подбоченился, и глупо захихикал, как шлюха. А мне нравится быть шлюшкой, своей собственной, и кому хочу, тому и даю! Прямо как Жяхни!

- Да уж, мило, - пробормотал Арто нервно, я взглянул на него – он тонко дрожал, укушенная губа припухла, придав лицу трогательную чувственную незащищенность...

- Я люблю тебя, киска! – сказал я ему, играясь.

Далее началась игра в госпожу и поклонника. Я развалился в кресле, а Артюша подавал мне сигареты, наливал коньяк, раскуривал гаш, и вздыхал томно, заглядывая в глаза снизу вверх. Я наслаждался, ломаясь и выебывая, заставляя его страдать и выпрашивать поцелуи. Пиздееец..... Ветер – шлюха. Ветер – гомоблядь. Ха-ха, да и только! Круто?

xxx

Что делаю я с этим дуралеем? Смеясь спросил я себя. Не знаю. Откуда мне знать? Но мне с ним так хорошо... он стал воплощением моей лучшей части души. Той, о которой я даже не подозревал, считая себя истинным чудовищем. Если бы я был... хмм... девушкой, я был бы Арто. Я никогда не любил. А вот – влюбился, да, иду по улице, спотыкаюсь оттого, что не вижу ничего перед собой, замыкаясь и плавая в состоянии совершенно новом. Любовь... оказывается, она похожа на сладкую асфиксию. Я думал, любовь – это рабство, чушь и унижение. Да нет, это... приятно. Так неудобно и жарко в груди. И так сжимается в животе горячий ком, постыдности того, что было уже между нами. Я смущенно улыбнулся сам себе и пожал плечами:

- Чтож, пусть будет так, ведь я сам жаждал переступить все извращения... - сказал я вслух, и какая-то девица отшатнулась от меня, процидив сквозь зубы:

- Ненормальный!
- Оу, миледи, если б вы знали, - картинно развел я руками, обернувшись к ней, - насколько вы правы! Насколько...

Все было так чудно... Но вдруг затошнило. Мерзость какая!..

- Пошел на хуй, чума гнойная, чтоб я тебя больше не видел! – беснуясь, швырнул бутылку, задыхаясь от ярости и четкой злобы.
Он моментально исчез за дверью, а я долго ещё дрожал и метался. Тошнило, крутило от всего-всего-всего, и я еле успел до кухни, где меня вырвало, вывернуло желчью от отвратности воспоминаний. О, как же невыносимо, нестерпимо! Я едва разогнулся, утирая вязкую слезу со рта, и воспаленный взгляд режущихся о предметы глаз зацепился за крупную толстую булавку, забытую мамой на столе. Я схватил её, и со всей дури воткнул в ладонь. Брызнула кровь, злобный мат сам вырвался из глотки, я закашлялся, и сжимая запястье, уполз в ванну, лелеять свою рану. Кровь всегда умиротворяла меня... спать... скукожился на постели и закрыл измученные глаза.

Но ночью не выдержал, будто подбросило – проснулся, и как был, в грязной одежде, помчался к нему... задыхаясь и глотая холодный воздух, гулкая кровь колошматилась в дурной башке.

- Э-э, нет, Гавриил, постой-ка! – вдруг затормозил я сам себя. – А не ты ли вчера блевал нещадно, от отвращения к самому себе и той мрази, что испортила в тебе мужчину?
Нет! Не пойду! Похуй, нахуй и в пизду все эти сраные перепитии, я больше не играю! Куда, вот только куда? – я закружился на месте.
- А что это там, за углом грохочет? Клуб? Чудесно! Вот мне туда и надо.
Блядская аллея, ярмарка дешевых шлюх.

...порвал ей одежду. И мысли рваные, летают клочьями, сплетаясь с обрывками воспоминаний о той, первой изнасилованной мной: а если оборзею от безнаказанности, и стану серийным маньяком?

Фак, будет идти с какимнибудь своим парнем, пальчиком ткнет, и фэйс мне начистят.

Я когда гашенный, такой ебнутый.

Зло как-то, она орать пыталась, потом шею мне грызла, после того, как я её по лицу ударил, и сказал, что зубы выбью. Зато молчала, отбиваться пробовала, а я че-то ни боли ни страха, и не возбуждался ни хуя, злой был как черт, и силы откуда-то взялись адские, у меня аж тело болит от напряжения до сих пор...

А прикольно, сначала сухая была совсем, больно ей делал, но буквально через минуту такая мокрая, но ноги сжимала до последнего, пока кончать не начала...

У стеночки в кустах возле дома. Она так на меня смотрела... хрен знает, уже когда колготки рваные стягивать начала, и ненавистью не назовешь, хотя слезы были.

А я блядь, рядом стоял, и блядь, до меня вообще с трудом доходило что случилось вообще, я даже курить не мог.

Я вот думаю

А я не кончил, бросил её, и убежал к Арто.

Тот вышел...

Я кратко изложил ему весь свой вечер... он кивал и гладил меня по волосам.

- Я не хороший человек?

- Ты восхитителен, я тебя обожаю! – сказал он так тепло и с самым искренним светом. И я ощутил гордость за себя. Я – настоящая дрянь и сволочь. Так и надо... Арто любит меня за это. Ну надо же... тока я вот думаю – мне ж тогда похуй было. Видел нас кто или нет...

Арто мне все простил. Я свернулся калачиком, на диване, он сел за комп, а я смотрел и смотрел на него, сквозь ресницы, пока веки совсем не ослабели, и окончательно не сомкнулись...

xxx

- Арт, а ты совсем к женщинам никак?
- Да нет, что ты, я их очень люблю и уважаю... но... как тебе сказать... да, я сплю с ними, но это совсем не то.
- А для чего тогда? Почему не соблюсти чистоту жанра, если тебе не то?
- Да блин... понимаешь, они для меня как бы... ну, не душевные что ли. Влюбиться в женщину я не могу, - он серьезно покачал головой. – просто выебать женщину всегда больше возможностей, особенно мне!
- Ага, у них все-таки тело больше под хуй приспособлено, - усмехнулся я цинично, но голову опустил, боясь обидеть. – А почему тебе особенно?
- Выебать возможностей? Потому что во-первых, я хорошенький, и очаровательный!
- Милашка, - вставил я.
- Точно, ну и вот, они практически сами дают. А если это не помогает, то стоит только сообщить, что я педик, и на! Трахай сколько хочешь, она же ещё и счастлива, что такая крутая!
- Тогда может, выебем Жахни? – схватил я его за руку, озаренный внезапной идеей. – Я ебал двух девиц, одновременно, но одну с другим парнем, это ж круто!
- Жахни? – он нахмурился и посмотрел мне прямо в глаза, будто что-то там высматривая. – А почему Жахни?
- Потому что она доступна, она точно даст!
- Да нам-то даст кто угодно, мы красивые, - самодовольно пожал он плечами.
- Ну а че ты Жах не хочешь, она близко и точно согласится, ты ж знаешь, она шлюха!
- Знаю, - кивнул он настороженно: - Но ведь она друг...
- Арто, - вздохнул я: - Ну хватит выебываться, я же знаю, что ты её ебал уже, и не раз, и я тоже, вот тебе и друг! Так почему бы не объединиться?
- Ну знаешь... это как-то не так...
- Да как не так-то? – разозлился я. Ломается он тут! Нашел место.

- Просто... - пожал он плечами и отвел глаза. – Но если ты хочешь, тогда пожалуй...
- Тогда я звоню ей? – вскочил я, в радостном предвкушении – наконец-то еще одно извращение станет реальностью!
- Жахни, привет, ты сегодня свободна?
- В каком-таком смысле свободна? – усмехнулась она в трубку.
- Ну, ты ж понимаешь... я хочу к тебе прийти сегодня, если ты дома!
- Я-то дома, тока вот уйти хотела, но если твое предложение будет более соблазнительным, я подумаю, - длинно ответила она. А я возвел глаза к небу – нахватались все широких слов, деловые, бля!
- Хм... не сомневаюсь, тебе понравится!
- Думаешь? – снова усмехнулась она. – А что именно?
- В общем... а к чему темнить – мы хотим с Арто тебе предложить сегодня встретиться втроем, и...
- И потрахаться? – опередила она.
- Да, - кивнул я.
- Э... ну ты знаешь, сегодня не получится!
- А что ж так?
- Не тот день, дорогуша! – в голосе ее промелькнуло будто раздражение.
- В каком это смысле не тот?
- Да в таком... а впрочем, я и объяснять не буду, знаешь ли, скажем проще – у меня нет настроения на групповой секс сегодня!
- Вот так вот именно сегодня и нет?
- Да, вот так вот именно сегодня, но ты не обижайся, в другой раз не откажу! – примирительно сказала она.
- Эх, жаль! – вздохнул я. – Ну чтож, подождем!
- Ну чтож, подождите! – ответила она.
- Ладно, звони!
- Ладно, пока! – и она первая повесила трубку.
- Вот так вот, - поглядел я на Арто и развел руки.
- Ну чтож делать... - пожал он плечами.
- Да... - вздохнул я, садясь рядом с ним. – Обломались мы на сегодня!
- Ну, я все равно как-то не настроен сегодня!
- А я всегда настроен, например! – сказал я. – Да впрочем, и похуй, жаль только немного!

Чтож, пришлось пить и очень долго целоваться... сжимаясь больно и жарко изнутри, от стыда и злости – не могу себе отказать в нем.

А когда пришла пора расставаться, я не знал, что делать – то ли провожать его домой, то ли нет – ведь он не девка! Блядь, занесло же...

- Ну, пока! – неуверенно махнул рукой, и изредка оглядываясь, пошел прочь, унимая дрожь неуверенности, и лишь когда Арто исчез в темноте, я немного успокоился и перевел дыхание. Страшно все это и глупо. Поднял голову в заволоченное тучами

небо, вздохнул, встряхнул лохматой головой, отгоняя тяжкий хмель, и помчался переулками, домой, домой...

xxx

А дома – новая книга Жанны Моуле!

Мама купила и положила мне на подушку... мамочка знает, чему я буду беспредельно рад!

«Танцуй, сволочь!» - и Её бесподобное лицо, разукрашенное под... монохромного клоуна, цинично улыбается... я схватил книгу, сорвал целлофановую обертку с грифом «Детям до 16-ти», и прижал к сердцу, перелистал странички, вдохнул вкусный свежий запах типографской краски... безудержно-робкая дрожь охватила все мое бедное существо – ах, снова Жанна! Читать её – все равно что... что сексом заниматься, с... как бы сказать это... с любимым человеком! И я сам себя застеснялся и прикрыл лицо книгой... спаси меня, Жанна, спаси, богиня моя!

«Богиня моя», как откомментировал я однажды её инет-дневник. Она долго смеялась... ставила жирные смайлики, которые я трогал через монитор, влюбленными глазами.

«Богиня, как ты все успеваешь, ведь у тебя новые книги выходят с такой скоростью, что в голове не укладывается, когда ты их пишешь!»

«Дружочек мой, да эти книги в основном еще из тех, неиздаваемых, глухих времен, когда я была совсем никому не известна, безавторитетна, и жадно кромсала бумагу в стол, в стол, в стол... сейчас все эти кипы извлекаются оттуда, и все, что так неожиданно оказывается совсем не таким уж паршивым, щедро издается!» - ответила моя французская Женищина, моя звезда. Я просто кончил на ее стиль, ее слова, со мной случилась сладостная истерика...

xxx

- Что? – переспросил я холодно.
- Я же говорю, мы вчера с Арто у него дома...
- Это я понял, - оборвал я, - ты с ним спала вчера?
- Ну да, - спокойно пожала плечами шлюха, и продолжила: - Он прикинь...
- Ага, прикинул! – кивнул я, встал и вышел, не в силах выносить больше ни слова из этого грязного рта. Который Арто, оказывается вчера поимел без меня! Внутри все кипело от болезненного возмущения ревности – как? Но ведь это же предательство! Ведь мы же вчера расстались с уговором сделать это втроем позже – ПОЗЖЕ!!
- Разве мало ему, что я позволяю ебать кого угодно, но только с моего ведома! Теперь ещё и за моей спиной, с моим же другом, с нашим общим другом?? Мразь, гадина! И он и она. Хотя, она-то что, она шлюха, но Арто... а впрочем, чего я ждал, я же о нем практически ничего не знаю, кроме того, что он сам мне рассказал. Да, я не первый у него, но он-то у меня... девку – ту я простил бы. Их я никогда не считал и не ревновал, да и не было у меня с ними каких-то любовных мук, но Арто – даже и

зная, что я не ревнив, спать с Жяхни, когда мы договорились... это подло, по меньшей мере! «Я не настроен сегодня»!! Это просто мерзко.

Я сел на асфальт, обнял колени и заплакал. Мне стало очень горько. И ещё страшно. Как он мог? За что? За то, что я был с ним, отдал ему всего себя? За мою любовь? Игра есть игра, и я же не запрещал ему ебать Жяхни при мне, на моих глазах, в моей постели даже! Но вот так по-тихому, по-крысиному, за моей спиной, когда мы договорились принадлежать только друг-другу, и без ведома ничего не делать – это подло! О, это чудовищно подло, это измена!

Захотелось убить его. Убить на хуй, и немедленно. Но как это сделать? Зарезать, наверное, проще всего. Да, точно, так и сделаю. А она? Нет, она не виновата. Она такая какая есть, а вот он – он меня обманул. Он же строил из себя такого чистого и нужного, что мне без него практически не жить. А я и поверил! Я засмеялся гадливо – да уж, а я и поверил! Где мой холодный цинизм, моя родная обитель? Он лишил меня не только чести и остатков разума, моей мужской сущности, а ещё и душевного льда, цинизма, расчетливости и радости садизма. Я сам стал жертвой! Я - я, Ветер, я позволил с собой такое сделать?! Ууу, это непростительно. Ни мне не ему. И физическое здесь вовсе второстепенно, хоть и важно, но самое поганое – как же я позволил ему пролезть мне в душу? Он совершил диверсию, и должен быть убит по закону. Ему нельзя оставлять жизнь после того, что он сделал. Да-да, его нужно убить... я лихорадочно заходил по комнате, ища нож – где, где мой нож? А, это же не мой нож, это у моей подруги, Алисы, что заперта сейчас в психушке за свою страсть к убийствам, был нож. А у меня же лезвие... любимое лезвие, которым я то и дело режу руки... о, черт, нужно сделать это как можно скорее, пока я не передумал.

xxx

- Я... вот! – показал ему нож. – Я пришел тебя убить!
 - Хорошо, я уже труп! – кивнул он послушно. – Выеби меня!
- Арто изображал для меня мертвого. Я лизал и целовал его везде, а он был трупом. Круто... вспоминалась Саша... но я ему ничего не говорил о ней. Соврал, что и у меня эти игры впервые.

Его ласковые ресницы подрагивали, когда я...

Его тонкие руки взлетали, будто крылья, когда я...

Он кусал и без того пухлые губы, когда я...

И он пил, пил мое сердце, которое я...

xxx

Мы сидели в ванне, полной грязной воды и мыльной пены, лицом к лицу, в женских платьях, целовались и курили, как две жуткие красотки, с размазанной косметикой. Он кокетливо щерился, думая, наверное, что улыбается, и что ему очень идет. Я хихикал и ломался. Если бы я мог соображать. Наверняка, убежал бы подальше от позора, но я не мог соображать практически ничего. Я мог лишь позволить себя трахнуть. Я даже хотел этого. Но он наверняка ждал от меня того же самого, и никто не хотел брать инициативы на себя. Потому просто плескались, делая некие полунамеки, вскользь. Вроде «давай ты», «нет ты»... идиотизм. Милый, очаровательный идиотизм.

... я проснулся внезапно от сырости и липкого, ужасающего холода. Я весь дрожал, и когда поднял руку, она хлюпнула. О, черт – я в ужасе попытался вскочить – и понял, что все ещё в ванне, полной ледяной воды. Платье влипло в тело, и больно врезается ляпочки в набухшую кожу. Арто дремлет напротив меня, свесив голову, и из уголков его губ стекает слюна. На воде плавают кружочки пены от неё.

- Сукаблядьнахуй, - тихо сказал я в одно слово. Меня всего трясло и ломало. Что же здесь произошло? Не помню. Хочу домой. Хочу горячего вина, или хотя бы водки, и под толстое одеяло. Надо отсюда выбираться.

- Арто... - прошептал я, пытаюсь встать, и не находя в себе сил на это: - Артюша, плиз... - я протянул негнущуюся руку, и как деревяшкой, похлопал по лицу любовника. Ох, дурдом! Он не реагировал.

- Слышь, ты! – грубо пихнул я его в плечо, начиная злиться. Мне нужно срочно встать и перебраться под одеяло, а он мне не помогает!

- А? – он резко распахнул глаза – ужас и мутное непонимание застыли в них. – Ты чего?

- Ничего, блядь, - сказал я злобно, барахтаясь. У меня все не получалось встать, и я почти бесился. – ну помоги мне встать-то, бля, че зыришь? – проорал я возмущенно.

- А че ты орешь-то? – растерянно заморгал он.

- Да блядь ниче! – окрысился я снова, и оперся о его плечи, не спрашивая. – Держи меня.

- Ну давай, - примирительно сказал он. Я встал наконец, хлипко покачиваясь вылез, едва не пизданувшись о сушилку для полотенец головой. Отряхнулся, взял полотенце, принялся коряво вытираться, и тут только посмотрел на Арто. Он смотрел на меня с нежной и виноватой улыбкой, и злость моя мгновенно улетучилась. Все же этот мальчишка имеет на меня такое умиротворяющее действие, как ни один транквилизатор.

- Ну ладно, все, проехали, не сердись, – сказал я, похлопывая его по плечу и отворачиваясь – не могу на него смотреть, чувствую себя виноватым.

- Слуш, ну а мне-то помоги встать, - жалобно проскулил он.

- Да, точно! – пробормотал я, и протянул руки к нему. Все так же не глядя – стыдно. И чего я наорал на него? Вот дерьмо... как же холодно!

Потом мы сохли в постели, замотавшись с головой, и прямо там, в домике из двух толстых ватных одеял, в духоте пили виски, за которым голенький Арто мужественно сбегал на совсем уж ледяную кухню. О которой мне и подумать

страшно! Он жался ко мне как девчонка, а я все старался не пролить на простыню алкоголь. Нежный, весь в пупырышках Арто пытался целовать меня, а я отбрыкивался, мол, виски прольем... а он вдруг сказал – ну все, теперь можно, проливать-то нечего! И голос у него был совсем пьяный. Я удивился – как, уже все чтоль? Перевернул бутылку себе в рот, и лишь две жгучие капли упали мне на язык.

- А, ну тогда все, можно! - сказал я, и мой голос тоже был совершенно пьяный. Вот те раз, а я не чувствую ничего такого... в смысле пьяным себя.

- Если только... - начал было я, но Арто нашел мои губы, слюна его смешалась с моей, и звон бутылки, упавшей на пол, отозвался гулкими ударами в сердце...

Переживая – все ещё никак не свыкнусь с любовью! Пока он спал, я дико накурился, обычных сигарет, две пачки сразу, одна с ментолом... Лежу тихонечко и подышаю, проклиная мерзкий табак...

А он подошел и аккуратно лег рядом. Я шепчу:

- Я щас сдохну, Арто...

А он говорит:

- Давай в названия групп поиграем!

- Мне плохо...

- Ну вот, заодно и развеешься!

Он не обнимал меня, просто аккуратно лежал рядом, за моей скрюченной спиной. Знал, что трогать меня сейчас нельзя, не вынесу!

И я начал:

- Раммштайн...

- Неспящий Пиздец

- Цепеш

- Шмели

- Икра

- Акустика секса

- АУ

- Ульи

- И?... ну... - я, кажется, действительно, здорово отвлекся! Мне куда легче, только вот на И ничего не помню...

- Сказать за тебя? – лукаво спрашивает Арто.

- Не надо... ну... Ирокез!

- Точно! – хвалит он, и продолжает: - Зимовье зверей!

- Ну, это твоя стихия, музыка... - смущенно говорю я: - что там было последнее?

- И краткая, - хихикает он.

- Че хихикаешь, Йорш!

- Ах ты, че он знает! – деланно удивляется он.

- А ты думал, я чурбан? – деланно обижаясь я.

- Легче тебе? – заботливо спрашивает он.

- Нет такой группы, ворчу я. – На Ш давай!

- Ну, Шипр, ёпт! – небрежно бросает он.

- Рвань, - усмехаюсь я. Это уже интересно!

- Мягкий знак, - лукавит он.
- Такой группы нет, – спокойно отвечаю я.
- Нет, есть!
- Нету, давай говори, или я выиграл!
- Наутилус
- Сучий лесок
- Крематорий....

И так далее, до бесконечности... очнулся я лишь утром, кажется все ещё шепча «ХАЭМ, Марадёры, Ышо-ышо, Оргазм Нострадамуса, Аборт Мозга, Армия Власова, Азь, Звери, Инфекция...»

«Все бы было иначе когда бы можно было совсем не дышать...»

Ведь Арто музыкант. До мозга костей. Этого у него не отнять! Это его лучшая часть.

И это именно он научил меня играть на басу. Мечтал, что так всегда вместе и будем, что это свяжет нас ещё крепче, и будем в одной группе. А я не хотел. Только ради него.

- Сердце к сердцу, - его слова. От которых я почувствовал себя самопродавшимся в рабство... тихо задохнулся и промолчал.

Мы сидели на полу, в его квартире. Он давал мне урок. Я быстро схватываю, я талантливый! Это тоже он сказал. А ему – как не поверить?

Вообще-то, ему долго пришлось уговаривать. Сначала я не соглашался, не чуя в себе таланта. «А ты послушай!» - вопил он, и наигрывал что-нибудь на флейте – его родном инструменте. Я слушал, цинично косясь – хотел его задеть, он горячился, вскакивал, орал запальчиво – ты слушай, слушай же! Я слушал, уже более внимательно – боясь обидеть. И вслушивался, и начинал слышать. Для Арто ведь играть – как дышать! Он может сыграть что угодно, практически. Недели две, наверное, он терзал меня требованиями, умолениями и бесконечной музыкой – никогда я не слушал столько музыки! После чего он принес басуху, скромно так, и ничего не говоря поставил в угол моей комнаты. Тихо и мило улыбнулся, пожал плечами, хотел что-то сказать – но я скучал, и схватив его за плечи, как в дурацком кино, поцеловал. Мы долго целовались, облизываясь и сплетая пальцы, а когда разомкнулись, меня вдруг ожгло стыдом, прям не знаю, с чего, но хоть сквозь землю провались, в самый Ад! Однако, и там перед чертями... блин, я не знал, куда деваться, и страшно испугался к тому же, что он заметит мой стыд – это после всего-то? Ещё хуже!

Так вот, чтобы спрятаться, я схватил гитару, и дико заинтересовавшись сразу и вдруг, спросил, охрипнув и излишне громко:

- Так что ты там предлагал, давай уже, учи!
- Ну вот, наконец-то, ура! – завопил он, живо усаживаясь на кровать, и хлопая рядом с собой:

- Давай, пока я не передумал!
- Ах, ты ещё и передумаешь?! – возмутился я. – Сам так просил...
- Да ну что ты опять, хватит, садись, раз решил! – разозленно взмахнул он рукой. Я сел, не зная, как и держать-то её, проклятую эту вещь.
Я вздохнул поглубже, и сосредоточился полностью на том, что он мне говорит.
- Держишь вот так, и пальцы сюда, а кисть расслабь, чтоб свободно ходила, не будь как деревянный! Я буду играть на флейте, а ты повторяй звук!
Только мы разыгрались, и уже начало что-то получаться, как вдруг... вошла его мать, и встала в дверях:
- Здравствуйте, мальчики, а что это вы тут делаете?
- Мам... - пискнул Арто растерянно. Мы оба так сжались, и лица у нас наверняка были такие, будто нас поймали за чем-то совсем уж нехорошим. Хотя мы просто сидели посреди комнаты на полу, я с басухой, Арто с флейтой, склонившись голова к голове... но мы же не целовались, так откуда такая паника? Я едва нашел в себе силы поздороваться:
- Добрый день, Инга Николаевна!
- Может вы чаю хотите? – спросила она.
- Да нет... мам, мы лучше пойдем ко мне! – поднялся Арто, я за ним, и мы спешно ретировались в его спальню. Хотя, это показалось мне ещё более неприличным, в нашей ситуации. Закрыв за собой дверь, Арто повернулся ко мне и с облегчением перевел дух:
- Вот стерва старая! – зло бросил он.
- Ну да... - я не нашел ничего лучше для ответа.
- Принесло же! – нервничал Арто.
- Да ладно, че уж, она же ничего не знает? – тронул его за рукав я. На большее как-то не решился – будто она может зайти и «запалить»...
- Не знает, конечно, ты че? – с ужасом посмотрел на меня Арто. – Ещё бы она знала... пизда такая.
- Ну не надо про мать уж... - поморщился я. И так гадко. Сидим тут, забившись, как нашкодившие дети, и трясемся. А вдруг кто узнает? Ч-черт.
- Ненавижу это! – вскрикнул Арто громким шепотом.
- И я, - кивнул я грустно. – А сделать ничего не могу...
- М-да, ситуация... блядь, блядь, у меня заныли руки, как всегда от нервов, и зубы. Я не смогу с ним быть, если даже от матери и то приходится ныкаться. Суки, блядь, верните мне меня!.. «Не уходи Арто, замучай меня до смерти, малыш!» - так и хочется сказать. Абсурд.
- Пошли отсюда, - потянул его за рукав. Яду мне, яду.

xxx

В ответ я научил его диким фантазиям, и придал его творчеству грязных красок.

Я придумал этот наш кошмарный и скандальный клип. Трахни помогла осуществить. Мерзкая девчонка! Я ревновал.

Но клип того стоил. Он вышел таким, каким виделся мне. А самое главное, что если бы на моем месте была девушка... Арто сначала даже намекал, а не взять ли сюда самую Трахни, а я буду снимать... ну уж нет! Меня взбесила сама мысль заменить меня на кого-то, тем более девицу!

- Ведь все дело в то именно, - орал я размахивая руками и расхаживая взад-вперед перед ними, - что на месте девушки – пусть кошмарной, но вполне ожидаемой, я! Понимаете, я, парень! Плюс к кошмарности сюжета и видеоряда, – тут я остановился, и торжественно, как актер на бенефисе, приложил руку к груди: - Я! Вот в чем фишка-то главная! Это придаст гадости и гадостности, понимаете? Они же все, все – я подскочил к окну, распахнул его, указал на город – все они!! Все буквально, ненавидят нас! Так чего же вы лыбьтесь, пусть они захлебнутся! – я плюнул со всей возможной злостью и презрением в окно.
- Ну... - осторожно переглянулись Арто и Жах.
- Но это же и в самом деле очень круто! – воскликнул Арто, и подскочив ко мне, поцеловал. Жахни заплотировала, и тоже встала:
- Тогда не будем ждать, ты Артур, езжай за камерой, а мы с Ветром пока на рынок, за антуражем!
- Че, прям шас? – вскрикнул возбужденно Арто.
- А когда? – развела руками подруга.
- О, ребята, я вас люблю! – завопил я, и помчался в коридор, выполнять задуманное.
- Короче, так! – деловито натягивала куртку Жах, пока я завязывал длинные ботинки: - Чулки я тебе свои дам – ты ведь будешь в чулках?
- Да, обязательно! – кивнул я. Хоть эта мысль немного и смутила меня, но я никогда не показываю смущения, тем более друзьям! Вот, и наверное надо будет такую тему...
- Подожди, я перебую, а лак такой облупленный можно будет сделать, или это специально заранее надо?
- Лак? Ну, нет, на Красишь, высушишь минут за десять, потом зубами покоцать, и нормальный драный маникюр будет! – совершенно серьезно ответила подруга.
- А, нам ещё вина купить надо будет, у тебя денег сколько? – поглядел я на неё.
- Эм... ну шас, снимем с карты, мне мама должна была подкинуть на днях, проживу, для дела-то не жалко!

На рынок мы попали к закрытию, и искомое нам отдали совсем дешево – свежее сердце, все в запекшейся крови. И здоровый кусок коровьего легкого. Ерунда, копейки какие-то, а счастье и возбуждение неземные! Ох, как шас забабашим-с!!

- Слушай, у меня пудры бледной нету! – остановилась Жах. Чтож, зашли, купили. Продавщицы странно посматривали, как мы вместе выбираем, особенно как я – парень, пристально разглядываю на свет оттенок.
- Вот этот пойдет! – кивнул уверенно, протягивая деньги.
- Все ништяк, погнали!

Когда мы вернулись в квартиру, Арто был уже там – сидел на окне подъезда и ждал нас.

Оказалось, моя умница принес бутылку водки. А у нас уже денег не осталось на неё, и я запереживал, как же мне без алкоголя перевоплощаться в труп девицы.

Грим и антураж мы готовили даже дольше, чем сами съемки. Приняли по полстакана «святой воды», запили кока-колой. Сразу полегчало. Тиски привычной головной боли отпустили, как всегда при поступлении алкоголя в прохимиченную кровь.

А Жяхни уже доставала свои чулки... и рвала их, посчитав недостаточно дырявыми. Арто разворачивал белую рубашку и пиджачок, разложил на полу и потоптавшись ботинками, стал размазывать грязь. Ему ради искусства ничего вообще не жалко.

... когда Жяхни отпустила меня, и разрешила поглядеть в зеркало, я подошел к нему, низко опустив голову, страхась взглянуть... Арто-то вон какой красавчик – рожа грязная, синяки под запавшими глазами, бледный, рубашка порвана на груди, горло перемотано грязным бинтом с подозрительными пятнами... босой и такой милый... мертвый, как есть.

- Ну что же ты, смотри скорей! – он подошел и встал рядом, сложив руки на груди. Я наконец-таки поднял голову... и ахнул! Это же то, о чем я мечтал! Образ, возникший в моей больной голове, воплотился в реальность столь удачно, и что лучшего и ожидать было трудно! Длинное блядское бархатное платье Арто, столь любимое нами при ролевых играх болтается на мне, как тряпка на швабре, впалые щеки и грязные руки, под глазами глубокие тени, потекшая краска, рот в размазанной помаде, а волосы – мои прекрасные длинные волосы – кокетливо подколоты за левое ухо голубой заколочкой. Я поднял руку и осмотрел ногти – ободранный лак, приподнял юбку и повертелся, осматривая дырки чулок на худых острых коленках.
- Я милашка! – сладко ухмыльнулся я себе, и послал поцелуй.
- Да-а, то, что надо! – кивнула Жяхни с гордостью.
- Чудо мое загробное! – нежно поглядел на меня Арто.

Под утро мы сидели на полу, наспех умытые и страшно уставшие, но сгорающие от нетерпения – скорей видеть целиком, что получилось! Ах, боль в усталой спине и похмельные удары крови в болезненной голове – стоят того, что творится на мониторе!

Перед нами развернулся романтический ужин двух ужасающих созданий – он и «она». Мертвые, все в трупных пятнах, сидят за столом, среди свечей, пьют вино, кокетничают. Он лезет «ей» под юбку, рука тянется вверх по кошмарно рваным чулках. Она смущенно хихикает, как реальная девица, и убирает его руку ланкой с облезлым лаком. Но постепенно сдается, и они вместо того, чтоб заняться любовью, начинают страстно выгрызать друг из друга куски кровавой плоти,, пить кровь. Он «ей» преподносит реальное сердце, «она» за это целует его так, что кровь стекает с углов губ...

(А я и не замечал, что Сашка права – у меня и правда так страшно искажается лицо, на какую-то долю секунды, кривятся губы, и глаза сверкают пугающей злобой... не зря и Арто и Жахни то и дело шарахаются от меня...)

Только куда теперь этот клипец? Мы как-то и не подумали, распаленные творчеством.

- Ну, я в инет попробую выложить!
- Жанне сначала надо показать, - дернуло изнутри – что она скажет?
- Ну, уж ей-то наверняка вкатит! – деловито кивнула Жах.
- Да... надеюсь! – вздохнул я. Страшновато, вдруг залагает?... но я все равно сделаю это. Ведь в глубине души я убежден, что Ей понравится! А назову «Последняя Любовь»!
- Прямо сейчас может скинем ей? – сказала Жах, садясь рядом со мной.
- Ну, может и сейчас... - с деланным равнодушием потянулся я, дабы скрыть излишнее волнение. – Только лучше завтра!

Чтобы они не знали, что я решил назвать эту вещицу «Последней любовью». Не

знаю, чего, но я вдруг застеснялся. Паранойя моя, паранойя...

- Спать пора, завтра виднее будет!

xxx

Еле разлепил глаза во второй половине дня. Все тело и разум затекли, но когда я вспомнил прошедшую в творческом запое ночь, радостно улыбнулся. О, сейчас же встану и отправлю Жанне клипец!

Арто мирно сопел рядом, замотавшись в одеяло с головой, и я любовно погладил его по спине – не смотря на головную боль (да впрочем я к ней привык, перманентной зудящей муке), я был в самом благодушном расположении духа. Вскочил на ноги, врубил комп, и тихонько напевая про себя песенки «Стекол», полез в инет. Он не включался... сука, выдавал какие-то системные ошибки, бесил меня, какими-то техническими неполадками. Вот блядь! Я понял только, что сейчас мне никак не попасть в мейл, хрена мне, а не отправить Жанне клип!! Ужасно разозлился и расстроился, возненавидел все на свете сразу – как так, мать твою об угол, что за хуйня, откуда вообще какие-то препоны, когда мне срочно нужно!!

Блядь, блядь!! Я вскочил, зло ругаясь про себя, и принялся одеваться – сука, бесит непослушное тело и шум в ушах, надо срочно выйти на воздух, прогуляться, чтобы не сорваться на бедных моих Арто и Жахни.

Вышел из подъезда, и встал глядя в небо – а куда идти-то собственно? Но, не суть-то важно. Двинулся куда ноги понесли.

Отчего-то принесли меня длинные ходули – не поверите! – в библиотеку. Я здесь бывал частенько, когда еще хаживал в школу. Убегал с уроков, и торчал здесь, почитывая журнальчики, фантазируя о своем без окриков учителей, и чертил в тетрадках всякие гадости.

А библиотекарша та же самая, надо же! Хотя, куда она денется, больно она кому нужна на другой работе!

Чтож, раз пришел... - взял книжку, огляделся и присел за стол у окна.

Хорошая книжка, интересная. Мой врач, Лисицкий написал. И про меня там тоже есть. Он как раз научную работу проводил. Когда я царапал стены его владений, мокрый от боли в суставах – побочный эффект инъекций.

И вот он – результат, в моих руках. Знакомая фамилия попалась на глаза, когда девчонка сдавала книгу эту. Явно будущий психиатр, с хищным взглядом и тонкими руками. Эдакий малолетний паучок...

«За фасадом капризного поведения у детей и подростков зачастую скрывается нервно-психическое расстройство – болезнь.

Вот симптомы невротических состояний, при которых нужна помощь врача-психотерапевта.

1. *Неуверенность, робость, обидчивость в сочетании с головными болями, учащенным сердцебиением, болями в животе.*
2. *Тревога, дневные и ночные страхи. Например, второклассник боится остаться дома один до возвращения родителей с работы (какое там, доктор, второклассник, я до сих пор боюсь.)*
3. *Вялость и апатичность в сочетании с мечтательностью и фантазиями. (оу, йес!)*
4. *Агрессивность – нанесение физического или психического вреда другому человеку (бабушке, дедушке или младшим братьям и сестрам), или самому себе (за неимением бабушек-дедушек-сестер – себе, доктор, себе!) (головой бьется о дверь, наносит себе раны)... (так точно, сэр!)*
5. *Отвлекаемость внимания, непоседливость, шумливость на уроках*
6. *Избегание общения со сверстниками, замкнутость (да блядь, с кем там общаться-то? Сучата одни)*
7. *Энурез, заикание, гримасничание, шмыгание носом, подергивание руками (качание на стуле, запираение в ванной, да! – а излишне ранние и частые мастурбации не считать? Или об этом не знают ни врачи не родители? Хм...)*
8. *«Трудное» поведение: прогулы, лень, лживость, грубость, драки... (о, да! Пожалуй, слишком много. Лживость? Смотря что вы так называете, доктор!)*

Указанные нервно-психические расстройства «бытовым воспитанием» не исправить. Без лечения у психотерапевта появляются новые, более сложные симптомы, пагубно влияя на здоровье и судьбу человека» Вот ведь пиздец какой! А я и не догадался бы без него... ну, похоже, здесь справится только паталогоанатом. «Робот ада, робот ада, синтетический паталогоанатом!» - напевая в полголоса, понес я сдавать эту сраную муть. Убого как-то... Библиотекарша тока хмыкнула.

Вернулся домой – там вкусно пахло яичницей и спиртом.

- Вы чего это, - начал было я, входя в кухню, но резко подпрыгнул на месте с громким вскриком – наступил в холодную лужу. Блядь, терпеть этого не могу, в носке наступать на мокрое!!
- Что за нахуй, а? – возопил я, быстро снимая носок.
- Да это вот мы тут, водки открыли, а Арто... - виновато пожала плечами Жахни, с ложкой в руке.
- Черт, блядь, ну как так? – зло посмотрел я на Арто – тот сидел с несчастным видом за столом.
- Ну так вот, бывает! – пропищал он.
- Ну так че стоишь, вытирай! – заорал я на Жах.
- А че это я! – возмутилась она, но я уже взял ложку и сел за стол:
- Да забей, ладно, само высохнет, вы майонез купили, или только водку? – пока мама не видит, всегда ем майонез, который очень люблю, а мама запрещает, мол, вредно. Но мне ж все равно на и без того рваное здоровье, так что: - Ай, маладцы, давайте скорее жрать!
- Ну вот и сразу бы так, а то орать! – примирительно сказала Жахни и села рядом, а Арто облегченно вздохнул.
- Ну а как же, мне же надо себя хозяином в доме почувствовать, а вы тут водку разливаете! Кстати, за что пьем-то?
- Да мы тут без тебя – кстати, а ты-то где с утра пораньше шляется? – отправили Жанне клипец!
- Нихуя себе утро, - махнул я ложкой в сторону окна, за которым стремительно стемнело. – А че это вы без меня отправили? – горький и тугой комок обиды моментально свернулся в горле – ну почему все надо отравить, ведь я же сам хотел?.. может, оно и так, - подумал я, беря стопарик водки, - может, я и обидка, каковым был с детства, но все-таки могли бы меня дождаться!
- Ну ты что, обиделся чтоли, Ветер? – Арто заглянул мне в лицо, а Жахни сделала несчастное лицо.
- Да, немного! – кивнул я. – Ну похуй, лишь бы богине понравилось наше злостное богомерзкое творение! – протянул стопку, и звякнув рюмкой о рюмку, выпили.
- Виват! – радостно вскрикнул Арто, Жахни весело засмеялась и мы чекнувшись, опрокинули стопки.

Вот сидим с Арто, пялимся на звезды, с крыши.

Я че-то сказал, он ответил:

- А...
- Бэ, - фыркнул я.
- Вэ, бля, - дернул он плечом. Его раздражает эта шняга с алфавитом.
- Аборт, Бля, Водка, - захихикал я. – Словарь аморала!
- О, точняк! – завопил мой эмоциональный малыш, и взмахнул руками так, что чуть не свалился вниз, я едва успел его подхватить, в голове пронеслись тошнотворные картинки – он летит вниз, безумные глаза. Жалкий вскрик, я не успел, я внизу, держу

разбитую голову, очи гаснут, кровь и блевня, последние бессильные слезы и вой... но встряхнулся, Арто уже сочинял «Словарь аморала», намереваясь вывесить его в инете для смеха:

- Гандоны, дурь!
- Ебля, - вставил я, усмехнувшись.
- Ёбанный! – продолжил он, такой счастливый, будто летать научился... милый, любовь моя. Я положил руку ему на плечо. Не решаясь на большее.
- Жратва!

А про себя вздохнул - жаль, что ты не упал...

- Заебательско! – сказал он, а я ненавязчиво подтолкнул его. Он вскрикнул, и я снова подхватил его... не могу. Живи пока.

xxx

Жду, жду... что скажет она – богиня моя? Пока ничего... у нее наверняка времени нет, а может на гастролях сейчас. Ох, поскорее бы знать, как ей – понравилось, нет? Лишь ждать и листать свежие страницы ее сайта!

«Стоит вам завести женщину – не обязательно любимую и очень близкую, а хоть бы даже просто подругу! – и вот вам, пожалуйста, уже по всему дому её лифчики, забытые помады, длинные волосы на вашей расческе, ваши новые бритвы нагло поюзаны, и гандоны за кроватью. Даже если это вовсе и не ваша девушка, а ваш лучший друг в юбке, гандоны все равно будут – она притащит своего бой-френда в два часа ночи и пьяным вдрызг голосом мило попросится переночевать» - пишет Жанна, и совершенно верно. Жакни – она самая такая. Хоть я и ебал её некоторое время назад, но теперь в этом отношении полный нейтралитет. Нет, она может, конечно, погреть ладони у меня в штанах на самой-самой грани, или среди ночи тянется целоваться, и я не отказываю, но она единственная, кто знает про нас с Арто... Иногда я немного жалею её на него, и она вопит – ну вот, теперь-то я согласен, что все мужики сволочи! Я смеюсь и соглашаюсь. Очаровательная мразь, околдовал он меня чтоли? Покоя не дают его ласковые глазки... лишь полутень полумысли о нем – и сердце изнутри так толкает, что едва не спотыкаюсь!..

Что делать мне, мечусь, как загнанный больной зверь, и стыдно мне, и больно, и боюсь... и жить не могу без него.

Я знаю, это долго не продлится. Но... стараюсь протянуть как можно дольше!

xxx

- Ой, ребят, пошли вы нахуй, а? – совершенно добродушно бросаю я им. Они смотрят на меня как на идиота, два гребаных интеллектуала – обсуждают переписку Энгельса с чертом, как же! А тут я – желающий лишь дыма лишний раз вне круга глотнуть, да утех неправедных с дружкой под одеялом...

- Ну а отчего же под одеялом-то сразу? – выдохнул я дым вслух. Эти двое посмотрели на меня совсем уж странно.
- Какого одеяла? – спросила Жах, пытаясь отобрать у меня мундштук, но конечно, безуспешно – даже в таком состоянии травяного расслабления, я остаюсь парнем, а значит сильнее любой женщины.
- И это совершенное ИМХО, друзья мои, и вам нечего мне возразить, не выходя за пределы разумного!
- Или формальной логики, если ты это имел в виду! – с важным видом кивает Арто. Жахни переводит офигелый взгляд с одного на другого, но через затяжку глаза её приобретают осмысленность и интеллект.
- Но товарищи, объясните мне тогда квинтэссенцию самопознания в теории хаоса!
- А это, милая барышня, лежит за пределами вышесказанного, - поворачивается к ней Арто, разводя руками.
- И соответственно, грамотно взвесив все вышеприведенные позиции, получаем – путем нестандартного решения, по упрощенной однако формуле! – что нам крайне необходимо элементарно... выпить! – и ловко извлекаю из-под стола баллон пива.
- О, незаслуженно забытый сосуд мира и любви! – вопит Арто, а Жахни аплодирует...

А я быстро отвернувшись, подавляю готовый вырваться шумный вздох – о, Жанна, ответь же мне! Я жду-жду-жду твоего слова о нашем клипе... ну пожалуйста, поторопись!..

Лежу и брежу в темноте, перебирая в голове жирных червей навязчивых детских фантазий – хочу пулевое ранение в плечо... ощутить адскую боль, говорят это будто очень сильный ожог, и потом наверняка такая въедливая, неутолимая тянущая жгучая боль... а рана заживает очень медленно, и вся рука отнимается, и половина бока, и в сердце отдает дергающими импульсами муки. И гноится, и кровячки ужас сколько... куда как страшней, чем перерезанные вены! Ух, я бы испытал это! Готов даже заплатить, чтоб мне прострелили плечо! Но кто бы оказал такую услугу? Кому платить?... я не знаю. И продолжаю страдать безудержным бредом – хочу пулевое ранение... а потом, когда оно затянулось наконец, закрыл бы его татухой. Мне и так придется однажды покрыть все руки ниже локтей тату, чтоб скрыть позорные детские шрамы – унижение слабостью.

Да! Ещё... Хочу вырвать любимому прекрасные глаза... и дать ему в руки, чтоб ощутил какие теплые и липкие... аж скорчился на постели. Зажимая одеяло коленями и рот рукой, чтоб не закричать произвольно на всю квартиру! Стон все же вырвался и просочился сквозь сжатые зубы, сквозь укушенные пальцы... глухой и болезненный, и спазм горло стянул – не сглотнуть, слюни текут. Ах, едва не оргазм – вырвать глаза... хлупает кровь, течет по лицу... прекрасному нежному лицу! Я едва не кончаю, сознание мутится – и дать ему в руки, теплые и липкие его глаза... а-ах... сжимаю колени все сильнее... шипение само вырывается сквозь сведенные зубы, от почти нестерпимой боли – пережал себе хуй, корчусь, узлом завязываюсь, возбуждение...

- Глаза, - шепчу одними губами, и вижу Арто, у школьной доски, с кружевной лентой на шее, милый и аккуратный он пишет кровью – «гла-за», а я протягиваю руку и пальцами в воздухе вывожу «гла-а-а-за»... Он кивает и улыбается. Пишет «Вермишель», и достав из учительского стола кастрюлю, мешает в ней руками жирных склизлых червей.
О, как же полезно было научиться еще в школе неслышно, без единого вздоха кончать... сидя за последней партой. И даже трогать себя не надо... я умею одними лишь мыслями доводить себя.
Мама тихонько открыла дверь, и заглянула, а я истекал спермой и слезами (умея к тому же плакать так же бесшумно, чтоб нянька не позвала доктора с больным шприцем...), а мама стояла и смотрела вздыхая, а я даже не дрогнул, в оргазме.

xxx

Что-то знакомое... памяти у меня нет совсем, ведь с кем-то я уже играл? Вот черт, кругом то и дело дежа-вю, и чей-то отчетливый голос с прокуренной хрипотцой произносит:

- А давай поиграем в словарь извращения!

- *Совсем не помню, как провел детство... за что я лежал в диспансере. Загадка для меня, неразрешимая. Но наверное так лучше – витаю иногда какие-то обрывки и огрызки кошмаров прошлого. Да такие, что не хочу вспоминать, даже из интереса. Единственное, что отчетливо впечаталось – это прекрасный красный цвет... я очень хотел красного цвета. Все было некрасиво кроме него. А почему?..*
- *Русский ты потому что, - неуклюже пошутил Арто.*
- *Ерунда и чушь, ты же знаешь! – раздражился я. Вот блядь ведь какая! – Знаешь же, что никакой не русский я, а поляк в основном и литовец с немцем пополам!*
- *Ну что ты сразу злишься, - раздражился он в ответ.*
- *Да пошел ты, зачем меня все время доставать тупыми высказываниями!*
- *А я что, всегда высказываюсь тупо? И больше никак? – вызверился он. Смотри-ка ты – я аж присвистнул, уставившись на него огромными глазами – малыш умеет психовать? Шикарно! Надо бы его довести как следует, ему очень идет эта злость, с расширенными зрачками и гневными крыльями ноздрей. И изломанная бровь – однако!..*

Но я становлюсь бессилен, и ничего не могу, лишь вяло отмахнуться. Накрывает гадостная волна ощущения собственной беспомощной никчемности. Опустошает и заставляет чувствовать себя бездарным тупым ничтожеством его даровитость. Ведь он же еще и изобретательно танцует... и поет отлично, слух абсолютный, в 6 уже флейту держал. А я в 6 в дурке лежал... вот и всех достижений. Чем тут гордиться? Ревную его к творчеству. Я-то ни к чему не

пригоден. Малыш тащит меня, убеждая, что из меня получится музыкант... но я-то знаю, что из меня получится хуй собачий. И лишь извращения – мой верный козырь против его великих талантов.

- *Танатофилия, а нет, лучше тентакли!*
- *А это что?*
- *Ты хентай смотришь? – я вздохнул терпеливо. Придется снова объяснять.*
- *Ну, - кивнул он.*
- *Ну и вот, это такая хрень, щупальца короче. Но мне он не очень, если честно... кроме самого факта изнасилования.*
- *Аааа, а лесбиянки как называются?*
- *Юри, - снова поясняю я.*

А сам думаю – да, далеко по времени назад, в пятнадцать – хотя, выходит не так-то давно, но кажется... так вот, была у меня игра с самим собой. Я тогда еще был тотально одинок – и не было у меня удобных подружек, всяких интересных знакомств, и тому подобного. Я скрупулезно выписал в тетрадку по алгебре (где зачеркнул все формулы, и перевернув, вписал совсем другие упражнения для себя). На уроках, куда я еще захаживал, я задумчиво глядел в эту тетрадь, и пока другие школяры списывали с доски всякую цифровую муть, я всячески прикидывал планы по воплощению извращений в алфавитном порядке. Одноклассники думали как решить задачи, и я тоже. Но свои. Я сам себя обязал попробовать все доступные перверсии. Даже те, которые не привлекают. Вроде зоофилии. Но как-то не сложилось у меня с ней. Совсем она мне никак. И педофилия тоже неактуальна - сам еще дитеныш был... а сейчас уже неинтересно. Я нашел себя в садомазохизме... труп?... о, да... бывало... почти не считается? Ну... тогда нет. Но до сих пор очень хочется, гложет любопытство – а как это? Начал я конечно, как водится с А – анальный секс. Довольно простая вещь... но в то время трудновато было найти девицу даже для простого секса – я многим нравился, но отпугивал своей замкнутостью, и мрачностью. Однако ж, интернет здорово выручил меня... бондаж... усмешка сама наползает на лицо – как вспомню свои тренировки, на своей же правой руке... пыхтел и возился по два часа! Схемы все эти непонятные... толковую схему трудно найти. Но наловчился довольно прилично – как не крутись, не выкрутишься. Вот только проверить никак не удастся... И все же, я домин, я так считаю. Безжалостный правда, и игнорирующий правила... но власть – власть! О, даже от одного этого слова в животе скручивается и вспыхивает горячий ком... обожаю власть!

Да, а на букву В...

Где Арто? – вдруг будто сильно пихнули в бок. Я поднял голову и осмотрелся по сторонам – нет! Куда ушел?..

- *Арто! – позвал я, вскакивая. Холодом обдало – только что был здесь!*
- *Да, что? – вошел он, руки на груди, встревоженный взгляд.*
- *Уф, я что-то... - смущенно выдохнул я.*

Оказывается, снова так глубоко ушел в себя, что напугал Арто, и он предпочел тихонько выйти.

Мягко подошел, сел рядом. Как он беззвучно умеет ходить! Это я неуклюж с моими коцанными суставами, а он...

Взял за руку.

- *А давай с тобой попробуем воплотить все это?*
- *Что? – офигело посмотрел на него я. – Словарь?*
- *Ну... да! ведь для чего и нужен любимый человек, разве не для того, чтоб сбывались мечты?*
- *А тебе разве все это интересно? – осторожно посмотрел на него я.*
- *Ну, тебе же интересно, я знаю, - горячо закивал он: - Значит, мне тоже! Я очень хочу попробовать... ну... - тут он залился румянцем, так хорошо видном на его бледном готском лице.*
- *Хм... чтож, когда приступим? – взял быка за рога я.*
- *Сейчас! – запальчиво выкрикнул он.*
- *Что, тебе прям так уж неймется, - настала моя очередь стесняться. Немного странно все это выполнять с ним...*
- *Ну... да! а что нам мешает, быстрее начнем, быстрее свершим, и...*
- *Нет, но для чего же тебе это все надо, я то ясно, я больной дурак, а ты? – схватил я его за руку.*
- *Нужно, Ветре! - умоляюще заглянул он мне в глаза. – я тоже хочу как ты, а то ты крут, а я как котенок какой-то рядом с тобой!*
- *Ну уж прям так, - польстился я.*
- *Да, давай же, у меня и веревка есть, с того раза правда!*
- Я лишь кивнул, предпочтя не уточнять, с какого там раза... горячка схватила за сердце изнутри – ох, какие перспективы!*
- *Да, давай, а с какой позиции?*
- *Ну... на «А» уже было... бля, кажется, нам надо напиться для начала, я так не смогу, - взмахнул он руками. Я кивнул – это точно, такие вещи без бухла, просто не осилить! Но – а вдруг я нажрись и убью его в порыве черной страсти? Блядь, вот дилемма! Тяжело быть параноиком... все то мне страшно. Ничего, если убью – туда и дорога! – зубы аж сами сжались. Похуй. Сам хотел – так пусть не плачет! Или нет,. Пусть плачет! Пусть кровью пачкает мне стопы... а, черт, и глаза, глаза ему бы вырвать! Ебаная навязчивая страсть. На «Б» - что же там на «Б»-то было? Кроме бандажа от волнения ничего не могу придумать. Ну хорошо, только это будет очень жестокий бандаж!*
- *Вот... - моя жертва стоял передо мной в растянутой черной шелковой рубашке, с бутылкой водки в одной руке, и веревкой в другой. И оба предмета он протягивал мне...*

...Арто не выдержал и трети... жалкая сучка - аж губы кривятся в презрении. Тоже мне, извращенец. Не знает слово «фелляция».

И не выдерживает скакалки по рукам - едва-едва коснешься – сразу ну все, хватит, больно, не могу-не хочу. Но ведь Сашка хотела и могла! Блин. Как бы все свои любви объединить в одном человеке? Вот это был бы идеааал... тех, кто крут в сексе – не любил. Того, кого люблю, не могу заразить страстью исследователя! Только вспыхнув – уже и заканчивать пора. Сижусь на кровати, мусолю сигарету. И курить не хочется, и пустые руки занять надо. Арто закрылся на балконе, переживать неудачу...

Уф. Что за хуйня, а? Если б все вместе, лучшее из лучших собрать в одном – «вот это вот я понимаю, блядь, вот это любовь настоящая! Любовь, которой нет равных, ой как меня прет-то ебанный!!»

Надо встать, пойти к нему. Переломить себя ради него. Он еще хуже меня параноик. Сейчас совсем свихнется от страданий, что не сумел, не смог, обманул надежды...

- *Арто... - тихо постучался к нему. Он неожиданно быстро открыл.*
- *Да?.. – а глазки сухие. Умница, не плакал.*
- *Да ладно, ты не парься, хуйня это все, нам и так с тобой хорошо, а секс... это так, не самое важное!*
- *Ну... я просто хотел... чтоб ты... чтоб я... - судорожно вздохнул он и отвернулся.*
- *Да забей же, ну нахуй это все, подумаешь, блядь, чушь какая! – я хотел обнять его, но не стал. Как-то все неуклюже... черт. Нет, все-таки, было бы лучше как-то больше не встречаться. Только вот не знаю, как... нарушил мою извращенскую жизнь. Разбил тотальное привычное одиночество. А дать то, что отнимает – не может. Сам понимает. Злость подспудно подпирает. Но жалко его все равно... а он вдруг раздражился, плечом дернул. Аж волной обдало от него. Я хотел было уйти – ну ладно, хуйли, раз мои откровения здесь ни к чему! – но он не глядя на меня, поймал за руку. Блядь, да теперь-то что надо?*
- *А почему все-таки Арто, а не Артур? – спросил давно интересующую вещь. Надо же что-то спросить, вот и повод.*
- *А потому что средний род, заканчивается на «о»! – презрительно, с каким-то едким сарказмом бросил он мне под ноги, не поднимая головы. Это его «о» как ком грязи шлепнулось и размазалось по полу.*
- *А... - только и ответил я.*
- *Бэ, мать твою за ногу. И все остальное!*
- *Да пошел ты нахуй вообще! – я резко вырвал руку и утопая в злобе и ненависти вышел вон. Издевайся над собой, ебанный ты трижды средний род!*

xxx

- *Превед, кагдила☺ - пишет мне в аську Эрот.*
- *Детка, что за пошлый тон? – пишу я в ответ, и рисую смайлик с огромными «возмущенными» глазами.*

- Ну, Ветроний в своем репертуаре!
- Сама как? – пишу я, желая поскорее завершить разговор – мне вот-вот должен звонить Арто.
- Я начала препода по вокалу посещать, теперь каааак запоюУУУУ!!!
- УУУУ запоешь☺ - пишу я, и тут мне мама стучит в дверь:
- Ганя, тебя Артур к телефону!
- Ага, иду, мам! – отвечаю я, и кидаю Эроту:
- Я пшел, давай попозже выползай кароче

Поговорив с любимым, счастливый вышел на кухню, обнял маму, возившуюся у плиты, она вся как-то сжалась... меня подрезало изнутри – что?? Опять не так всё?

- Что мам, все нормально у тебя? – и поспешно сев за стол, принялся ковырять какую-то булку.
 - Да, сынок, - ответила она. Блин, сроду сынок не называла. Все «сЫнка» или «сЫночка». Че за херня...
 - Чай будем, мам? – спросил я как можно беспечней.
 - Ну да, конечно, и если кушать хочешь, бери, я худеть буду, нельзя после шести кушать.
 - Шести булок? – тупо пошутил я, и криво усмехнулся.
 - Да нет, рюмок, - рассмеялась она, и поставила на стол... баттл вермута. – Давай по маленькой, за удачу, мне сегодня заказ очень крупный принесли! - и подмигнула мне, так озорно, родная моя. Самый близкий человек! Я вскочил и обнял её.
 - Ой, мамуль, как круто!
 - Да, глядишь, на море наконец с тобой поедем, позагораем! – вздохнула она. – Как в детстве, помнишь? Иль нет, ты маленький был ещё...
- Я покачал головой, конечно не помню. Тогда с нами ещё папа был и бабушка. Совсем малой.
- Ну, давай, хоть тебе и мне нельзя, но мы по чуть-чуть, ниче нам не сделается, - подняла стакан мама. Я улыбнулся ей, и мы чокнувшись, выпили. Я давно не ел, и сладкий вермут потек благодатной волной, сразу в голову... за первой вторая, я расслабился, весело болтая с мамой ни о чем, и вдруг, она вздохнула, и... говорит осторожно – а вы с Артуром не того... не голубые? Меня от этих слов всего сжало изнутри. Я сделал огромные глаза, и самым естественным тоном ответил – что ты, мама? Как вообще можно было подумать!! Деланно хмыкнул, пожал плечами, показывая – мне все равно, и подобное предположение настолько глупо, что и реагировать на него как-то особо нет смысла.
 - Ну ты даешь, ма! – небрежно бросил через плечо.

Нельзя, чтобы она знала. Поспешил уйти, не дай бог, заметит по лицу, что права. Но закрывая за собой дверь, услышал тяжелый вздох. Знает. Черт!! Какой кошмар... я встал за дверью, прислонившись спиной к косяку, закрыл глаза. А на что я рассчитывал? Увы, как ни кошмарно, мать всегда знает все. Аж волосы дыбом – это же чистый ужас, пиздец просто! Оттого и хочется вернуться в квартиру, упасть в ноги и целовать – о, мама! Ты и таким меня любишь, даже все зная! Но откуда у

такой святой женщины такой сын? За что ей столько боли и позора? И сцепив пальцы, и сжав зубы – идешь все дальше, не в силах извиниться – все равно *это* вслух не скажешь, за *что* извиняешься! Нет. Может быть, потом...

xxx

Я очень люблю, когда губы Арто обкусаны, отчего они припухают и алеют на его бледном анемичном лице. Это очень красиво, и он любит, когда я его кусаю. А я буквально не могу себе в этом отказать. Мало того, что это очень приятно – кусаться в порыве страсти, так ещё и потом любоваться на его пухлый рот в следах моих зубов. Я будто помечаю Арто, как свою собственность. Я не был ревнив никогда, в жизни ни разу не ощутил не единого укола и считал все эти инсинуации влюбленных просто гадостью и ерундой, полагая, что вообще никакой любви просто не существует. А одна лишь похоть, и то ненадолго – а если надолго, то тут уже действуют разные странные законы – общие интересы, дети (не дай бог), и прочий кавардак бытия, повязавшись которым людям просто лень или лишняя морока расставаться. В общем, максимум, что являет собой любовь земная – это привычка, привязанность. Но... в последнее время я жестоко замечаю за собой совершенно новое и страшно неудобное состояние – я ревную. Иначе как ещё это может называться? Я не желаю, не хочу и даже не могу делиться *своим* ни с кем! Мне неприятно, что Арто общается с кем-то ещё помимо меня, будь это даже его драгдиллер. А уж девки и вовсе исключены! Найдя в его аське (каюсь, рылся в его контакт-листе, пока тот ходил за пойлом) какие-то женские ники, я сжался болезненным и гадким чувством – как, ты ещё с кем-то контактируешь? Но я не хочу тебя делить. Ах, ты просто общаешься с ними? Что значит, общаешься?... тут я с ужасом обнаружил, что говорю (пусть и мысленно, не вслух, не дай бог) как девка! Мелочная придирчивость, поджимание губ, требование видеть в мире вместо всего сущего одного лишь меня – не это ли бабские замашки? О черт... Но я не знаю, что делать. Я ревную. Я желаю, я хочу – я приказываю в конце концов, чтоб ты, Арто, был только моим! Моим и ни чьим больше! Ни с Жахни, ни с однокурсниками, ни со случайными прохожими – вообще ни с кем, ты понял меня, ни с кем!! – не буду я делить тебя. Или я убью тебя.

- Ну, я дома! – пишу снова в аську Эрот.
- Ура-ура☺ - отвечает она. – Дык кагдила-то?
- Да вот, гуляли с Арто, а ты че, так и не вылазила из компа до сих пор?
- Неа. Не вылазила, я всю ночь материалы фотосессии отсматриваю, че хорошо, а че отстой.
- Разве у тебя могут быть отстойные фотки, детка?
- Ну, я же тоже человек... типа
- А я типа не очень
- Как Арто, как че?
- В смысле? Вот мама заподозрила про нас

- Что вы вместе?
- Ну да... спросила вчера, что типа за х-ня, вы не того?
- Хм...
- А отчего бы тебе реально деффку не завести?
- Какую ещё деффку? Я его люблю
- А...
- Вот тебе и а. Любовь, Эрот, такая штука... это не выбирают. Это просто есть. И жить без этого не возможно, что бы раньше не говорил, как бы не гнал – я ошибался. Он нужен мне. Я представить не мог, что такое вообще возможно. Но вот – и я попался...
- Где ты нахватался такого пафоса☺ я пацталом ваще, ну и траблы...
- Ах, тебе смешно! Ебаная ты сука, - написал я и отключился.

Она прислала мне смс-ку, которую я прочитал лежа в кровати: «Ну прости... я дура». Я усмехнулся, давно не обижаясь ни на кого на свете – только для собственного удовольствия. «Не за что. просто я думал, у меня есть друг. Я ошибался». И выключил телефон тоже. Пора спать. Меня ждет мир сладкого ужаса и отвратительных прелестей – мои сны...

Так и вышло. Мне приснилась Сашка. Какого вообще... я её вспомнил?? Я и не думал о ней давным-давно. А вот поди ж ты... моей жизнью все так же правят женщины. И похоть.

...Она скакала на монгольской лошади, голая, маленькие груди вздрагивали в такт, она терлась о спину животного, и прикрыв глаза, кусала губы, сдерживая оргазм – я отлично это знаю, я не раз это видел, когда шарил в ней пальцами за углом на улице, где нельзя стонать, - и вцеплялась в гриву лошади, как бывало мне в волосы... я проснулся в липкой лужице.

Арто ведь тоже баба, хоть и не признается. Но у него женская душа, женское мышление. И сам он женщина, да еще и такая, каких мало.

- Приезжай, ты мне нужен! – сказал он в трубку деловым тоном, но так неосторожно судорожно вздохнул при этом... что я бросил все, и помчался.
- Привет... малыш, - сказал он, в дверях, зябко ежась. Я весь сжался – че это он? Что-то не так. Назвать меня вслух малыш... обычно он сдержан, и говорит ласковости только на ухо и в моменты... ну, понятно.
- У меня мать уехала, а мне плохо, вот... - и он неловко обнял меня, уткнувшись в душу. Я погладил его по лопаткам, и сглотнул вязкую слюну в приступе голода. Сам не знал, как дико соскучился за каких-то... сколько прошло? Не помню. Поднял его лицо, и поцеловал в холодные губы. Он едва заметно задрожал. Сразу накрыло – удушить. Но в такие моменты мне начинает казаться, что я могу провести с ним всю жизнь. Тем более, что жить мне немного, так что не трудно будет!
- Значит, будем ночевать? – спросил я, непринужденно. Он кивнул.

- Да, там водка есть, извини, что дешевая и есть нечего... плохо мне что-то, мать ниче не купила, а мне идти худо...
- Похуй, забей, - раздраженно отмахнулся я, стесняясь своего влечения. На шее его стучат сосуды. Губы его обкусаны. Руки его сложены на груди, лопатки торчат, ключицы под футболкой, волосы за ушами - маленькими девчоночьими ушами... о, яду мне! А вот он – яд. Пей... демон мой жрет кишки. Я отвернулся.
- Давай, тада, тянуть не будем, мне тоже нехорошо, начнем пить. А потом я тебя убью... любовь моя.

- *Мое имя – иероглиф, мои одежды залатаны ветром...* - умиротворяюще поет моя любовь, подыгрывая себе на гитаре. Я не пою, я молча пью. Худо мне. Хочется исчезнуть отсюда, за тридевять земель... я терпеливо заливаю нутро теплой водкой.

...все лицо мое в сперме, и на грудь стекает. Пиздец, и откуда её так много! У меня же столько не бывает, блядь, почему тогда у него ее столько?

Я стою на коленях перед ним, в ошейнике. Он не хотел, но я настаивал. В какую грязь бы я до сих пор не упал, мне, уроду, все мало, мало!! Блядь, блядь, зубы сжимаю так, что вот-вот хрустнут и сломаются. Презираю себя, и тошнит от него. Закрыв глаза, и смотреть на него не могу... хотел испытать границы своего терпения, и чувствую – перегнул, не надо было затевать эту игру, сознание мутит гнев, и злоба – блядь, да отойди же уже от меня, я прибью тебя, ну неужели не ощущаешь? Уйди, уйди, ублюдок, тварь, неужто ты поверил, что я способен быть твоим рабом!

Он склонился надо мной, и протянул руку – я поднял глаза, и что-то увидел он в них, такое, что аж отшатнулся, лицо его дрогнуло, а я вскочил тогда, сорвал ошейник, и отшвырнув вон, вытирая лицо ладонями, ушел в ванную. Я не закрывал дверь, пусть он слышит, как с омерзением отмываю я изгаженную кожу свою... долго мылся, так долго как только мог, все прислушиваясь, где он, и очень боялся, трус, что униженный и наказанный за свое доверие ко мне Арто придет за мной. Тогда я заору на него, прогоню вон, и даже может быть побью. Руки сами сжимаются так, что ногти впились! Но он не шел... я постоял в темноте, утерся полотенцем, и на цыпочках, тихонько прошел в комнату. Арто там не было, но я легко понял, что он на балконе, и осторожно выглянул туда... на подоконнике дымила полускуренная сигарета, а сам Арто, полуголый и жалкий, вздрагивая острыми плечами, тихонечко рыдал уткнувшись в сложенные на перилах руки... я непроизвольно протянул руку, жалея его, но тут же отдернул. Он сам виноват. Не нужно было со мной связываться...

- Я же обещал уничтожить тебя... малыш! – беззвучно прошептал я одними губами. И вышел, задернув штору у него за спиной.

А среди ночи я сидел и глядя на спящего него, плакал. Тихо и безудержно горько. Все нутро мне заливали слезы, море отчаяния топило сердце... горько, горько, глотать трудно, сцепив пальцы на коленях, корчась – я любил его, и держался как каменный, чтоб не вздрогнуть, не разбудить... пьяный малыш, мразь моя божественная, не

догадывался ничуть, что я подыхаю, как собака возле него, и вою беззвучно, и тону... нет спасения – я люблю. Парня. И это навсегда. Плен, ад, позорный огонь.

- Я люблю тебя! – прошептал я так тихо, как только мог, протягивая дрожащие пальцы. И вдруг все кости вынули – тело ослабло, обессиленное дрожью и напряжением. Судорожный вздох скрытой истерики вырвался из груди, заболело сердце, и я тихонько лег рядом с ним.

...очнулся от звонка в дверь. Нет, кто-то стучал, ломился. Побрел уныло и зло, в одних трусах, опухший и мятый, представляя, а если артовая мамаша вернулась? Ну и в пизду её, хехе, сука драная. Я спал-то часа два, наверное, мне все равно сейчас. Распахнул дверь резко, и замер – девка. Будто ледяным ветром обдало – девка? Какая девка? Зачем? Глаза мрачные, смертью тянет. Вроде где-то я её видел. Даже не девка а скорее молодая женщина.

- Можно, я войду? – голос хриплый и низкий, точно из могилы.

- Войди... - я растерялся немного. Она скоро умрет. Это ясно как звездная ночь. Вошла, разулась, бросила куртку в угол, прямо на грязные ботинки на огромных каблуках.

Прошла на кухню. «Не надо, наверное, в чужую квартиру кого попало пускать!»

- А Арто где? - спросила, мрачно шаря по столу, нашла сигарету, закурила, сплюнула в раковину, попила воды из-под крана.

- Нету, - спокойно ответил я, складывая руки на груди. Памяти у меня нет, а то я бы точно вспомнил, кто это. Но я её точно знаю.

- Че так смотришь, Ветер? – усмехнулась она. – Дай лучше водки!

- У меня нету, - пожал я плечами.

- Да все у тебя есть, ты ж с Арто живешь, знаешь, что там, в мамином шкафу в лифчиках всяких початая всегда лежит!

- Нет! – офигел я. – Первый раз слышу!

- Ха, ну неужели! – издевательски всплеснула она руками.

- Давай, покажу! – и прищурившись, схватила меня за запястье, больно так сжав, потащила в спальню Артовой мамашы. Я не сопротивлялся – интересно было, что будет дальше.

- Вот, смотри! – разворошив, ловко вытянула она бутылку прозрачной, вместе с намотавшимся на горлышко крошечным лифчиком.

- О, лифтон как у меня, - развеселившись, помахала девка им. Свинтила крышку, и смачно отхлебнув, не поморщилась.

- Будешь? – радушно протянула мне, и сморщила нос, как маленький ребенок. Страшный ребенок, мрачный ребенок. Тут только я заметил черные тени под её темными глазами.

- Давай, - согласно кивнул я, протягивая руку. Отпил немного, гадость полувыдохшаяся.

- Ну пошли, чтоль, покурим!

- Пошли, - и двинулся за ней в сторону кухни, она неловко вильнула худым бедром, ударилась, шумно вздохнула, сжала кулаки, и пошла дальше, на кухню. Сели, закурили. И мне в общем-то было уже неинтересно, кто она такая.

- Короче, я пришла сюда покончить с собой, - сквозь зубы сказала она вдруг, я аж дымом поперхнулся и закашлялся.

- Круто! – кивнул, придя в себя.

- Вот, смотри! – и она грохнула на стол завернутый в резиновую перчатку медицинский скальпель.

- А что ж так-то? – спросил я, совершенно обыденным тоном, будто он о мужа ушла, или ещё что-то. А может и так, конечно. Для баб это трагедия «намба уан».

- Я – паталог, танатолог стало быть, - сказала она бесцветно. – Ой, водку забыла! – всплеснула она руками вдруг, оживляясь. – Сходи, пож-жалуйста, принеси, а?

- Щас, - кивнул, поднимаясь я. Человеку реально больно, видно же.

- Вот спасибо, дорогой, - кивнула она, когда я протянул ей просимое. – А то спирту хотела взять у наших ребят, да с горя забыла..

- А что за горе-то, - спросил я, снова обыдено, закуривая вторую.

- Да любимый у меня умер, понимаешь ли, - пожалала она плечами, и отвернулась к окну, прищулив глаза без единой слезы.

- А-а, протянул я, тут только замечая у неё за ухом темное пятно. – а это кровь у тебя?

- Где? – непонимающе уставилась она мне прямо в глаза.

- Да тут за ухом, - показал я сигаретой.

- А, наверное, я ж резала его сегодня, - оближи, если хочешь!

- Можно, - кивнул я и потянулся. Воняло от неё далеко не кокетливым парфюмом. Смертью, вот чем. Точно. Но я слизал черное пятно, привкус несвежей крови растекся во рту. Она тихо пискнула и вздохнула:

- Обожаю, когда мне за ухом лижут...

- Да, я тоже, - кивнул я, и запил гадство водкой.

- Это его, или твоя кровь?

- А? – посмотрела она на меня, глаза её помутнели, взгляд потерял остроту и запредельность. – Его наверное, я-то не резалась ещё, только собираюсь, - и все та же равнодушная обыденность.

- Ясно, - кивнул я. Ну и разговорчик, она пожимает плечами, я киваю. Как в дурацком театре.

- Ну и вот, его родственники отравили, а я вскрывала... - тут она впервые заплакала. Ну как заплакала, уронила одну крошечную слезу. И то, кажется, от водки, не от горя. Горя в ней не было, в ней была смерть.

- Как-так? – посмотрел на неё пристально я. Может, сочиняет, может, она сумасшедшая просто? Но нет, просто ничего не бывает, в таких делах.

- Да так, как-то... он в моем районе жил, мне и положили на стол. Я ж даже не знала, что он умер. Ну как, тошно-то было, да я подумала – заработалась уж, кругом смерть мерещится. А тут... - и она отвернувшись, махнула рукой.

- У меня коньяк есть, будешь? – спросил я.

- А у меня шалфей, если хочешь? – всхлипнула она.

- Шалфей? – поднял брови я.

- Да нет, это он так говорил, в последний раз по телефону, мы с ним погулять договаривались. – последние, так сказать, слова... - как дурная актриса всплеснула она руками.

- Ой, бля-ядь, - вздохнул я. Мне стало невыносимо тошно. Я сдернулся за коньяком. По дороге нашарил штаны, повешенные на дверь, нацепил – как-то неуютно перед человеком в отчаянии сидеть почти голым. Тощие палки свои демонстрируя. Принес коньяк, поставил на сто. На сегодня с Арто приберегли, вчера хватило и пива с портвейном.

- Спасибо, - сказала она, взяла бутылку, открыла, и разом вылила в себя почти половину. Ничто не изменилось в её лице, когда она возвращала мне бутылку.

- Ах как мы пили, Ветер! – счастливо улыбнулась она вдруг. – Жаль, Арто нет, может, и не увижу его уже! Ты его любишь? – подперла она щеку, глядя, как я допиваю коньяк.

- Да, кивнул я.

- А у тебя не было мечты, знаешь такой... - она пощелкала пальцами, будто подыскивая нужное слово.

- Были, всякие, - кивнул я, хмелея.

- Нут, ну всякие-то были, знаешь, а такой! – она описала руками широкий круг в воздухе. – Зарезать любимого, выковырять скальпелем ему глазки нежные, каре-зеленые, как недозревший крыжовник...

- Как вишенки, - поправил я.

- Ну, у Арто, как вишенки, да... - улыбнулась она, и покачнулась на стуле. Совсем пьяна.

- Не-а, не совсем, - покачала девка головой, и я удивленно посмотрел на неё – что, мысли читает?

- Я пить знаешь как умею, ого-го! – подняла она палец, как хвастливый подросток.

- Ну так вот полазить, пошарить, поцеловать его изнутри, за печенку подержаться, за сердце горячее... - она изображала все это руками, а я застыл в восхищении – ах, как точно она все угадала!

- Мечтал, мечтал! – чуть не взвыл я, но вовремя прикусил язык.

- Да? – посмотрела она на меня подозрительно. Голодная бездна её глаз, чуть подернутая алкоголем, чуть не пожрала меня в тот миг.

- Да, - кивнул я, и опустил голову. Ну что за женщина, зачем она пришла беречь мне раны, своими горькими мечтами?

- Ты так и сделала, – посмотрел я ей в глаза.

- Да, - кивнула она, взяла пустой баттл коньяка, посмотрела на свет через него, - о! - и отпила последнюю каплю. Та, медленно, как грязная слеза, стекла в её горло.

- Да, я так и сделала, - грохнула она бутылку об стену, осколок прочертил мне плечо, я дернулся. – Только вот сердце у него остыло уже. Процесс обычный пошел, никакой романтики, - пробурчала она в сторону недовольно.

- Молодец, - кивнул я. Раскивался, дурак. Тут такое, а я киваю. Может, она и меня убьет? Я поверил ей, что она реально расчленила своего любимого, а что бы и нет, с такими глазами. Я бы тоже терзал Арто, если б мог...

- Завидую - вздохнул я.

- О, да, это было что надо! – сказала она, и хлопнула ладонью по столу. – Ну, я пошла, пора!

- Куда? – схватил её за запястье инстинктивно я.

- Не хочешь, чтоб уходила? – усмехнулась она. – ну хорошо, посижу, вроде могу ещё.

- Так вот! - закурила она. – Мне 28 лет, я уважаемый профессионал, старший танатолог, старая наша паталогша умерла надясь, и милый мой вот тоже, я потому и заставила его ко мне на стол положить. Там молоденький практикант собирался пошариться, да я себе забрала, напоследок-то, да и воспользоваться не грех таким случаем, это ведь один раз возможно, если возможно вообще, что вот так... - она развела руками, и покачала головой. – А молоденький этот, за мной все бегал, ну я как управилась, так ему сказала – иди, убери как следует, дочисту! Побежаааал... вот этой штучкой и резала, - помахала она скальпелем. - Будто по живому. Как он орал во мне, что ж ты делаешь, стерва? Прямо как живой, - усмехнулась она. – А горе-то какое, Ветер! Ой, горе-то, - всхлинула она, но тут же улыбнулась, безнадежной улыбкой суицидника, человека с той стороны.

- Так о чем я? – спросила, помолчав.

- Тебе двадцать восемь лет, - спокойно напомнил я.

- Да, и моя самая страшная мечта, самая сладкая греза воплотилась... первый раз, когда я его встретила, второй раз, сегодня ночью самая долгая и пиздатая наша ночь! – она говорила и уже не замечала меня. Вдруг встала, и вышла. Я посидел как-то время, и прошел за ней. Нашел её на балконе. Откуда-то тянуло горьким дымом. Кто-то что-то жег во дворе. Город просыпался, рассвет затоплял все разбавленной кровью. Её кровью... сестры и лучшего друга Арто. Я вспомнил её. Мы виделись мимоходом пару раз. Арто восхищался ей, с восторгом говоря – дура! Такая дура, и извращенка, паталог... ей бы детей рожать, возраст, но как девчонка все бежит. И вот - всё, не родит она никого. Она истекает кровью, перерезанная вдоль скальпелем, тем самым, которым воплощала Мечту – пошарить в кишках любимого. Она прижимала к себе как ребенка кровавый пакет. Что там – хотел было спросить я, но не решился рот открыть. Я просто вышел, оставив её умирать на балконе. Ей так надо. Я здесь не нужен. Пусть уйдет в Ад спокойно, уплывет туда на своей крови.

Через полчаса я решился заглянуть к ней снова. Она была уже мертва. Точно. Пакет выпал из её рук, и лежал на коленях. Я поднял его, раскрыл, такой скользкий от крови, и заглянув туда, чуть не вскрикнул – там лежало сердце. Человеческое – я точно понял. Его сердце, уж точно. Медленно и аккуратно, я извлек его, повертел перед глазами, и положил обратно - вернул ей, сложив руки так, чтоб она и дальше обнимала его, унося с собой по скользкой от крови дороге в Ад...

Мне не нужны его страдания. Я просто оделся, допил водку, выкинул сердце собакам, из окна спальни Арто, выходящее во двор. Вылил ведро воды, обмыв балкон, прихватил скальпель, чтоб бросить в мусорку по дороге, развернулся и ушел. Стрельнув у покойницы сигарету. Не хочу, не буду помогать Арто справляться с его мукой. Возможно, он сойдет с ума, когда увидит труп своей любимой сестры. Возможно, ему будет нужна помощь. Но меня не окажется рядом. А если он ебнется. То сам все постигнет. Как это больно, как скручивает живот, и завязывает узлом сосуды в мозгу, как плющит по кровати боль и тошнота, и озноб, и ломит суставы... и уже не скажет, что я больше выебываюсь, чем на самом деле псих. А мне похуй.

- Ты знал, ТЫ ЗНАААЛ!!!! – орал он, и бил руками в стену, брызгая кровью, и трясясь всем телом. Злоба и горе разрывали его на моих глазах, а я молчал. – Как ты мог, мразь, гнусная мразь оставить её одну, вообще отпустить её на балкон, о господи, как ты мог?
- Если она такая уж сумасшедшая, так почему не легла в больницу, - прищурившись, спросил я.
- Да ты че!! – резко приблизился любимый ко мне, и с такой ненавистью и злобой заглянул мне в глаза, что я едва не отшатнулся. Но удержался. Мне похуй.
- Ты просто мразь, Ветер, запомни это раз и навсегда, мразь убогая тварь, нет, ты ещё ниже, ты бросил её, ты дал ей умереть.
- Ей *некуда* было жить, она осуществила запредельную мечту... - начал было я, но он размахнулся и ударил меня по лицу, так, что из разбитой губы потекла кровь. Я тронул языком – зуб шатался. Открыл рот, и двумя пальцами аккуратно вынул нижний зуб.
- На! – протянул ему, он брезгливо дернулся.
- Меня от тебя тошнит, гадина, - сплюнул милый мне под ноги.
- Как хочешь, - пожал я плечами, положил зуб в карман, и развернувшись, пошел прочь. Меня мелко трясло изнутри...

Ушел не оглядываясь (наверное, надо было сесть в троллик и уехать, но стоял в стороне за остановкой, и смотрел, как он уходит. Все дальше, и не оглядывается!) нащупал зуб в кармане и хмыкнул – отдам маме, пусть оправит в серебро, а потом отправлю ему, на память о «любви», а мне больше от него ничего не надо. Отбрыкаюсь, и тогда уж расскажу маме эту историю – вместе посмеемся, что за бред? Мама, мама...

Потом - сильно потом, скукожившись и иссушив себе нутро стыдной болью, три раза кидал ему сообщения. «Привет! Как ты?... прости меня, я осознал, что не надо было... давай поговорим?»

Ответа не было. Я хватался за телефон каждые две минуты, чтоб посмотреть, не пропустил ли случайно смсочку. Пустота. Пустота в телефоне, пустота в душе.

«Я понимаю, что не достоин прощения, но все же – давай встретимся и поговорим, если ты захочешь расстаться – это справедливо, но скажи хотя бы об этом!»

Руки дрожали, я ходил туда-сюда, глядя в спящий телефон, и поминутно вздрагивая от напряженного ожидания. Боже-боже, я уже наказан, неужели мало, ну ответь же ты мне!

«Арто, я прошу тебя...» - написал я и стер. Потом написал снова, отправил, и не в силах выносить эту муку, швырнул телефон на кровать, так торопливо, насколько только мог, зашнуровал гады, и выскочил из квартиры. Бродил везде, где можно было случайно его встретить... боялся, так боялся... все надеялся. Иссох весь изнутри. Бил руки о стены. Рвал душу... со всей дури мчался домой – вдруг там смс от него??

Но он не отвечал...

- Да и пошел ты в пизду!! – зло прошипел я длинным гудкам в трубке. Лег зубами к стенке, и затих. Зашла мама... спросила, не надо ли чего. Попросил снотворного. Она принесла, я выпил. Попросил ещё. Она отказала. Я кивнул. она ушла, я вытащил из под матраса ещё пару табов. Сжевал, проглотил – чуть не вырвало, ну и мерзость. Но надо. Спать, блядь!! – заорал я своему организму.
 - Ганечка, к тебе девушка! – аккуратно потрясла за плечо мама. Как угадала – я тока пару секунд как вынырнул из мутного омута тяжелого сна. И дошло – какая нахуй девушка? надо мной нарисовалась наглая рожа Жахни.
 - Фу, блядь, а я думал, реально девушка, - проворчал я, садясь на постели.
 - Спасибочки вам, мистер! – окрысилась она. Мама вздохнула и тихо вышла.
 - Это че, как анекдот – где дама? – пихнула она меня в бок, садясь рядом. Че вот так всегда – и никто не придет проведать, хоть ты скока дома валяйся, друзья, мать их, одна тока эта тупая шлюха!
 - Че, выходит, тока ты мне и друг... - сказал я, развязно кладя Жахни руку на ляжку. И внутренне вздрогнул, подумав о нем. Где?..
 - Ну, наверно, - пожала она плечами. – Без тебя бухать как-то не то, не побарагозишь толком, отстой какой-то, - вздохнула она. – Пойдешь сегодня?
 - Прям щас, - кивнул я.
 - Пошли! – радостно вскочила она. Боец аморального фронта, всегда-то в бой готова! А мне бы его увидеть... больно до спазмов в горле!
- В парке Якутова уже орали песни некие челы... и Арто. Ноги подкосились. Я подошел как ни в чем не бывало. Он излишне громко засмеялся. Ах, ты сука! Я сделал вид, что мне похуй. Так и ходили вокруг, лишь сказав просто – здравствуй, и все. Ааааа, хотелось мне орать. Он спросил, нет ли у кого воды. Я сказал, что у меня деньги есть. И мы пошли за водой. Я осторожно взял его за руку. Он не отнял. Тиски внутри разжимались... ещё немного.
- Где ты был?
 - В Оренбурге!
 - И че там?
 - Да так... от тебя подальше, - и нежно пожал мне пальцы.
 - Я весь извелся, где ты, что ты? – тихо сказал я под ноги.
 - А я... Вот, я решил что если ты попросишь о разговоре три раза – поговорим. И ты попросил! Ну не чудо?..

Уф. Я вздохнул и отвернулся, держась, чтоб не плюнуть снова. Что за бабские манеры? Ненавижу его. Не надо было мириться! А опустить не могу. Просто не могу.

- Да просто перестань его любить, и все! – цинично пожала плечами Жахни.
 - Не хочу, - покачал я головой.
 - Ну, как знаешь, - кивнула она.
- «Сосчитай плиз до десяти, прежде чем сказать!» Да пошел ты! Сука ебаная, ненавижу! И люблю, люблю со всей своей психической силы! Страшно люблю. Зверски. Растерзал бы! Не беси меня... умоляю, не беси!

xxx

- А я сегодня не могу, мне опять в ментовку идти!..
- Зачем?
- Сам ты зачем... Гавриил, не начинай! – голос сухой и напряженный.
- Ах, да-а, точно, прости, прости!

Острое, колкое возбуждение от его боли...

Метался туда-сюда, пока не оказался рядом, и не удушил сладко-сладко... Подъезд, подоконник, глаза в слезах. Его слезы у меня на губах, его горе у меня на языке.

Усадил его на подоконник, а он обвил меня руками и ногами, как девчонка, а я терся об него как малолетка, и сжимал так что больно дышать, а он скулел, тонко и трогательно, как девочка... девочка... от наслаждения сохло во рту, и было больно, очень больно внизу живота, но я терся и терся об него, не имея возможности просто выебать...

- Малыш... - смущенно в небо, и вздохнул. – Я всегда мечтал, чтоб меня... - срываясь на шепот, - чтоб меня вот так...
 - В подъезде?
 - Да, изнасиловали как школьницу... как сучечку, - с глазах смущение и горячая собачья благодарность.
 - Я рад, что угодил тебе... Я тебя люблю.
- Мне с ним хорошо. Единственно с ним.
Мы вышли не скрываясь. Пусть смотрят.

xxx

Тока мы помирились... все должно быть ну прям так хреново! Обломалось мое счастье. Уехал Арто на месяц.

Я еле вытерпел на транках. Достали флэш-бэки. Сашка, Алиска... Бабуля... Но я не буду о них. Сейчас важнее другое. Месяц прошел. Арто позвал к себе – его мать уехала, а ему надо оставаться там.

И вот я на вокзале. О, черт. Он не идет. Я звоню, телефон на последнем издыхании. Лишь бы успеть узнать, что с ним.

Я ждал, я ждал черт знает сколько. Внутри знал, что все нормально. Надо только дождаться. Но когда он-таки появился – трезвый, целый, здоровый, просто вместо 18.00 в 1.45... я сказал привет. Он рассказал, что уснул в электричке, и все такое... шел пешком через весь город... «Вот прочему я чуял, что идет, лишь не понимал – откуда так долго?»

Убил бы! Руки дрожали. «Я знал, что он цел и жив!» Но...

- Арто, мне бы водки сейчас стакан...

Интроверт я.

Вот так вот я поплатился за то, что я – это он. А он – это я. Я тоже так поступаю. Так хлебни же своего дерьма, Ветер!! Потому и молчу. Нет у меня морального права его упрекать. Да в пизду это все. Убейте же меня, ну хоть кто-нибудь...

Арто записывал альбом, памяти сестры. А в перерывах мы извращались. Я рисовал карандашами разные мерзкие картинки, оправдываясь, будто это наброски для обложки. Но чувствовал, что это полная туфта. И вообще все туфта, что я делаю. Я не музыкант – и мне совершенно ни к чему привязаться рядом с ним. И не желаю делить с ним его горе, мне это слишком. Хрясь – и карандаш сломан. Руки дрожат. Изнываю, извожусь от невысказанного чувства – как же мы далеки на самом деле! Мне плохо с тобой, и если б не проклятая, до дыр заебаная любовь... из зеркала смотрят на меня несчастные запавшие глаза. Любовь – это рабство, границы, клетка! Ебаная необходимость заботиться и советоваться. Унижение! Брось меня, пожалуйста, ведь сам я не могу! Как бы сказать тебе, что я уже и не хочу тебя... так как раньше, в начале. Угар прошел! Довольно... ах, что же мне мешает уйти? Просто не уверен, что не захочу вернуться! Выбил ты стул из-под ног повешенного...

xxx

Сухие губы резали воздух.

- Где, блядь, эта Жахни? – раздраженно шипел я. Ужасно устал, у меня болела сутулая спина. Мы провели целый день на улице, тусуясь на Дне города.

- Дерьмо, блядь! – поддакивал Арто. – Вот ты сколько раз у неё был? – повернулся он ко мне. Я поднял голову к небу. Стремительно темнело.

- Раз пять или семь!

Арто взял меня за руку. Глухая змея злобного раздражения зашипела во мне. Хоть в принципе район отдаленный, безлюдно и некому на нас смотреть.

- Во-во, и я примерно столько же, а найти не можем, че за хуйня? – вздохнул он.

- Да вот хуй знает! – я заглядывался по сторонам мозги всмятку – вообще ничего не узнаю вокруг! То ли мы реально не туда забрели, и мурашки-водитель в маршрутке зачем-то коварно наебал нас и высадил не там. То ли мы оба допились и докурились, наглухо отъехав крышей. Но мы бродим уже часа три, ночь вокруг, стертые ноги отваливаются, желудок сводит от голода, болят вены от тяжело пульсирующей в шрамах на руках крови. Мы не спали две ночи – колобродили. И вот, жахни по-идее ждет нас на вписку, а у нас разряжены телефоны!

Пиздец...

- Скажите пожалуйста, а трам-пам-пам – мы правильно идем? - уже привычно оттарабаниваю я.

- О-о, да это совсем не туда, это вам надо назад вернуться и тым-пырым-пым, налево! – уже стандартно отвечает нам десятый спрошенный!

- Еб твою мать... - выдыхает сквозь зубы Арто. Я только киваю, не оставляя надежд на уютный кров. Хуй! – а не кров мне. Все повторяется. Я разражаюсь смехом - изнутри распирает – злым и колючим. Арто подпрыгивает на месте и орет в ночь:

- А-а, пиздец! Ну мы седне вообще выйдем-то, нет?!

На просьбу позвонить получаем словесной пизды. Да и само-собой, кто вдруг даст двум длинным волосатым дебилам ночью мобилу?.. «Только не я!» - ответит на этот простой вопрос кто угодно. Вы бы дали? Вот и я о том же! Волочим ноги дальше. По прежнему нихрена вокруг не узнаю. Идем в никуда. Пиздос расцветает буйными цветами... на последние деньги покупаем жратвы и пива в пустом ночном супермаркете. На нас смотрят как на откровенных чучел. Похуй-нахуй, хочу жрать транков... транков нет – есть водка. Круто. Без неё голова болит. Хлеб и водка на ходу, желудок сука – молчать!! Зрение размазалось о серо-желтые ночные стены, о черный асфальт.

Боль в ногах унялась. Я лечу... низким бреющим полетом.

Цок-цок-цок! – говорят со мной каблук впереди, зазывая за собой. «Мама, иди к черту!» - выплывает на середину мозга. Образ мамы мешает мечтам об изнасиловании. Ничего, изгоняю, и горячо схватив любимого за плечо, лью в уши сладчайшую ересь, добрый демон-отравитель:

- О, смотри, какие жопки, а?

- Особенно та, в розовой юбочке! – нехорошо вспыхивают его глаза, вперившись в виляющих на шпильках гламурных девиц. Зефирные ляжки телочек плавно мелькают, покачиваются ажурные задницы. Их хозяйки лениво стрекочут о чем-то, а я говорю Арто:

- Давай, изнасилуем!

- О, да! – выдыхает он блаженно, и мы устремляемся за телками.

- Девки... - шепчу я, и вот-вот догоню уже, но Арто хромает. Бля... Да у него же мозоли... Дерьмово! Он идет-то еле-еле, куда уж, эдак сучки от нас даже на каблуках сбегут!

- Ах, ты будешь ебать, а я порежу! – все же мечтаю я вслух.

- Подержишь для меня беленькую? – благодарно пожимает мне пальцы дружок.

- Если догоним... - хмуро отвечаю я.

- А что, нет?

- Нет, ноги твои... - я прячу раздражение. Ненавижу заботиться...

- Да, точно! – кивает печально он.

- А то бы точно стали!

- Конечно! – зло и решительно встряхиваю я волосами. Блядь, скотина, как же ты меня подвел! В это время сучки подходят к машине оттуда выползают два квадратных чувака. Ну вот, опоздали!

- Да, прикидываю, че было бы, если б мы за этими бляденками погнались! – горько усмехается Арто.
- Да ниче, опиздюлились бы конкретно, мы ж устали оба в хламину!
- Все, я больше не могу! - в изнеможении произносит Арто, и сворачивает к лавочке. Я плюхаюсь на неё первым, и хлопаю себя по коленкам, приглашая друга. Он садится, тяжелый как старая собака, но надо же быть заботливым... как ни крути, а Жанна говорила, что любовь – это взаимодействие двух сторон, на пути слияния в единое существо. Придется потерпеть, я хочу чтоб он ощущал себя моим.
- Эх, жаль! – вздыхает Арто, хлебая водку.
- Да, это точно! – забираю у него бутылку я. Хмель удивительно быстро покидает меня, наверное, протекая в бездонные трещины усталости. Я разбит... я возбужден. Я хочу ебли. Я люблю Арто. Я срочно желаю Жяхни... и её горячей безотказной глубокой пизды.
- Я б ебал её неустанно! – поэтическое восклицание вырвалось само, и Арто расхохотался.
- Да-а, а я б тебе помогал! – и поцеловал меня в шею.
- Ты такой грязный! – шепчет он, возбуждая.
- Так я три дня не мылся... - и содрогаясь произношу-таки вслух, особое слово: - *Мальш...*
- А у тебя уже был такой опыт? – заглядывает он вдруг мне в глаза, а руками обвивает шею. Я одной рукой держу недопитую водку, а другую кладу ему на задницу. Понимаю, что он возбуждает меня вовсе не своим телом, к плоским костям я равнодушен... а сердцем! Нутром своим блядским... сучьей сущностью. Люблю я его. Оттого и хочу...
- Да... - после долгой паузы говорю я. – Был такой опыт... весьма приятный!
- В смысле, она согласна была, ты с ней договорился? – наивно смотрит он мне в глаза.
- Не-е-ет! – иронично покачал я головой. – Это была не игра! Я её реально поймал и выебал! – сладкая дрожь воспоминания прокатилась под кожей. Отчетливо мелькнули безумно перепуганные глаза.
- И что, прямо ночью, на улице? – он восхищенно ахнул и уставился на меня.
- Глупая девочка... - проронил я, и замолчал. Он не понял, что это о нем, и ухмыльнулся.
- Да уж... и как оно? Круто?
- Классика! – взмахнул я бутылкой.
- Да, к стати, допить надо, мало уже, - он отобрал у меня водку.
- Точно! – кивнул я. – А девка-то, да, все классика – ночью на улице одна, идет, звонит... (картины встали перед пьяным шатким взором как сейчас).
- Просит кого-то её встретить, попкой вертит, юбочка колыхнется... за угол завернула, догнал, поймал, в подъезде под лестницей зажал и выебал... отпустил и ретировался, мразь!
- Ну ты крууут! – с восхищенным отвращением выдохнул Арто. Я сжал ему кости так, что хрустнуло. Он вскрикнул, а я кивнул. Так-то!

- Все нахуй, настоебало все, поехали в пизду домой спать! – и в туманном бреду поползли к остановке. На которой в предрассветном блеске небес и уснули...

Да пошло нахуй все!! - рывком выпадал из сна. Не могу я больше. А если и могу – то не хочу. Хватит с меня. Я слишком пьян... проклятая тошнота.

И снова засыпал, не замечая как.

- Но я продаю рай за миг с Арто... не напрасно, ох, не напрасно влюбился он в меня первым – он угадал, что это я... мудрый сердцем малыш. С ним я становлюсь таким поэтичным... я ранен, и слабею, влачаюсь рядом с ним...

Но он не поехал ко мне, когда пробудились от тяжелого «лавочного» сна. Посмотрели друг на друга равнодушно – сил не было ни на какие эмоции, и разошлись по разным остановкам. Да пошел он вообще, надоел... как же меня качает. Я устал, устал – оставьте же меня все!

xxx

А Жяхни умерла.

Вот так взяла и умерла. Нас бог пожалел, что не попали тогда в её квартиру... ведь она была уже в морге... пока мы гуляли два дня, она как раз... о, черт!

...мы с Арто были на похоронах. У нас отношения стали будто расхолаживаться, стало казаться, что мы уже надоедаем друг другу... мужское непостоянство брало свое. Но она – девочка моя, милая, чудесная моя сучка, она нас познакомила, она же снова и помирила.

Мы встретились у ворот кладбища, не сговариваясь. Идти к ней домой, толпиться среди заплаканных родственников не хотелось. Арто стоял у ворот, опустив голову, один, никого ещё не было. Я подошел, и тихо взял его за руку. Он даже головы не поднял, лишь пальцы дрогнули в моей ладони.

- Арто, это что же получается? – я с ужасом посмотрел на него. – Это ведь как раз, мы с не поговорили, о вписке, и она в тот же день...

- Точно! – он уставился на меня расширенными глазами и прикрыв рот ладошкой. Тяжело покачал головой, на глаза навернулись слезы, и вздохнув, отвернулся, закусил губу, и неуверенно взял меня за руку.

Мы стояли так, не знаю сколько. Время потеряло счет, нам было безразлично. Мы ждали. Чтоб увидеть её мертвой, и убедиться, что это не чушь и не шутка... наконец, у ворот остановился старый вонючий ПАЗ, мрачная старуха вывалилась из него, и начала раздавать указания мужикам, как вынести гроб. Затем под руки вывели мать, и – о, господи... Эрот. Какой-то длинный мужик предложил ей руку, она отклонила, и сошла сама. Увидев нас, сверкнула темными глазами, и губы беззвучно прошептали «привет». Они все вошли в ворота, неся гроб, рыдая и всхлипывая, а мы стояли, и я чувствовал себя законченным идиотом, не зная, что делать и с какой стороны присоединиться к ним. Спohватившись, потянул за руку Арто, он твердо пошел за

мной, глядя прямо перед собой. Но руки моё не отпустил, наоборот, вцепился ещё крепче. Но так ни разу ещё не взглянул на меня, отчего возникло чувство неуверенности, а точно мы в мире с ним, и не уйдет ли он так же сухо, когда *это все закончится*... мне стало стыдно думать о себе, ведь для Жахни вообще все закончилось. Ей больше не с кем ругаться и мириться. А я-то все могу исправить. Да, все можно исправить, только пока жив. Умри – и нет тебя. И не достать, и не сказать, что любишь или не любишь. И не ссориться, и не мириться, и вообще НИЧЕГО. Я тайком взглянул на свои шрамы выступающие частично из-под манжет черной рубашки, и ужаснулся, и устыдился как никогда – реально, я мог быть давно же там. Я, который каждый гребанный раз реально стремится умереть, все ещё здесь, а Жахни, которая никогда и не думала умирать, не смотря на сложность своей маленькой блядской жизни, она – там... странно. Но и подленькое облегчение – я все же здесь. И у меня есть жизнь, и все возможности все ломать исправлять бесконечно, каждую минуту, и невероятное количество часов жизни на благо и зло, на солнце и ночь, на пустоту и действие – много-много часов, ели отныне я буду поумней... но я не знаю, буду ли. Накрыло липким неосознанным страхом, будто внезапно в паутину лицом вляпался и одновременно подул сквозняк по голым мокрым ногам. Я зябко поежился, и тряхнув головой решил – хватит о себе, надо сосредоточиться на том, чтоб как следует с другом попрощаться.

Мы все так же держались за руки у её гроба. Я смотрел на её почерневшие веки, запавшие щеки, накрашенные губы, и мне было жутко холодно. Я едва сдерживался, чтобы не дрожать крупно, как собака на помойке. Жахни была почти нереально мертва. Настолько мертва, что с ума можно сойти! Хотя, мне не страшно, *уже* сумасшедший, подумал я – и усмешка против воли скривила губы. Я смотрел на её трупик, в белом платье, по обычаю несостоявшихся невест, будто выдаваемых замуж за господина Смерть – и думал – неверно, ведь в белом девиц хоронили, потому что их не касался мужчина. А это очень постройневшее от смерти тело (ха-ха - Худейте с Доктором Смерть) принимало такие ласки, и столько... а скольких? Мне въелась, и никак не желала уходить похабная мыслишка – а трусики-то на неё надели? Или нет? Чтобы она и там продолжала свое лучшее дело, став небесной сучкой, шлюхой от бога? И не воспользовался ли её телом в морге санитар-извращенец? Сознание угодливо шепнуло – читал когда-то, еще дитя, любознательное до запрещенных книжек, некий рассказ, не помню вот к сожалению какой, сейчас б очень кстати перечитать – а хотя, я и так его отлично помню – как некий доктор выследил урод, который в предпоследнем приюте мертвых пользовал покойниц. Этот прозорливый врач вшил одной бездыханной красавице через шрамик от аппендицита во влагалище лезвия... так и нашли мерзавца, истошно орущего и хватающегося за все вокруг, в интерьере адской оргии сатанистов – комната была буквально вся залита кровью... ш-шикар-р-но!! Я восхищался умом и находчивостью доктора, и сладко вздрагивал, воображая все моменты и самой операции по вшиванию лезвий в мертвую пизду, и тем, как этот чел всунул ей, а там!... в лоскуты! А-ху-еть! Чудесно... помню, я все вздрагивал и облизывал губы, под глубоким впечатлением. О, сейчас я бы вшил Жахни лезвий, да-а...

Но! Еб мать твою, уже поздно. А я – скотина, стою и над гробом фантазирую. Позорище неумное. И сам себя оправдываю исподволь, что Жяхни «тело», она просто тело, и вроде как ничего не изменилось – она и живая была для меня телом, и лишь в немногие случаи – душой. Ведь душа её была легка и слаба, наверняка потому и покинула тело так легко, слабая. Она была как животное, трахуча, и я бы даже сейчас не отказался бы... что-то крупно дронulo, обдав горячеей волной мое существо – я поднял голову, Арто рыдал не скрываясь. Острое чувство жалости удушило меня – о, господи! Что я несу! Жяхни – *мертва*. А я... Черт. Господи. Нет. А я... я будто очнулся. Её нет больше. *«Она упала вверх, она взлетела вниз»*... Нет, к чертям поэзию, Жяхни просто больше нет. Я слишком нереально думал о её смерти. Я не поверил. А теперь слезы Арто будто смыли пелену с души – я вижу, очень четко – вот Эрот в строгом черном платье в пол, очень ей идет, лицо густо заревано и запудрено. Надо же, не забыла пудриться! Она некрасива в слезах. Я, оказывается, никогда не видел её в слезах. Единственная моя знакомая, которая ни разу при мне не плакала. Вообще, Эрот была какой-то слишком обыденной... что-то в ней не так для похорон. Я смотрел-смотрел, и понял – она все в том же черном готическом прикиде, что обычно. То есть, траур, да, но ничего отличного от повседневности. Будто она всегда была в трауре. Будто знала... Но не надевать же готу белое для контраста мира с горем.

Вдруг как пулей прошибло висок – и в мозгу взорвалась мысль – а я ведь пьяный хотел её, когда она уже была мертва! Я хотел мертвую Жях, не зная еще об этом! Пиздец какой, как страшно – мертвую хотел... когда она уже лежала может быть на полу, может быть в постели в своей, а может и в морге уже. Я же ничего вообще не знаю, даже как она умерла! Что это с ней вообще вдруг такое, а? Что за хуйня – казалось бы, какая разница, ведь я не знал о ее смерти, когда грезился ее горячим (а тогда наверняка уже холодным и плотно сжатым – или наоборот разинутым со стекающей запекшейся слюной?) – ртом, на лавочке, где мы спали никакие с Арто! Но я все равно устрасился, до боли и ледяного отчаяния – черт возьми, да как же так, неужто я действительно хотел ее, уже мертвую, не зная об этом. Что-то необъяснимое, невыразимо-непростительное было мне в этом... я запаниковал, не зная куда девать себя!

Чтобы отвлечься, поднял глаза и лихорадочно огляделся – вот мать – её держат под руки, очень осунувшаяся, бледная, будто и правда любила свою младшую дочь... какой-то суетливый хрен рядом с ней, видимо, тот самый, с которым наша Жях пила ореховую водку в ресторане. Вот суровый аристократичный чел в черном стильном сюртучке, отлично выглядит, сразу видно – садомазохист, пасет Эрот. Папаша. Сучара, ну где же ты был, когда бедная маленькая девочка бедовала здесь одна! Где же были вы все! Все!! – хотелось мне дико орать, но я молчал, хотя ничто не мешало это сделать. *«Интроверт, блин»* – как Жанна. О, Жанне надо непременно сообщить, что её верной фанатки не стало. Может быть самой верной. Сердце дрогнуло – Жанна... и горе пронзило до самых кончиков и корней, я аж вытянулся, сжав больно пальцы Арто. Я заплакал. Ебанный балаган, а где же все те, кто ебал её? Или похуй, что они сейчас частично уйдут, в могилу, в землю, что умерев она несет на тот свет

ту часть их, которую они отдали ей, а после брезгливо вытерлись салфеткой. Я-то знаю – не важно, откуда – что так оно и есть, и все, с кем ты ебался однажды носят от тебя в себе что-то, несмываемое и ты от них. А поскольку ты беременен смертью всю жизнь, то однажды вот так же разродишься на тот свет, и склеится твое новое тело из частиц тех, кого ты ебал... всё это сказали мне сейчас её, Жахни безмятежные губы. И оттого так рыдает Арто, и оттого так корчусь я – не хотим в могилу, не единой частичкой себя, да поздно. Она не придет, и не улыбнется – мол, все хорошо, ещё рано. Сучка, так спи спокойно. Спи со всеми, с кем хочешь, и *там*, я отпускаю тебя. Будь счастлива, моя милая, моя маленькая сучка...

Спасибо Жахни, я стал бояться. Очень бояться.

Арто думал о том же самом, он стал каким-то испуганным, будто увидел демона и не может забыть. Он сказал мне, что это, наверное, здорово – умереть, и став *там* маленьким ребенком, носиться по аду, качаясь на чертовых качелях, и лепить куколок вуду из огненной лавы... и гонять палкой местных церберов, и забираться на колени Астароту и Вельзевулу, прося - дедушка, расскажи сказку! – добавлял я, и мы горько смеялись.

А ведь Арто и слова не сказал, что всего за месяц для него это - вторая смерть! – пронзила мысль, и я заледенел, с паническим ужасом глядя на него. Бедный, бедный!.. я не умею жалеть.

Потом сидели с Эрот, рыдали все вместе, и она сквозь слезы и водку – любимый напиток Жах, рассказывала, что настояла едва не через истерику, чтоб на сестренку надели её любимые белые чулки. Какие-то левые родственники возмущались, но она послала их на хуй.

Нажрались, и в тумане угара, продолжая рыдать, страшно опухшая от слез Эрот, приставала к нам обоим одновременно. Мы вяло протестовали – не знаю, отчего Арто, а я просто был не в себе, очень пьян, очень накурен и убит. Сквозь муть и гарь, я смотрел как Эрот слюнявит Арто уши и безвольные губы, а он пытается её отодвинуть от себя, и бормочет уговаривающе, чтоб она его не трогала, ему нехорошо – и надеялся, что он правда её не хочет, и мне не надо ревновать... опять эта низость – меня едва не вырвало от самого себя, что я думаю про такие вещи, когда мы поминаем Жахни.

Но – черт ты собачий, я до сих пор не знаю, переспали ли мы тогда, но проснувшись, Эрот лежала между нами, полуголая и обнимала одной рукой меня, а ноги сложив на Арто. Мне было нехорошо от этого, и я не стал спрашивать ни о чем. Лучше думать, что нет, а то вдруг – да.

Потом ещё ходили на могилу, там курили её любимый гашиш, лили водку в землю, плакали снова, причитая – пей, солнышко наше блядское, мы тебя не забудем!..

Мне нужно было пережить это горе. Нам нужно было. Арто позвал провести неделю за городом, на его даче. В тишине и безлюдии, остывающей осени. Как вовремя она умерла – подумал я удивленно, нельзя придумать лучшего времени для смерти! И так цинично прибавил про себя – и нам хорошо, пострадать в уединении, пиная палую листву и глядя в небо, пить прохладный коктейль воздуха из тонко звящего бокала осени... ах я, эстет, дрянь такая. Не прошло и недели, а мне уже не так горько. Черт, да была ли вообще горечь? Было ли горе? Уже не знаю... Жяхни, Жяхни – повторяю я, и во рту горько, так что сводит зубы. Это душа истекает грязной кровью по ней. Но реально – я не чувствую ничего. Потому что больше нечего чувствовать – Жяхни нет на этой планете. Осталось только привыкнуть... привыкнуть, что некому позвонить среди ночи (ведь Арто этого не любит, а она запросто выслушивала полуночный бред мой «слушай, я тут подумал...»), некому поплакаться от души – «какая сволочь этот Арто», никто не будет третьим на нашей веселой кухне (на ЕЁ веселой кухне, и вообще кухню мы эту больше не увидим – и я буду скучать по кухне как по самой Жяхни), и некому залезть под юбку – Жяхни была единственной девчонкой, которая разрешалась нам с тех пор, как мы вместе... значит, девчонок теперь вообще просто не будет. Тоже сложно – я люблю девчонок, прости Арто, хотя и ты тоже, но пресловутая верность... Жяхни! Вернись... зайти во двор сейчас же, и возмутись голосом низким и хриплым – А че это вы, собаки такие, меня бухать на дачу не позвали? – голосом своим прокуренным и чувственным, голосом маленькой покладистой шлюшки, так возбуждающим нас на подвиги под твоей одеждой...

Мы валялись во дворе на раздолбанном диване, курили, много пили, до тошноты и черт знает чего. Жгли костер во дворе, шатались по лесу в поисках грибов – понятно, что не тех, что жарят, а тех, которые поджаривают тебя. Зато в процессе поиска мы накидались, орали песни, бегали по лесу и дрались потешаясь, как дети. Арто завывал, что какая жалость, что не взяли камеру – какой клип мог бы получиться! Он совсем помешался на музыке, только о ней и думает. Периодически вздыхал. Обнимал меня, утыкаясь в плечо, и шептал – девочка наша, девочка, не сделать тебе больше ни одного клипа...

Жрать нам стало совершенно нечего уже через два дня, но тащиться в магазин за два километра категорически не хотелось. Не знаю, это плохо конечно, но сам повод нашего уединения – то есть, смерть Жяхни потеряла для нас свой смысл. Мне было неприятно, или скорее некомфортно, неудобно перед собой, что мы так свински быстро забываем её... но циничный мой ум всегда ловко извернется! – я решил, что она того не стоила. Мысль некрасива, а я все же эстет – и немного повернув форму мысли, я утвердился на том, что ей будет лучше, если мы станем вспоминать её как веселую блядь, дарившую нам восторги чистого секса, чем страдать и рыдать! Лучше продолжить её дело, веселиться и кумариться от души, покуда не последуем вслед за ней!

- Радоваться, жить и любить напропалую, вот что, черт возьми, я думаю по поводу её смерти!! – орал я, размахивая руками, и Арто согласно кивал в синих сумерках.

- Нас и так мало кто любит, по правде сказать, а теперь стало ещё меньше, Жакни одна из немногих, кто реально был с нами, в горе и в радости, наш милый друг! – вторил мне любимый. Мы оба безумно горячились, бегали вокруг костра, дополняя фразы друг друга о том, что теперь мы просто обязаны быть счастливыми, Жакни научила нас этой истине ценой своей блядской жизни. Она была такая, пусть, но она была тем, чем была на самом деле, она не прикидывалась! И мы должны быть честны – мы хотим жить на полную катушку, и мы просто две злые твари и бестии, так к чему вранье и маски? Мы любим друг друга, и мы были одни из немногих – а может, и единственными, кто любил её! Её мать – плевала на неё, отец лишь дал на неё свою сперму.
- Да, и моя мать на меня чихает, - говорил запальчиво Арто. – И ей надристать на меня как такового, понимаешь?
Я кивал, хотя не мог понять – моя мать меня очень любит и едва не боготворит не смотря ни на что.
- Она никогда не примет меня, если узнает, что я не то, что она хочет видеть! – говорил Арто радостно, и даже возвышенно, будто о чем-то великолепном. – Она может любить меня только как что-то социально престижное! Любить лишь при условии, что я то-то и то-то, а не то, что есть я, Арто! Я убежден, что если бы быть голубым было престижно, а я не был им, она вынуждала бы меня силой, унижениями, стыдом и черт знает, чем ещё, чтобы я спал с парнями, при том так, чтоб весь мир об этом знал – вот какой у неё правильный сын!! – он носился вокруг костра, и вопил, вопил как сумасшедший лектор. – Клянусь богом, она застрелит меня, если узнает, что я такое на самом деле! И она срать хотела на то, что я музыкант – я неправильный музыкант! Вот если бы я был...
Тут он почему-то замолчал, и сел на свое место, курить.
- Арто, ты прав, конечно, насчет своей матери... - начал я. Мне очень захотелось сказать. – Но знаешь... может, она и любит тебя...
- Ты охренел, - спокойно покачал головой он. – Чушь, ты с ней не общался, ты бы сразу понял...
- Ну, знаешь, я тоже думал, что моя мать ко мне равнодушна. Знаешь, когда я впервые порезал вены, это ведь как было... я слушал музыку, очень депрессивную, как сейчас помню – «Психею», и меня накрыло так страшно... у меня просто крышу сорвало. Я был в ссоре с мамой, она закрылась в своей комнате. Не знаю, конфликт был пустяковый, она просто на что-то незначительное рассердилась, а я думал, что дико оскорблен и непонят ей тотально. Короче, я схватил нож, такой большой с зазубринами – для сыра, что ли, ну в общем, довольно тупой нож! Забежал к маме в комнату, заорал – смотри! – и нахреначил со всей дури по венам... крови было столько, что просто пиздец, она везде, везде разлетелась. Я весь истекал ей! Я не думал, что её так много будет! Я ждал, она забегает, с ума сойдет, будет причитать, может заплачет и покается, вот какой бедный сынок! Но она – прикинь, Арто, она встала так спокойно, вся побелела и губы сжала, подошла ко мне, я её очень кровью забрызгал, даже лицо – и та-ак со всего маху мне въехала оплеуху, очень зло сказала – дурак, сученок, пёсья кровь! Я офигел до корней волос, стоял весь стыдный и

больный, а мама схватила меня за плечи и пихнула в кресло. Очень злая, и порывшись в шкафу, перемотала сильно больно, рука похолодела – шарфом мне руку, велела локоть не разжимать, и бросилась строгим шагом звонить в скорую... я сознание потерял почти, когда они вошли, врачи, и забрали меня. Пока ждали, мама закурила, я не видел ещё, чтоб она откровенно курила при мне. Всегда стыдливо пряталась – а с тех пор курила почти нагло, будто на показуху передо мной. Она стала много курить... зрение её начало садиться, и кашель пошел... я с тех пор боюсь, что мама заболеет раком из-за меня и умрет, и я буду безумно виноват тогда... нет, конечно, я не вины боюсь – я и так страшно виноват, а она не винит, лишь стареет быстро, это тоже страшно... знаешь, до этого она была похожа на девочку, юную трогательную девочку, а теперь...

Я замолчал, меня удушило, а Арто просто подошел, сел рядом и положил голову мне на колени...

- А в прошлом году я здесь торчал, в ноябре, всю ночь один жег костер, в лесу в одиночестве... А небо было такое... ЗВЕЗДАТОЕ!

Оу, за эти слова, за эти глаза я моментально все ему простил! Похуй на несвободу, в

пизду и все мои дикие измышления о побеге - ведь я люблю, люблю его! И он меня

любит... но отчего же сердце снова защемило?..

- Ты знаешь, я тут валялся, и библию нашел старую такую, драную, атеисты видимо какие-то зашвырнули нахуй, - он весело прочертил сигаретой в воздухе дугу. – И стал от нехрен делать её читать...
- Библия – довольно мутная вещь! – скептически прервал его я.
- Вот-вот, че-то не нашел я там никаких таких несусветно правдивых ответов на все вопросы!
- Там кроме Апокалипсиса читать-то нечего, тока кто кого родил-замочил-выебал!
- Ага, это точно! – запальчиво подхватил Арто, затем улегся на бревно, не снимая головы с моих колен, повернулся лицом к небесам, и повозившись, устроился поудобнее. – Дак вот, меня вштырил тока... угадай кто?
- Кто же?
- Архангел Гавриил, ты прикинь, он мне сразу почему-то особенно понравился из всех серафимов, самый крутой! А теперь оказалось, будто это и для меня некое пророчество! Ты появился...
- Ну так-то да, я тоже всегда радовался, что мой святой не лох какой-нибудь, а реальный воин небесный, а псы какие у него, это ж ваще красота!
- А труба его, он же тоже вроде как музыкант, это ж как моя флейта, он своей дудкой всех на Страшный суд поднимет! Тоже что-то такое, общее! – продолжал гнуть свое Арто. А я уговаривал себя не впадать снова в это непонятное чувство,

вроде тоски, которое всегда подспудно испытываю рядом с ним, под толстым слоем муторной любви. Будто заразил он меня чем-то неизлечимым, проказой сердца какой-то...

- Это-то да, дудка у него что надо, - криво усмехнулся я. – Он вообще мой кумир, у меня и икона в столе лежит, бабка дарила, хоть и не верила ни во что... говорила, что я когда вырасту стану очень похож на это изображение, а серафим там такой шикарный, красивый на лицо и вообще... надо бы проверить, может я и правда похожим вырос?
 - А может быть, это ты и есть – Гавриил на земле? Архангел в теле человека? – перевел он глаза на меня, и были они при том совершенно темны и серьезны. Я склонился лицом к лицу, волосы упали и укрыли нас от всего мира... но звезды мерцали со дна любимых глаз, и приблизил губы к губам, и тихо прошептал:
 - А может быть...
- И к черту глупую ассоциацию с Сашкой, фантазировавшей, будто она реальная дочь ангела и умеет летать...

xxx

Я прошел сонный и пьяный мимо стола, и смахнул со стола тетрадь. Она упала и раскрылась. Я поморщился, но любовь к порядку заставила наклониться и поднять её. Почерк Арто. *«Гримуар. На самом деле Книга мертвых состоит из школьных тетрадей. Вот что успел накарябать в разрозненных записях, тех, что рассыпаются на отдельные листочки, и которые ты выкинул как негодный хлам – это и есть самое важное. Никто не записывает о тебе ничего упорядоченно. Ветер относит твои тетради в Архив. Потом между строк читается самое главное о тебе, твои отпечатки».*

Сел на пол, закурил автоматически, и задумался. Мой Арто, как ты все-таки...

Ххх

Любовь моя пришел грустный и мрачный. Я сидел на полу, он открыл своим ключом, и вошел так тихо, что я чуть не подпрыгнул. Нервы, нервы. Черт, вырвать бы их все из всего тела, как из зубов вытягивают черных червячков проклятых волокон, несущих страхи и страсти.

- Все, ебана мать, пиздец. – сказал Арто, и сел напротив меня.
- Что? – округлил я глаза, не на шутку испугавшись. Такое лицо... неспроста.
- Дай-ка, не правильно ты играешь! – протянул он руку недовольно.
- Че, из-за этого чтоль? – нахмурился я.
- Нет. Конечно, нет, вот смотри как надо! – он подманил меня, и подергал струну.
- Ну, блядь, ясно дело, хули, ты ж музыкант, а я чучело просто!
- Да. про чучело! – вдруг оживился он. - Ты знаешь, что Жанна, ещё до ТорКа пела в проекте «Кривляка и Чучельник»?
- Чего? Как? – заорал я. – Первый раз слышу!
- Да, у неё был парень, и она с ним пела.
- Как, без ТорКа?? – проорал я. – Ебать!!

- Ну да, я сёдне рано утром нарыл, чувак какой-то, который вписывался с ними в Москве, стремный такой, вот он рассказал, я с ним специально списался, он по секрету поделился.
 - Какой такой чувак? – сузил я глаза и отстранился.
 - Ёбанный-гребанный! – всплеснул руками Арто. – Ревновать?
 - Нет, - покачал я головой. – Рассказывай!
 - Ну вот, они пели, там какую-то хуйню. Но факт, что это было.
 - Жанна не могла петь хуйню, - насторожился я.
 - Ну не хуйню, я работу проебал, мать нож наточит и зарежет.
 - Как-так? – спросил я равнодушно, меня куда как больше интересовала Жанна. Не может быть, чтоб я чего-то не знал!! – Принеси мне это письмо, а?
 - Да, обьезон, тока как теперь быть...
 - Да забей, найдешь, а че там хоть было-то? – спросил я, имея в виду письмо. Но его заело на потерянной работе:
 - Да прихожу я туда, тым-пырым, а они мне – все реально, тока мы перезвоним вам сами. Да хуй собачий мне скорее позвонит, а не они, когда кому-нибудь хоть раз кто перезванивал? – и он отставил гитару в сторону с таким лицом, будто она ему ужасно противна. – Все, пошли убьемся в хлам! – он наклонился и поцеловал меня в губы. Я только кивнул в ответ. Заебал он меня со своими проблемами. Не хочу я напрягаться.
 - Вот, мать на костюм дала! – помахал он пачкой денег. - Была уверена, что меня возьмут сёдне, и я сразу пойду костюм приличный куплю, в офисе торчать!
 - Вау, круто, вот это уже отлично-отлично! – подскочил я на месте.
 - Все пошли! – он решительно поднялся, и подмигнул мне: - Убьемся в дровишки, и на репу, песни орать!
- Я довольный кивнул. Ну, сучки, держитесь! Пьяный Ветер – это ещё то

удовольствие!

Ах, дешевый коньяк – это вещь! Скажу я вам, жить без алкоголя не имеет смысла! А накрошенный туда циклодол... это все, пиздец. Че, поверили? Не, не в этот раз. Я издеваюсь. Просто коньяк. И «Ягуар».

Шатались и падали, то и дело выпадая нахуй из реальности.

- Профессий много – НО! - запевал я.
- Им всем пиздец настал! – вопил Арто.
- Кто в этот мир попал – продолжали мы обнявшись.
- Тому ПИЗДЕЦ настал!

...маршрутка. Доебывает кондуктор – «будете орать, высажу». Я, блядь, сука, тебе щас глаза высажу! И поцеловал Арто, нежно и страстно. Ахуй, визг, писк, ахахахаха... да. Я педик, гомик, педрила – и что там ещё орали нам? А какая-то девица восхищенно зааплодировала. Да, мне тоже дико вкатывают лесбийские сцены.

- Пошли вы на хуй все, мрази правильной ориентации!! – злобно выкрикнул я, а Арто показал фак.

Вылезли не знаю где, и пошли, в хлам на репет. Заблудились, ацки.

- Мы оба – топографические дебилы! – радостно хохотал я. Но кое как нашли ржавый гаражик на отшибе. Это и есть база. На улице нервно курит Белка.
- Здравствуй, дорогая, - чмокнул её в щеку Арто. Она только злобно зыркнула, и исчезла в темном нутре гаража. Арто плечами пожал, и прошел за ней.
- Да в рот ебать, - сказал я, и зашел следом. Опоздали мы, ну и чтож, теперь? Надо ж людям выпить.

А меня вообще бесит эта Белка, звезда новоявленная. Противнейшая девица! Чего все так по ней прутся? Да ещё и эта её маленькая восторженная дурочка с тамбурином, Гера кажется (имечко-то какое, да?) прям чуть в ножки не кланяется. А играет-то криво. Блядь, может я и от ревности, не исключаю, ведь Арто как связался с гребаной сучкой, так прям летает. Но я-то понимаю, что эта грубая девка – просто сука. Экстраординарная, да – не у каждой я повидал такие ладные ножки, ровную спину, вкусные духи – а главное голос, такой, что с ним не поспоришь. Первокласная блядь, расчетливая. А ебать я её не стал бы. Я теперь разборчивый. И от Белки меня воротит, гадкая она. Прям отторгает, тошнит меня от неё, визгливых претензий к музыкантам, от суетливости её поцелуев с кем попало. А Арто мне – да ладно че ты, она своеобразная! Да уж – а этот бесконечный грязный мат из явно неединожды ебаного рта – вот ненавижу мат от девушек, по крайней мере не в таких же количествах и формах! Думает, её дешевой пизде это придаст нереальной крутизны!

- Она ещё будет звездой, и потому она нужна мне, здорово умеет вертеться! – говорит Арто уважительно. За что мне так и хочется вышибить ему зубы! Ну что за нахуй – а мне терпеть её!
- Пиздой она крутить умеет! – говорю я зло.
- И петь, однако ж тоже, - примирительно отвечает Арто. Я закуриваю глубоко, и отворачиваюсь. Все равно не желаю знать её! ЖРИТЕ СВОЮ БЕЛЬЧАТИНУ САМИ! НО ТЫ-ТО Арто! Ты-то! И неужто ссориться из-за неё? И я молча давлюсь дымом и Белкой...

Мне нельзя кофе, шоколад и водку. А сигареты наоборот нужны. Успокаивают. И я курил.

Потом дышать больно, и во рту клейкая горькая слюна, и зубы сводит... но вот прям сейчас, когда темно, и я ради Арто здесь сижу на полу, мрачно наблюдая кривляния Белки, потому что он упросил побывать на репе хоть разок, надеясь, что я заценю-таки таланты уродливой группы дебилов, что кривляются вместе с этой шлюхой... да и всю группу надо было бы назвать «Шлюшарня». А, да, Арто просил сидеть тихо и наблюдать как работает их басист – мне, мол полезно будет кое-что перенять. Вот теперь думаю – ну ни хуя себе, и как это я согласился-то? Кошмар, до каких же пределов размазывает человека любовь! Позорное чувство. Позорная власть...

Ну так вот! Играет-то басит реально хорошо, мои уши, натасканные гениальностью Арто, разбирают что-почем. И руки как-то не так держит, надо бы понять, в чем тут фишка! Но мне не дает сконцентрироваться ебаноблядское

ощущение! Навязчивое, как зубная боль и вьедливый комар одновременно – мне бредится, будто язык мой раздроблен в мелкие лоскуты, изорван и истерзан, и никак не могу ощутить его как он есть на самом деле – целым и невредимым! Этот трудно понять, но блядь, смертельно мешает мне воспринимать что-либо вокруг нормально! Скручиваю его во рту, слюну глотаю, зубы трогаю языком – нет, не слушается, рваный в лоскуты и точка!

Хорошо в этом поганом глюке только одно – отвлекает от визгов и кривляний обезьяны белки... пока сражаюсь со своим рваным языком, не вижу ее. Кое-как терплю.

...Но я не выдержал её! Это гребанное тридцать тысяч раз животное, белку...

Какой-то брат Арто уступил ему хату на выходные. И после репета мы поехали туда, вместе с группой его обожаемой супер-певицы. Надо ж быть таким глупым, беспросветно глупым! Невыносимо глупым... я ревную?? Какая паскудина позволила себе такое сказать? Блядь, помолчали бы, ведь дождетесь!

Где Белка – там бухло. Даже я столько не пью, омерзительная телка.

Я честно пытался держаться. Мотался туда-сюда по хате кругами, уходил на кухню, чтоб не видеть их, но непременно кто-нибудь припирался следом, чего-то ища. Да ещё и Арто все пытался разорваться между мной и этими... «музыканты», блядь! Да что ты дергаешься, радость моя – пошел на хуй к ним, и сиди там, а я может вообще лучше исчезну напрочь, освобожу, так сказать, помещение!

- Ну что, дождались? – завопил я, радостно вламываясь в комнату, где бухали эти недоумки, и мой Арто хихикал с пьяной Белкой. Он уставился на меня так недоуменно, бедняжка! Да ты пей, пей, забей на меня, ведь кто я такой, и кто они такие, да, любовь моя? Я сел напротив, и отобрал у какой-то девки, никак не могу запомнить её имя – на тамбурине стучит у них, дура такая тощая, - бутылку, крепко приложился, аж дыхание сперло. Арто подошел и молча попытался сесть рядом. Я грубо отпихнул его – вот ещё, вали уж теперь к ней! Она ж дороже, а я кто, так, позырить мрачно и пиздострадальчески! Дешевая, лживая блядь! Да, сейчас я нажрюсь, и вот тогда хуже будет всем. Я тебе устрою «хорошую певицу». Мразь, быдло. Я в рот ебал такие таланты!

- Ну, как хочешь, - пожал плечами Арто, и вернулся к Белке. Они развернули пакетик травы, не спеша, лениво. А я встал и вышел в коридор. Хватит. Лучше просто уйти. Не будет некрасивых сцен, idiotских пререканий – все ж и так ясно! Мне лучше просто исчезнуть.

- А ты что, пошел? – спросила девка за спиной.

- Да, мне пора, поздно уже!

- А, ну ты заходи, если что!

- Ну пока! – я застегнул куртку и вышел прочь. Вниз пошел пешком, намереваясь сгрести мысли в кучку. Но не успел я дойти и до третьего этажа с восьмого, как наверху хлопнула дверь, сердце больно сжалось от множества смешанных чувств, в которых доминировала злость. «Сука, догоняешь? Да пошел ты на хуй!» - мысленно выкрикнул я, и побежал по ступеням прочь, не желая быть застигнутым. Простучали

шаги за спиной, я резко вырвался на улицу, и помчался прочь. Арто выкрикнул на всю темноту:

- Ветер, подожди! – с таким отчаянием, что я притормозил. И перешел на шаг. Он догонял, я не оглядывался. Любовь моя, - улыбка чуть тронула губы. Он сравнял шаг со мной, и пошел рядом. Я не смотрел на него, он на меня. И так мне дико захотелось его обнять, положить руку ему на плечо, и уйти отсюда прочь-прочь *вместе*... нет. Не буду. Он обидел меня, предпочел сидеть с этой сукой рядом, и дуть с ней, так пусть возвращается туда.
 - Куда идем? – спросил он ровным голосом.
 - Я домой, - равнодушно пожал я плечами. – А ты не знаю!
 - А меня с собой не зовешь? – спросил он снова, и в голосе звякнула монеткой об асфальт обида. Аха, так тебе и надо, дрянь!
 - А что тебя звать, тебе и с Белкой хорошо! – сказал я плоско.
 - Ну и нихуя себе! – начал заводиться он.
 - Да это все бла-бла, Арто! – резко остановился я, засовывая руки в карманы, чтоб он не дай бог не взял меня за ладонь, тогда я потеряюсь. «О, блядь, как не хочется домой!» - подумалось с тоской...
 - Окей, давай вернемся! – без переходов кивнул я, не дав ему и рта открыть. Ты у меня ещё откроешь рот, и оч-чень широко! – зло посмотрел я на него. Он почуял неладное, но поздно – я уже шагал обратно, снова не оглядываясь. Арто постоял немного за моей спиной, но снова проявив свой дешевый бабский характер – вот почему его так понимает Белка! – покорно потопал за мной. А я ещё и подождал его, распахнув подъездную дверь.
 - Значит так, пошли все резко на хуй, мрази дешевые! – спокойно велел я все обкуренной кодле. Они с охуением уставились на меня, а Белка злобно усмехнулась.
 - Вот особенно ты, Белочка, дешевая грязная недоебанная блядь, чтоб я никогда больше тебя не видел!
 - Да что ты, блядь, говоришь-то? – выебисто заявила она, а я просто молча подошел к столу и без всяких эмоций смахнул со всей дури батареею бутылок – полупустых, совсем пустых и полных. Они разлетелись брызгами спирта и стекла, об стену и по полу, задело кого-то, кто-то вскрикнул от боли, народ повскакивал. Ага, дошло наконец, что это серьезно!
- Я вышвырнул всех вон, Арто молча стоял в углу сложив порезанные руки на груди. И со щеки его капала кровь – зацепило осколками. Я закрыл дверь с таким грохотом, что наверняка весь дом меня проклял меня. Шобла с матом и воплями возмущения скрылась. А я вернулся в комнату, Арто попытался сказать что-то вроде – ну и что ты сделал? А я не слушал. Я ударил его со всей боли и ревности, что душили весь вечер, скрутил в объятьях, пользуясь, что сильнее его, и поцеловал, впиваясь зубами. Он пытался сопротивляться, но меня раздирал гнев, а он был обкурен. и эти глаза, эти болезненные огромные глаза, которые я так люблю... Арто! Я ударил его снова, я сломал его у подоконника, я изорвал ему ногтями плечи, и вцепился зубами в самые его нежные места за ушами, он закричал, и в голосе дрожали ноты боли и возбуждения.

- Ах ты, сучка! – прошипел я, свирепея, и удушил его, удушил по настоящему. – Дряннь ты ебаная!
- А он не сопротивлялся, лишь смотрел мне в глаза, зрачки широкие, на губах улыбка шлюхи-мученицы, всепонимающей. Пришлось изнасиловать... ломая ему руки, он шипел и вскрикивал, едва терпел, но я заставил его наконец заплакать – хотя он держался ой да ну, я увидел слезы, много слез, лишь когда отпустил его, и он повернулся ко мне лицом, и обняв, прижался всем дрожащим телом. Силы оставили меня, а он такой тяжелый... коленки дрожат... сесть бы куда... а до утра так далеко. Убейте, убейте же меня, кто-нибудь.
- Арто, запомни раз и навсегда, - прошептал я, целуя его в макушку: - Ты – первый, за кого я готов умереть не раздумывая, и со мной никогда такого не было...
- Да... - прерывистый, судорожный вздох вырвался у него, и я сжал его ещё сильнее.
- И я не знаю, не знаю что мне с этим делать... прости! – резко отшвырнул его, так, что он упал на локти, а я ушел, ушел, убежал к чертовой матери, задыхаясь от невозможного и бессильного...

И теперь внутри у меня ползают черви, снимая кожу пластами, кусок за куском. Все чешется, мама даже не подходит – запретил. Не могу говорить, не могу дышать. Проклинаю его.

- Чтоб ты сдох, сучка, будь ты проклят! – шепчу я в темноте. – Приходи, срочно, приходи... дай мне тебя убить.
- А стоит лишь прикрыть веки, как вот он – танцует под ними... сколько ангелов

танцует на конце одной иглы – столько одного Арто ловко существует у меня внутри.

И ничем его не отравишь – как не пью, чего не глотаю – ничто не прерывает его

танец, он костер, что извиваясь выжигает мне нутро! Сыграй же для меня... любовь

моя, горькая желчь, мне не встать без твоей флейты!

...долго корчился. Долго.

И вдруг глаза мои резко и широко распахнулись. Я вскочил с влажной от пота постели – темно, Луна шарит слепым лучом, будто пытаюсь вычислить меня в комнате и разрезать пополам. А я snyкался по стеночке-по стеночке, прополз, схватил гитару, вернулся так же тайком на кровать, и давай терзать её, ни в чем не повинную, кроме того, что он мне её подарил. Психанул ещё сильнее, от того, что ни хрена не получается, и наплевав на лазер Луны, прошмыгнул, разрезаемый, к куртке, вытащил плеер, заткнул уши - а руки дрожали! Будто пьян, - услышал снова её голос, и чуть успокоенный, будто глоток дыма сделал, вернулся на кровать, все тело кровоточило порезанное Луной. Она пела дымным голосом своим, дым настоящий

на коньяке, целебно-ядовитые травы – и я стал ей подыгрывать. И кажется – черт возьми, у меня получалось! Я попадал, точно! Воодушевление накрыло, как счастье, как призыв – о, да! но... быстро отпустило. Я устал. К тому же, нестерпимо захотелось пить... вот блин. Шариться по кухне... а вдруг мама встанет, беспокойная. Ну чтож, встанет, так покурим, но только молча, молча, мама! – шептал я, пробираясь в темноте наощупь. По пути завернул в ванную. Тело горело от червей и Луны, и надо было хотя бы лицо сполоснуть. Включил свет, и... увидел в зеркале свой худой скелет. Боже, какое же я уебище... длинная челка упала на глаза раненного хищника, ручки тоненькие, пальцы как лапки пауэьи, ребра... тьфу, ужасно, ужасно!! Вспомнил синяки на ляжках Жакни, после каждого моего захода в неё. О мои кости набивала.

Понятно, почему он меня не хочет больше видеть. И забыв попить, я вернулся в кровать. В горле скребло, но я должен был себя наказать, наказать...

Я горестно уснул, и не видел ничего, отчетливо понимая лишь, что сплю. Просто сплю. И очень хочу пить.

Дождь моросит. Кутаюсь в куртку, мусолю сигарету, и думаю.

Кажется, я его сильно разбаловал. И если вдруг перестану заглядывать ему в рот, он удивится – как так? А ведь перестану. Тока не сразу, а постепенно. Хорошо, что он боится меня потерять. Это необходимость, а как же иначе? Иначе начнет обращаться со мной так, как я с теми кто мне похуй. Заносчиво и гадко.

БЛЯААААДЬ!!!!

Крик души, извините, погорячился.

Иначе невозможно быть собой. С одной стороны, это вроде сокращение поводка. Я имею в виду тот поводок, который я презирал и отрицал, как удел слабых и гнусных. Сам оказался гнусен в своей любви. Она существует. Вот блядь. Так о чем я? А, с одной стороны – это сокращение поводка, а с другой – наоборот твоя территория расширяется, когда тебя боятся потерять. Ведь тогда уважают твои интересы. По себе знаю. Я со всеми так поступаю. Сделай вид, что тебе пох на человека, и на то что он думает, и веди себя как знаешь – вот он и умалчивает больше, держит себя в руках, и позволяет тебе больше и больше... страшась, вдруг уйдешь недовольный?..

Периодическое одиночество необходимо! Как же без него.

Ведь мы сами по себе оба очень интересны, и надо пообщаться лишь с собой. Со своими исключительно личными мыслями и интересами. Только вот не слушать его флейту будет трудновато... но я справлюсь.

И справился на славу. Мама, видя что я тих и светел, решилаь-таки, и наконец уехала на десять дней подлечиться, а я взялся перебирать и устаканивать в одиночестве все нажитое на сегодня... хуй что у меня вышло. Не смог я, наедине с собой, ломаясь от одиночества – лишь отвернусь куда – как сразу мерещится, что я здесь не один... то бабушкиными духами вдруг запахло... а однажды сгонял за хлебом, пришел – а в ванной полотенце мокрое. Когда я не мылся уже три дня! Я весь

ледяной стал, смотрел-смотрел, трогал, посекундно дико оглядываясь – ебать меня в ухо, да как же так? Еле-еле заставил себя оттуда выйти... а полотенце объяснил воспаленному разуму болезненной забывчивостью.

Ночью слышал смех Саши на балконе, и тонкий силуэт мелькал... но я так устал и измотался, что было уже наплевать. Даже если это и она снова прилетела, то похуй – тупо не открою да и все, она же ангел а не призрак, так что нечего... да она и не настаивала, и я уснул, под мерный шорох и постукивание каблучков за балконной дверью...

Проснулся от собственного дичайшего вопля – я орал как зверь в агонии и колошиматился о стену, разрывая простыню, в которой запутался... руки уже были в крови – сломал длинные ногти. Ужасающая боль и злобное раздражение подбросили меня с кровати на пол, и продолжая орать, но уже от бешенства:

- Да что ж за ёб твою мать-то, а?? – помчался на кухню, где резко распахнув холодильник, уронил на пол открытый пакет молока, оно ледяной волной выплеснулось мне на босые ноги, я зашипел, и совсем уж озлобившись, в исступлении схватил банку транков, высыпал дрожащей рукой на трясущуюся липкую ладонь штук десять... баночку засунул за резинку трусов, нашарил водки, и отхлебнув тут же, сообразил – водку с транками низзя... плохо будет. Кровью блевать...
- В рот ебать, - зло прошептал я, и сунув в рот три таблетки, разжевал, хотел было уже проглотить... но вовремя половину выплюнул. Дорогостоящего лекарства было жаль, но жить пока все же хотелось... я испугался – дома один, начну корчиться, никто не поможет! Внутренне содрогаясь от страха перед последствиями, я все же запил тошнотворные на вкус таблетки водкой, и с бутылкой, кривясь от отвращения, побрел в кроватку...

Я хотел, чтобы пришел Арто. Я все ему и себе простил, я хотел видеть его.

Но лучше бы я не поддавался своей хотелке, и не выходил к нему. Я прятал руки, но он заметил-таки распухшие кончики пальцев со слезшими ногтями, понял, что у меня была истерика, принялся жалеть – а я этого не выношу, и изо всех сил старался терпеть, чтоб не заорать на него...

Один черт, дико поругались, не знаю, от чего. А, да. Оттого, что я стал жрать слишком много химии. Ну не могу я терпеть, боли у меня, а он не понимает! Я наорал, что куда ему, домашнему, тепленькому мальчику, он же не представляет что это такое – реальная болезнь, и БОЛЬ, и ломота, и скручивание каждого нерва. Да я лучше сдохну от транков, чем от этой сраной долбанной невротической боли! Голова, каждый сосудик в ней, ноги, ногти... волосы даже!! Он орал в ответ, обидевшись, что считаю его непонимающим, что пусть сдохну, раз такая сука, что потерпеть не хочу, и всякую прочую чушь, что мол, я его заботы не принимаю. Тупая, бесчувственная мразь.

- Тебе бы перерезать каждый сосуд в теле, вывихнуть каждый сустав, и в печень муравьев, да тошноту и муторность, да страх и холодный пот по ночам, когда даже в стену маме постучать не можешь, - сухо сказал я. – И вот это между прочим, тоже сладости не добавляет! – помахал раскровившимися пальцами.

Я ушел, и больше с ним не разговаривал, из дому снова не выходил, мама вернулась, и даже ничего не заметила кроме синяков под глазами, да что я похудел – но утешительно решила, что это я плохо ел без неё. А я был тих и мил, обходителен с мамой, сделал вид, что взялся за учебу, мама была очень рада.

Душа болела – где мой Арто пропадает? *Была бы жива Жахни, созвонился бы с ней, узнал...* Но стиснув зубы терпел, твердо решив сам ни в коем случае первым не звонить. Ведь это он виноват, я же от боли переборщил, надо понимать! Сейчас уступлю, так он на шею сядет, как девка, знаю я его бабский характер! Душа-то у него женская. Хотя, мы как-то не задевали эту тему – кто из нас «девочка», слишком унижительно и бессмысленно это.

Любовь твоя как кошмар, как наказание! Любить тебя – лучше убиться, зарезаться, чтоб не мучаться этой адовой болью, сплошное унижение! Ты раздражаешь, ты бесишь меня! Я мечтаю, я жажду уйти от тебя прочь и никогда больше не возвращаться! О, сладкие мечты – *я могу, я развернусь и уйду, исчезну и ты никогда, слышишь, сука, никогда больше не сможешь найти меня! Пропади, исчезни, растворишься навсегда в нигде! Оставь меня в покое, слышишь? Я не хочу больше ничего иметь с тобой! Не то что спать, а вообще просто больше ни-че-го не хочу! Я не уважаю тебя, и не хочу больше тебя ни в каком качестве!..* Давай, о давай же расстанемся, отпусти душу на покаяние!

Но если ты и правда решил исчезнуть, расстаться – приди и скажи мне об этом, почему ты так подло поступаешь, молча исчезнув, без единого слова! Это слишком низко с твоей стороны! Да, конечно, я сам всегда так и поступал со всеми, когда человек становился мне безразличен, я просто одномоментно прекращал с ним всяческие отношения, исчезал без единого слова. Но ведь я не любил их, и мог себе это позволить! А ты, ты не имеешь ни малейшего права поступать так же со мной! Потому что я тебе не дешевая девка, ты обязан сказать мне, что между нами происходит, и происходит ли вообще, чтоб я знал, раз и навсегда... молчишь? Молчи-молчи, я найду и убью тебя, сволочь, грязь! Я придушу тебя, чтоб ты знал, знал в вечности – со мной так поступать нельзя, я не все остальные, ты не имеешь такого права, равнять меня со всеми остальными! Да будь ты проклят, и чтоб ты сдох! Только скажи мне об этом! Не уподобляйся подлому мне, не молчи же!... Арто...

Я все сидел и сидел дома, мама пропадала в мастерской, изо всех сил зарабатывая денег мне на лечение, а я, не имея инвалидности, не могу работать, мне реально худо. В больницу меня сейчас не возьмут, не настолько плох, но и лечиться толком нечем. И заработать нечем. И мама говорит – сиди, что ты! Куда тебе, лечись, хотя бы просто спи вдоволь, папе это всегда помогало. Да, понимает мама, от кого родила, сама же, вот и не жалуется.

...спать не могу уже больше, и встать не могу, и желания нет куда-то пойти, и вообще ничего не хочется, только горячего чая с водкой в бесконечных количествах, и чтоб он позвонил... или пришел сразу, без звонка, и тогда сердце мое разорвется от счастья и боли, и полечу я прочь от земли, рассказать богу, как люблю дрянь эту, чистого, пакостного ангела моего, Арто...

Но он и не думал звонить! Он совсем забыл обо мне. И ведь знаю, что это не так, и страшно мне, и туго мне, и выть хочется. Но не сдаюсь, какая-то злость ещё держит – а пошел ты на хуй! Не звонишь – и не звони! Обойдешься без меня, как я без тебя обхожусь! Только вот, больно ли тебе, а и не знаю я, нужно ли, чтоб больно? А хочу ли...

И жру новые порции химии, а мама ругает – чего ты так, дозы соблюдай, отравишься! Я мутно плаваю – что ты, мама, не могу я терпеть! Накрывает меня. Ох, тошно мне, скучно!

Как-то стал звонить я Самому себе. Хотел узнать, ну как *Я там??* Кто же мне ещё расскажет, как не Я сам? Это оказалось так просто – набрать номер, и услышать...

- Аллэ? – сонный, ленивый голос. *Мой* голос. У меня глаза распахнулись так сильно, что аж веки свело – *я* отвечаю? Не может быть! Я же здесь? А там кто? Значит, я там? О, черт... зачем я звоню?
- Аллэ, говорите! – раздражаюсь я на том конце провода. А на этом конце я радостно улыбаюсь – узнаю себя! Меня всегда бесит очень, когда звонят и молчат.
- Го-во-ри-те! – по слогам произношу я там, а я здесь, хрипло откашлявшись, смущенно подаю голос:
- Алло, это я...
- Ну, а это я! – равнодушно отвечаю Я.
- А это... - тупо улыбаюсь я здесь.
- Что, в конце-концов! – почти ору Я там.
- Привет, вот что! – радостно выпалил я, сильно прижимая трубку к уху и тяжело дыша.
- Привет, привет, коль не шутишь! – усмехаюсь Я там.
- А ты? – спрашиваю я, боясь показаться самому себе ужасно тупым.
- Чего я, я вполне серьезно, - отвечает Я.
- Слушай, это... - мямлю я.
- А, дак это ж я! – вопит Я. А я падаю со стула.
- Блядь, скажи мне сначала, как так? – ору в ответ.
- Да я ж думал, че за хрен звонит, а это я! – радуется Я на том конце. У меня мутится разум, я теряюсь – где кто? Где я? как я там? Что я здесь?
- Ничего не понимаю... - растерянно шепчу в трубку я.
- Да че там, понимать-то нечего, нах! – продолжает радоваться легкомысленный Я там.
- Так я – это ты?
- Нет, я – это Я! – говорит Я. Я охуеваю окончательно, и кладу трубку, весь мокрый а в ушах стучат адские молоты. Ужас от чувства нереальности... ужас от выверта сознания... я наизнанку, наизнанку! – вскочил, распахнул окно, хотел заорать со всей дури, и не смог, тока шипение какое-то. Не в силах стоять, я упал на кровать. Аааааааа.....

Полежал, сцепив руки на колошматящем грудь изнутри сердце, и глядя в потолок, рисуя на нем мысленные узоры – изведанный способ успокоения, когда часами страшно лежать под капельницей. Утешает, уплываешь, забываешься... когда достиг

равновесия и пустоты, вновь резко сел на кровати, и ещё раз набрал свой номер. Уверен, на этот раз ничего не будет, ведь бред уже схлынул. Но нехорошие предчувствия кольнули в животе, и...

- Алло?
 - Ааа, блядь, сука! – прорычал я, сам себе. И очень хотел бросить трубку, но не смог. Только сильно сжал пальцы, аж хрустнуло.
 - Сам ты блядь, и сука! – рассмеялся Я зло там.
 - Ты что, реально есть? – я уже так устал поражаться, что стал холоден и спокоен.
 - Нет, это Я есть, а меня нету, - саркастично проворчал Я.
 - Ну-ну, а чем докажешь?
 - Ниче Я себе доказывать не буду, я никому ничего не должен! – зло бросил Я.
 - Ну точно, я, - рассмеялся я. – И как дела у меня?
 - Да заебись у меня дела! – ответил Я.
 - Аа, - тока и смог ответить я. А че мне у себя спрашивать?
 - Во-во, - ответил Я. – Приезжай ко мне! Попиздим, - сказал вдруг Я.
 - А? – тупо уставился я на трубку.
 - Давай, не ломайся, ты ж себя знаешь! – донеслось до слуха оттуда.
 - Вот этого я и боюсь, - рассмеялся я. – А че, идея! Тока вот куда, я ж здесь...
 - А Я – здесь! – ответил Я.
 - Ну круто... всегда хотел узнать, где я нахожусь вообще!
 - Находишься ты на улице Сезаревского, 33!
 - Чё? – в мозгу болезненно кольнуло – ну вот, что и требовалось доказать: - Нет такой улицы в Уфе!
 - А кто сказал, что это в Уфе? – расхохотался Я.
 - Блядь, ну а как же я тебя найду? – в отчаянии выкрикнул я. черт, да что же это такое, в конце-то концов!
 - Да очень просто, - усмехнулся Я. – Выходи из дома, и иди, ноги сами принесут. Ты сам знаешь, где это!
 - Да... - прошептал я, совершенно отчетливо чувствуя, куда идти.
- Весь дрожа от сладкого ужаса – а вдруг реально там – Я? Страшно и сладко, муторно – что за чушь, не может там меня быть! Разве я не здесь? Да нет, не здесь я нихрена. Я – там. И сейчас увижу себя... наконец, хоть посмотрю, какой я есть – думал я деловито, собираясь.*
- Да и вообще, все равно уже! Замотался в шарф и пошел. Ужас и бредовость ситуации просто накрывают, как транквилизатор, не сожрав ни капли наркоты, чувствую себя как полнейший идиот, и задыхаясь, чуть не бегом бежал по указанному адресу. Действительно, ноги сами несли, я огибал дома, нырял в переулки – глазами совершенно не понимая, где я, сознанием теряясь – что я? – но уверенно углубляясь в места совершенном незнакомые. Вот – Сезаревского, 28... еще немного!*
- Но... почти дойдя, посмотрел в окна, предположительно те, что нужно, безумно испугался, что там нет его, и что тогда? Ведь это смерть – если тебя нет! Это невозможно, невозможно! – попятился я.. Но остановился – а вдруг все же Я там?.. слабая мысль... но нет – так ярко представил, что реально там откроет кто-то*

другой, заспанная тетка в халате – не моя мама, а совсем чужая - и угрюмо скажет – а вам кого? А здесь таких нет! – и тогда... тогда! От ужаса и безысходности задохнулся! И чувствуя, как волосы на всем теле шевелятся от страха, развернулся и побежал прочь, прочь!!!

Заперся дома, и мучительно переваривал холодный комок жирных червей...

А Я вдруг звонит:

– А ты чего не пришел?

- Не знаю... - больно сглотнул я, шизея окончательно: - Дела...

Блядь, да а что я ещё должен был сказать?? Господи, скорее бы подохнуть... но эта спасительная обычно мысль вдруг оказалась жалкой и глупенькой, как недоразвитая малолетка, впервые делающая минет. Сравнение рассмешило и утешило меня, и я ощутил былое расположение к собеседнику. Да и не впервой же я с собой болтаю!

- Ааа, ну заходи, если что!

- Слушай, а ты не обиделся?

- На что, что ты не пришел?

- Ну да...

- Да ладно, я ж понимаю!

- Да, - я вдруг вдохновился, да так, что аж сел на постели: - ведь у человека никого нет, кроме него самого, с кем же ещё быть откровенным?

Хотя сейчас я врал, врал самому себе, но очень искренне сказал про откровенность. И я на том конце усмехнулся, так отчетливо, что без зеркала увидел, как усмешка искривила губы, и глаза блеснули нехорошим блеском – знаю, я тот знаю, что я этот думаю здесь! Что испугался постучать в квартиру. Да, себе тоже нельзя доверять, сам себя тоже можешь предать. И я на том конце, все поняв, сказал что-то невнятное про закипевший чайник, и отошел – мол, подожди минутку! И я затаив дыхание слушал, трубка нагревалась и жгла ухо – я буквально грел уши, как он там, то есть Я там с кем-то говорю на фоне шарканья шагов, какого-то смутного движения, и прочих домашних шумов. О, черт, но как же так? - кто там ещё, как я не знаю, с кем я там говорю?

- Ну вот, чайник вскипел, - мой голос вернулся в трубку так неожиданно, что я подпрыгнул, весь похолодев.

- Что... ты там с кем? – спросил я тихо.

- Не ты а я, - деловито ответил он, и кажется, закурил. – Послушай, ведь ты уже здесь, так?

- Да... - ответил я, не вполне понимая о чем он.

- Ну, ты здесь, то есть для тебя ты – там!

- Аа, - я вдруг проникся смыслом – я там!

- Ну и вот, а если ты там, то откуда тебе знать, с кем ты там говоришь?

- О, верно! – я был поражен простотой и логичностью мысли.

- Получается что? – Я там взял длинную паузу, дожидаясь ответа от меня.

- Эм... - напрасно силясь, я так и не понял, что требовалось сказать.

- Ну коли так, дык ничего, похуй. Просто жаль, что ты не пришел, а я тут

спиртику развел, для себя!

- *Спиртику? – живо заинтересовался я. Бля, зря все-таки не зашел, реально жаснуть спирта с самим собой!*
- *Да, и новый клип Жанны скачал, ты еще не видел!*
- *Есть у меня все, я ж – это ты!*
- *Не-е, она тока сегодня ночью выложила, специально для меня!*
- *Это как? – я нервно взял сигарету, не зная куда деваться – выходит, и у Жанны есть такая же «Она», то есть двойник, или не двойник, а в общем... ну ясно. Та Жанна, что может выложить некий клип специально для того меня, на каком-то специальном сервере! О, боже ж мой, но если я спрошу – это параллельный мир или что? – вдруг Я обижусь? Не, лучше промолчу пока, и постепенно сам пойму все.*
- *Ну так, надо было прийти и самому все увидеть!*
- *Так я приду! – запальчиво крикнул я, но на том конце уже деловито засопел, и сказал:*
- *Знаешь, я конечно, всегда тебе рад...*
«Врешь, не всегда!» - подумал я.
- *Ну хорошо, не всегда, - вздохнул Я. – Короче, я тебе сам позвоню, в ближайшие дни я просто пока не хочу себя видеть. Мне надо побыть...*
- *Одному?*
- *А я и есть один, просто... не ты понимаешь. Мне нужно...*
- *Хорошо, ладно, тогда я тоже не буду врать – ждать звонка не стану. Позвонишь – хорошо, исчезнешь навсегда – да и пошел ты нахуй! – весело сказал я. И повесил трубку. Мне ли привыкать слетать со всех мыслимых пределов разума?..*

А это было лишь начало. Дальше стало хуже.

Два дня я ходил ничего так, вполне в себе. Изредка вспоминая странный выверт разума, но свято веря – да, Я где-то там сижу, на несуществующей улице Сезаревского и знаю, что хоть и послал себя на хуй, а все равно могу позвонить себе. И между делом ловил себя на том. Что почти не вспоминаю Арто, поглощенный ерундовыми занятиями – гляжу в окно, рисую что-то карандашом, рассеянно брожу по дому – я вдруг стал бродить из комнаты в комнату часами, километры наверное наматывал – из спальни в кухню, из кухни в мамин кабинет. Из кабинета – в мамину спальню, и снова в кухню. Я бродил и бродил, трогая все, что попадалось под руку – а забредая к себе в комнату, садился рисовать, и из-под карандаша выходил кусочек шикарного платья Жанны, и ее изогнутая бровь... не выдержав странного томления, вскакивал и снова уходил в зал... там закуривал – теперь можно, мама сама стала курить и мне не запрещает, только если не видит этого. В зале включил... первое что попалось. Конечно же, диск Арто. А что еще могло бы лежать в этом доме на первом месте – маме его музыка тоже очень нравилась.

- *Ах, Арто, куда ж ты подевался? – горестно вздохнул я, успокаиваясь наконец в кресле. Устал я с тобой. И без тебя мне неймется... музыка твоя... любовь твоя... ты ведь так и не доучил меня играть на басу, нам еще есть для чего встречаться!..*

...тихие шаги разбудили меня. Мама пришла! Открыл глаза, и хотел было встать, поздороваться – соскучился за день, улыбка сама растянула губы – ну наконец-то! – но... это была не мама. Не знаю, как я понял это – но страх обдал болезненной и ледяной волной – в комнате пахло ребенком. Девочкой. С чего я это взял – не знаю, не знаю вообще ничего – но приоткрыв глаза, я едва удержался, чтоб не закричать дико и раздирающе – напротив стояла и смотрела прямо на меня маленькая девочка в розовом платье! Короткие волосики под каре, хорошенькая как куколка из магазина сувениров – но еб твою мать – ее не может здесь быть, ее не должно здесь быть! С трудом сглотив, я осознал, что это просто глюк – но блядь, сейчас я хочу спать, мне не нужны никакие хорошенькие маленькие видения здесь!

- *Пошла вон! – прошипел я, леденя от страха все больше – слишком уж реальна была эта...*

Она развернулась, так, что волосы качнулись в свете фонаря, и отбежала в другой угол комнаты. Там сидел на корточках...

- *Арто! – задушенным шепотом, зажимая себе рот рукой, выдохнул я, и слезы, горячая вода боли потекли по щекам. Арто, да что же это такое? Почему ты здесь?*
- *Он меня обижает! – указала рукой на меня малышка, и мой любимый погладил ее по волосам, и прижал лицом к себе:*
- *Не бойся, его не существует, он тебе просто показался!*
- *Чего? – беззвучно выкрикнул я: – Это вас не существует, ты зачем ребенка обманываешь, скажи ей правду! – почему-то звук так и не шел, голос напрочь отказал мне служить. «Доорался», – подумал я, не понимая, однако – где бы мне так орать доводилось накануне, чтоб остаться безголовым?*

...и я едва отличал реальность от нереальности... совсем выпадая вон из этого мира в другой... не понимая, где что, даже где потолок где стены.

Сидел, скукожившись, замотав одеялом худое тело с головой, и из этого домика смотрел в сладких муках ада, как Арто возится с ней, как с дочерью, целует её, водит за ручку, гладит под платицем... и сходил с ума, от отвращения и ревности к себе же.

Ведь эта девочка – Я!!

Уродливое и непритязательное открытие пробило огромную брешь в мозгу, и стало совсем трудно удерживать хоть какой-то рассудок.

Я – маленькая глупая девочка... я – в платице, и нежные пушистые волосики щекочат кукольные щечки... и ножки у меня тоненькие, в гольфиках... и я люблю Арто, а он дает мне конфеты, я хнычу и требую водки... Он подносит флейту к губам... и – замрите! – момент истины! Самый тонкий этот переход, между мирами – когда он ещё только вдыхает воздух, и чуть поводит флейтой, готовясь вот-вот вдохнуть первый звук... и – вот, уже уносит в мир волшебных сказок, где я принцесса, бабочки порхая, садятся мне на пухлые ручки в браслетиках... а платице на мне пышное... и когда я вырасту – я выйду замуж за короля Арто, и стану королевой страны Волшебной Флейты, и примерю эту

роскошную корону, которая сейчас на пышноволосой голове моего повелителя... или нет – мне же другую дадут, для королев – но я хочу эту, эту! – капризно топаю я ножкой в атласной туфельке, и сжимая кулачки упрямо кричу: - Эту, эту хочу, и вообще я сама хочу быть королем, а Арто пусть будет сам моей королевой!

- Но милая, ангелочек мой, девочка, принцесса! – увещевает король со флейтой: - Ты ведь и так уже король, король мой Гавриил, властитель сердца моего, там за горизонтом! - и он широко взмахивает флейтой, из которой широкой волной льется кровь, отделяя стеной нас от всего мира, и испугавшись – но в то же время в триумфе, хватаюсь за его парчовый подол, и жмусь больно и сладко к моему чудесному королю, про себя думая: «Я непременно стану королевой им свергну тебя к черту со твоего флейтового престола, мой восхитительный король, вот только подрасту, и ты у меня еще не так попляшешь!»

...в короткие промежутки ясности сознания, понимал вдруг, жалкий и мокрый от пота кошмаров, что весь этот бред – от тоски по Арто. Мне не с кем даже поговорить. Мама заходила иногда ко мне, предлагала вызвать врача, но я отмахивался, что на этот раз ничего такого, просто простудился – чему подтверждением высокая температура. О, как же я хотел видеть его!..

- *Моя принцесса желала, чтоб я плясал для неё? – склоняется король Арто в поклоне передо мной, а я важно киваю со своего трона, только вот ножки у меня короткие и смешно болтаются – но он не смеется, я с облегчением вздыхаю – очень боялась, что король будет смеяться над моей слабостью. Ничего, это скоро пройдет, я быстро вырасту и свергну тебя, король.*
- *Да, танцуй! – важно киваю снова, и голосок у меня нежный, как его флейта. Я буду королевой флейтовой страны! Я и сама как флейта. Никто ведь не знает, что я лишь маленькая глупая девочка, куда я принцесса – будущая жена короля...*
- *Слушаю и повинуюсь, моя принцесса! – и он принимается танцевать, мой король, так, как умеет только он один... кельтские танцы, стройный и изящный, как молодой олень из моего зоосада...*

В углу раздаются аплодисменты, похожие на хлопанье крыльев – я резко поворачиваю голову туда, и тугие локоны бьют по щекам – там стоит архангел Гавриил, худой и длинный, с темными глазами, болезненные синяки окружают глаза, но он все равно очень красив. Рукава закатываются от каждого хлопка в ладоши, и я замечаю широкие рваные шрамы, через все руки. Спрыгиваю со своего трона, и подбегая к нему, как к родному – с нестерпимым ужасом осознаю, что архангел этот – я!

- Маленькая принцесса шестикрылый серафим Гавриил! – кричит мне в спину со смехом король Арто, и я поскользнувшись, падаю без сознания на руки самому себе...

- *Гаври, ты бы хоть поел чего-нибудь! – вздыхает мама.*
- *Нет, мама, нет, не хочется мне! – а сам слепо шарюсь по столу, и натываюсь на*

сигареты – мамины, ароматизированные: - Я возьму одну, ладно? – и не дожидаясь ответа, закуриваю, она молча смотрит на меня, едва гася в глазах осуждение.

- Мама, не смотри на меня так, что ты в самом деле? – нервно вскрикиваю я, и затягиваюсь жадно и глубоко, снова и снова – сигарета кончается меньше чем за минуту, я беру еще одну – как же давно я не курил, мне очень хочется.
 - Сынушка, тошнить же будет, - тихо говорит мама, и сама берет сигарету. Я смотрю, как она делает первую затяжку и руки её трясутся будто у безнадежно пьяной. Стоять больше не могу, ноги подгибаются, и я сажусь напротив неё.
 - Мама, можно я музыку включу? – умоляюще смотрю на неё, будто она когда мне это запрещала. Помладше я слушал при ней на полную громкость всякую чертову панкуху – Жанна орала по-бешенному, и мяукала как помойная кошка, но Жанна-то маме всегда нравилась, она даже бывало подпевала своим прокуренным нежным голосом, как ржавый хрусталь...
 - Да, конечно, ставь что хочешь! – кивнула мама рассеянно, и я в порыве нежности, перегнулся через стол и поцеловал её в макушку, как ребенка, и вскочив, умчался искать – где, где?... а вот он, этот диск... как же хочется мамочке все рассказать! И даже заплакать, зарыдать нахрен со всей дури, жалко размазывая сопли, и скулеть, захлебываясь – мама, почему он не звонит, и уж тем более не заходит, он что, не любит меня на самом деле?... что случилось, ведь он клялся, что все вынесет рядом со мной, и никогда меня не бросит? О, нашел... вот он «Артур и его флейта», глупенькое название, но что уж поделать. Я встал, и тут же схватился за грудь, вынужденно валясь на кровать – сразила тошнота. Блядь, я все-таки перекурил. Но ничего, ничего... надо идти, мама запереживает! Поднял себя как мог, сгреб в охапку свое жалкое существо и побрел на кухню. Мама посмотрела на меня тепло и ободряюще, я виновато улыбнулся ей и поставил диск. Бережно усадил себя на стул, и прислонился к стене, чтобы не упасть – его флейта... его голос... меня качало... я плакал. Тихо, совершенно бесшумно... слезы текли и я не мог остановиться. Не вздыхал, не дрожал, не скулил – как хотелось, а даже не дышал.
- И мама, моя самая лучшая, тоненькая и изящная, миниатюрная мама, которую я давно перерос на полторы головы, не мешала мне. Она просто достала из холодильника бутылку коньяку, и поставила на стол два бокала для брэнди – аристократка, воспитанная в Восточной Европе, она любила, чтобы все было как положенно, и меня приучала. Села рядом со мной, налила на два пальца темного пойла, подтолкнула ко мне стакан. В глубоком вырезе платья качнулся изумрудный кулон. Я не выдержал, взял её за руку, теплую и тонкую, и поднес к губам. Она встала и прижала мое мокрое лицо к своей маленькой острой груди. Я плакал уже в открытую, но как не хотел – ни разу не мог даже всхлипнуть. Какая-то глупая гордость, привитая с детства не давала дышать, ибо «это недостойно»... чушь какая, и тем не менее. А от мамочки пахло духами, очень вкусно – она всегда так строго за собой следит... наверняка, Жанна такая же... мама-мама, верна одна лишь ты!
- И выключи, наконец, эту глупую музыку! – вскрикнул я, поднимая голову к её лицу. Она смотрела на меня глазами глубокими и нежными, и губы её чуть улыбались печально, и тонкие пальцы нежно путались у меня в волосах...

- Я так тебя люблю, деточка ты моя, сыночек! – прошептала она.
- И я тебя, мама! – улыбнулся я, чувствуя, что все лицо распухло, зареванное. Она поцеловала меня в лоб, и снова прижав лицом к себе, обняла двумя руками и покачала как маленького:
- Он вернется, - прошептала она мне в макушку: - Вы такая красивая пара, он не сможет без тебя, вот увидишь!

И я наконец позволил вырваться судорожному всхлипу, и вцепился в неё, как в последнюю надежду – как хорошо, что она все знает, и никак не упрекает. А я так боялся... она – богиня, моя мамочка. Она знает все на свете, и если уж она сказала – конечно, Арто никуда не денется. Я подожду... мама поможет вытерпеть! Мама и её коньяк...

Снова пьян. И душные объятия постели... прикончили с мамой две бутылки – она маленькая, а пьет как опытная панкерша, надо же, не замечал! А впрочем, я вообще как-то мало знаю о ней, не интересуюсь до сих пор – надо бы почаще проводить с ней вечера, ведь с ней так хорошо, что боже мой! Не один чертов Арто на белом свете! С мамой весело, она так хорошо смеется, и держит за руки, и запрокидывает голову, когда курит, и говорит смешные глупости – она совсем ещё молода, ах, как же я не замечал и не ценил? Отныне буду с ней смотреть кино, и пить коньяк, и может еще сходим побродить по парку, как в детстве – хочу узнать, как это будет сейчас, когда я уже совсем большой. А она ведь так похожа на девочку, мамочка моя – и поет чудесно – только курит много, зубки пожелтели... дома она бывает редко, и когда Арто ко мне вернется, придется ему объяснить, что теперь я буду с мамой вечерить. Хотя, раз она все знает и не против, то пусть и он с нами... но нет, я пожалуй пока все же не смогу, что-то стыдно мне ещё... и смущенный этими мыслями, сдаюсь в плен одеялу, заматываясь плотнее, хоть мне и жарко от выпитого. Надо бы уснуть, и может новый день принесет мне наконец желанные объятия Арто, и может, именно завтра он вернется ко мне наконец...

Но вот и он – черт, где вас так долго носило, сэр! – выкрикиваю я, голосом тонким и нежным, и короткие ножки несут меня навстречу к королю Арто, такому высокому и ослепительному в его короне. И он снимает перчатки, садясь на корточки передо мной:

- Принцесса, я принес вам новое платье, это слишком длинно для вашего высочества!
- Но я не хочу новое платье, - принимаюсь капризничать я – пока маленькая, буду! Хотя новое платье конечно, хочется поскорее!
- Ай-яй-яй, принцесса, что ж вы это так не цените моей заботы о вас, что даже не желаете взглянуть на принесенное мной? – укоризненно качает головой мой будущий муж, и я насупливаюсь, смущенная.
- Ну, если вы не хотите, так я пожалуй велю жечь это алое атласное платье в печи, как неудобное вашему высочеству!
- Мне угодно... - бормочу я, кусая пальчик.
- О, ну тогда не стаем медлить, примерьте же его скорее, моя любимая небесная

птичка! – кричит он радостно, и достает наконец платице. Я тяну ручки, в нетерпении примерить его – король Арто разворачивает передо мной платице, такое красивое, что наверняка и во всем свете не сыскать лучше!

- Дайте, дайте же скорее мне его! - кричу я, нетерпеливо топя ножкой.

...наблюдая со стороны, из своего тяжелого одеяла, как я – там, существо, в розовых трусиках, бросившее платице под ноги, и Арто – чертов урод, невыносимо прекрасен в короне и бело-золотом одеянии – иначе это не назвать, - прикладывает палец к губам, и наклонившись к девочке (ко мне, ебать на все четыре стороны – я эта маленькая глупая девочка!), говорит - уйдемте с поляны, как бы нас кто не увидел, не престало принцессе переодеваться на глазах кого попало!

О, взорвись же уже, моя ебаная сумасшедшая голова! – умоляю сам себя, и следую за ними в розовые кусты, чтоб видеть, как он ласкает меня, маленькую, целуя в пахучий височек, и ямку на шее с нежными пушистыми завитками, и я послушно вытягиваю ручки, а Арто натягивает мне через хорошенькую головку алое платице, и расправляет складки на нем, оглаживая все тельце... и шепчет что-то на ушко, а я – маленькая принцесса, совсем ещё наивная дурочка, слушаю сладкие речи чертова извращенца, и хихикая в кулачок... о, он всего лишь хочет, чтоб я отблагодарила своего короля за подарок невинным танцем! Ах ты, ебаная тварь! Где же архангел Гавриил, как он вот так запросто на это смотрит, и почему ничего не делает? – нервно озираюсь я в поисках серафима. Он обязан наказать Арто за мерзкие игры с ребенком! Что же он, дожидаться не может, пока я вырасту и стану его женой – тогда уж сколько угодно, о, да я ему тогда такое покажу! Я ведь умею, да – самодовольно усмехнулся я, и вдруг понял, что не смогу выйти за него замуж – да и ничего мерзкого в возне Арто с маленькой

Тем временем, король Арто достал длинную черную флейту свою, и стал играть на ней, и я принялась танцевать, околдованная совершенно дивными звуками музыки, которую так люблю и здесь, и на небесах, где бываю серафимом...

Ах, да – музыка лишила меня злости, и я едва не забыл, что как Гавриил должен наказать коварного короля Арто за недостойный обман его маленькой невесты...

Но что это со мной – ведь он делает совершенно ничего такого, что могло бы вызвать отвращение и тошноту, и уж тем более ни в какие сравнения не идет с тем, что сам я вытворял ранее, утешая гнилое нутро мое в извращениях над разными девицами – пусть и вполне взрослыми! И над самим Арто тоже – там, где он не король нигде, кроме как в моем сердце. И что такого, что он шарился у девочки под платицем – ведь это же я, значит можно, и никак не могу понять, в чем тут мерзость, и чем это мерзее того, что он шарил у меня в штанах – здесь... пытаюсь схватить мысль – но тщетно! И не могу, не могу понять, что же так меня бесит...

Это невозможно, невозможно терпеть дольше! Я или умру уже, наконец, или увижу его, дабы выкрикнуть в лицо, красоту которого я проклинаю всем сердцем! – оставь

в покое меня, она же еще ребенок!!

А к тому же, невыносимая необходимость как можно скорее рассказать ему о том, что я не так прост, как он обо мне думает - я трио: маленькая глупая девочка принцесса, архангел Гавриил, и тот, каким он меня видит – тот, кто наблюдает за ними из розовых кустов, удушенный одеялом, в спальне квартиры на седьмом этаже... и узнать поскорее, будет ли он меня любить таким, сумеет ли обнять сердцем всех трех разом?..

Без него подышаю. У нас обоих никого кроме нас самих не осталось. Разве же он не понимает?.. А я и вовсе пришел туда откуда ушел. Раньше был один, тотально один. И сейчас – до звона в ушах. До боли... *«В глаза обратно льются слезы, стерлась постель...»* Стерлась от моих корчей...

И однажды, нашел в себе силы встретиться с ним, просто выйти на улицу. Думал, мечтал, как сейчас обниму его, и вернусь в себя. Верил в спасение.

Но... Это Вселенское, необратимое НО! Но, которое я так ненавижу... больше всего не выношу в жизни непоправимое, за которым ВСЁ...

Нет, такие как Арто не умеют любить. «Их любовь все равно, что проклятье. Их любовь – все равно что позор!» – Жанна моя Жанна... уже даже и ты не спасаешь. Да и похуй на позор. Какая вообще, блядь, разница, я мразь, и не знаю никакого позора, а вот поди ж ты!

ЭТО КОНЕЦ

Он решил бросить меня. Уйти. Навсегда. Мол,

- ...наши отношения изжили себя.

Я нервно рассмеялся, не поверив. Это ведь снова игра такая. Я хотел его тронуть, но он так холодно и серьезно отстранился: «не надо, Ветер». Вот так, Ветер. Не малыш, ни детка... ни какой-нибудь ещё его пошлый бабский нежный штамп, а просто Ветер. Как для кого угодно с улицы. Даже не Гавриил... И я вдруг понял, что он серьезно. Прочувствовал этот неведомый доселе лед, и промерз моментально до самого дна души. Нет ни малейшей лазейки, ни капли надежды, какие бывали в прошлые, даже самые страшные наши ссоры...

- Вот почему ты исчез...

- Да, а ты разве ничего не заметил сам?... - и что-то ещё, но я не слушал.

Я просто кивнул, сказал: «ладно!» - как кому-нибудь другому, ничего не обещая обещанием, и пошел прочь. Он не стал останавливать. Я ни разу не оглянулся. Ад сердечно обнял меня, простой и голый. Ледяной Ад, какой он есть.

Чтож, видно такова моя судьба, никчемного уродя!

Пришел домой, и в экстазе чистой боли написал на грубо вырванном из его забытой (как я теперь) студенческой тетради листе: *«Прошу никого не винить, кроме меня. Я был негодный дурак, негодный для него»*. Положил листок на стол, надел его

платье, вытянул из-под всякогохлама у компа верное лезвие, (*которым сам делал ему шрамирование на животе*), лёг в постель и перерезал вены...